

Международный совет научных проектов
и издательских программ АИРО

Геннадий БОРДЮГОВ	Руководитель
Андрей МАКАРОВ	генеральный директор
Сергей ЩЕРБИНА	арт-директор
Карл АЙМЕРМАХЕР	Рурский университет в Бохуме
Дмитрий АНДРЕЕВ	Журнал «Политический класс», МГУ им. М. В. Ломоносова
Дитрих БАЙРАУ	Тюбингенский университет
Дьердь БЕБЕШИ	Печский университет
Владимир БЕРЕЛОВИЧ	Высшая школа по социальным наукам, Париж
Бернд БОНВЕЧ	Рурский университет в Бохуме
Ричард БУРГЕР	INTAS, Брюссель
Харуки ВАДА	Фонд японских историков
Людмила ГАТАГОВА	Институт российской истории РАН
Пол ГОБЛ	Фонд Потомак
Габриэла ГОРЦКА	Центр «Восток–Запад» Кассельского университета
Андреа ГРАЦИОЗИ	Университет Неаполя
Никита ДЕДКОВ	Центр развития информационного общества (РИО-Центр)
Ричард ДЭВИС	Бирмингемский университет
Стивен КОЭН	Принстонский, Нью-йоркский университеты
Алан КАСАЕВ	РИА «Новости»
Джон МОРИСОН	Лидский университет
Василий МОЛОДЯКОВ	Университет Такусёку, Токио
Игорь НАРСКИЙ	Южно-Уральский государственный университет
Норман НЕЙМАРК	Стэнфордский университет
Дональд РЕЙЛИ	Университет Северной Каролины на Чапел Хилл
Борис СОКОЛОВ	Российский государственный социальный университет
Такеси ТОМИТА	Сейкей университет, Токио
Татьяна ФИЛИППОВА	Российский исторический журнал «Родина»
Ютта ШЕРРЕР	Высшая школа по социальным наукам, Париж

С. В. КОНСТАНТИНОВ

«В НЕВЕРНОМ
ОЗАРЕНЬЕ СЛАВЫ...»:
РЕФОРМАТОРЫ И ЖЕРТВЫ

Москва
«АИРО–XXI»
2008

Книга издана благодаря содействию друзей автора:

Геннадия Бордюгова

Олега Давыдова

Алана Касаева

Андрея Макарова

Эльгены Молодяковой

Василия Молодякова

Алексея Пигина

Бориса Соколова

Константинов С. В. «В неверном озаренье славы...»: реформаторы и жертвы. [Текст]. Сост.: Давыдов О. В., Касаев А. Ч., Молодяков В. Э. – М.: АИРО–XXI, 2008. – 148 с.

ISBN 978-5-91022-055-7

© Константинов С.В., 2000–2001

© Давыдов О.В., Касаев А.Ч., Молодяков В.Э.,
сост., 2008 г.

© «АИРО–XXI», 2008 г.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>От составителей</i>	7
Реформатор или психопат? ПАВЕЛ I	9
Величайшая дипломатическая провокация XIX века. Отто фон БИСМАРК	15
Роковое решение. НИКОЛАЙ II	22
«Как будто ангел будил льва...» Юзеф ПИЛСУДСКИЙ	29
Временщик исторической минуты. Александр КЕРЕНСКИЙ	35
Октябрьская революция была неизбежной. Владимир ЛЕНИН	48
Жизнь во все стороны. Пётр КРОПОТКИН	52
Свой среди чужих, чужой среди своих. Леонид КРАСИН	58
Жертва Маркса. Лев ТРОЦКИЙ	65
В роли покровителя муз. Лев ТРОЦКИЙ и ФЕДОР СОЛОГУБ	72
Отвергнутый футурист. Владимир МАЯКОВСКИЙ	77
«Я человек очень мягкий, не могу ломать...» Михаил КАЛИНИН	84
Двойное забвение. Алексей СТАХАНОВ	88

Маленький человек? Николай ЕЖОВ	94
«Карьерист, фанатик, бандит». Степан БАНДЕРА	101
Несостоявшиеся наследники. Николай ВОЗНЕСЕНСКИЙ и АЛЕКСЕЙ КУЗНЕЦОВ	108
Шоковая терапия. Никита ХРУЩЁВ	119
Съезд партии обречённых. Михаил ГОРБАЧЁВ	126
Послесловия <i>Василий Молодяков. Наука расставания</i>	133
<i>Олег Давыдов, Алан Касаев. Исторический обозреватель</i>	136

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

Выпуская книгу избранных исторических очерков нашего коллеги и друга – трагически погибшего Сергея Викторовича Константинова (25.07.1968 – 3.07.2001), мы не просто хотим почтить память одаренного историка и замечательного товарища, которого всем нам очень не хватает.

Сергей Викторович, для многих из нас – просто «Сережа», не «подавал надежды». Нелепая случайность оборвала его жизнь на творческом подъеме, но он успел сделать достаточно для того, чтобы остаться в российской историографии как состоявшийся, хотя и не в полной мере реализовавшийся ученый. Поэтому мы убеждены, что лучшие из его последних работ, собранные в настоящую книгу, при всей их возможной спорности, имеют неоспоримую научную ценность, вне зависимости от личности автора. Историки России еще долго будут обращаться к ним. А тот, кто не будет обращаться, много потеряет.

Сергей закончил в 1992 г. Исторический факультет Московского педагогического государственного института им. В. И. Ленина, в 1998 г. там же защитил кандидатскую диссертацию «И. В. Сталин и национально-государственное переустройство России (1917–1941)». Затем он преподавал, работал помощником первого заместителя министра образования РФ, а вскоре стал обозревателем «Независимой газеты».

По складу ума и характера, по темпераменту и по взглядам на историю и жизнь Сергей Константинов не принадлежал к академическому истеблишменту. Принципиальный враг любой ортодоксии, как идеологической, так и научной, он старался жить и работать «вне школ и систем», любя споры и отстаивая свободу исследователя. При этом он отлично умел работать в коллективе, где был одновременно креативен и восприимчив к идеям других.

В тематике работ Сергея четко видны его симпатии и антипатии, но он не жертвовал научной объективностью ради политических или идеологических целей. Его статьи нередко были полемически заостренными, но это всегда был искренний поиск истины, а не полемика ради полемики. Много из написанного им вызывало несогласие ранее и способно вызвать его сегодня. Но несомненная честность автора как ученого и гражданина вкупе с высоким профессионализмом искупают возможные недостатки.

Мы гордимся, что наиболее продуктивный период короткой, но насыщенной жизни историка Сергея Константинова был связан с нашей Ассоциацией и редакцией «Независимой газетой» начала 2000-х годов. Он был и остается одним из нас. Вечная ему память!

Олег Давыдов

Алан Касаев

Василий Молодяков

РЕФОРМАТОР ИЛИ ПСИХОПАТ?

ПАВЕЛ I

Личность Павла I всегда вызывала противоречивые оценки. Весть о последовавшей с 10 на 11 марта 1801 г. смерти императора дворянство встретило всеобщим, солидарным ликованием, никакого траура в Петербурге не было, зато шампанское лилось рекой, а музыка на балах утихла только под утро. Простые люди восприняли это известие со скорбью, о Павле они говорили: «Он был наш отец». В народе достаточно быстро распространились слухи о том, что император умер не своей смертью, может быть, поэтому солдаты Преображенского и Семеновского полков и встретили первый выход Александра I к войскам не ликованием, а гробовым молчанием...

В наше время на уровне школьного образования и массмедиа Павел I представляется либо совершенно ничтожным психопатом, либо просто больным, несчастным человеком, таким российским Гамлетом. В учебнике для 9 класса по истории России XIX века, написанном авторитетным историком П. Зыряновым, царствованию Павла I посвящено всего полстраницы, где император предстает исключительно как «крайне вспыльчивый и несдержанный, легко впадающий в необузданную ярость» человек, в царствование которого были только «массовые аресты, ссылки, свирепая муштра, палочная дисциплина, цензура» и воровство точно такое же, как и при Екатерине II. В документальном сериале «Российская импе-

рия» Леонида Парфенова, показанном недавно по НТВ, подобные представления несколько смягчаются рассказами о несчастной жизни Павла в качестве наследника престола и жуткими подробностями его убийства, но все равно остаются определяющими в оценке исторической роли императора. Едва ли мы ошибемся в предположении о том, что в массовом сознании образ Павла остался по большей части таким же, как в советское время, – тупой солдафон, психопат, гонитель великого полководца Александра Суворова, в общем, жестокий сумасброд и деспот, знакомый миллионам людей по фильму «Суворов» и рассказу Юрия Тынянова «Подпоручик Киж».

За скобками таких представлений оказывается практически вся государственная деятельность Павла I, в которой некоторые дореволюционные историки видели немало полезного и ценного для России. Василий Ключевский, вовсе не апологет Павла, считавший его «нравственно ненормальным царем», тем не менее находил положительные моменты в царствовании этого императора. «В основе правительственной политики императора Павла, – писал Ключевский, – лежали серьезные помыслы и начала, заслуживающие нашего полного сочувствия... Павел был первый противодворянский царь этой эпохи... Инстинкт порядка, дисциплины и равенства был руководящим побуждением деятельности этого императора, борьба с сословными привилегиями – его главной задачей. Так как исключительное положение, приобретенное одним сословием, имело свой источник в отсутствии основных законов, то император Павел начал создание этих законов».

Какие же такие начала и помыслы Павла I вызвали сочувствие у Ключевского? О чем не пишут в школьных учебниках и не вещают с телеэкрана, когда речь заходит о кратковременном царствовании этого императора? Можно ли считать Павла I незаурядным государственным деятелем, способным проводить серьезные реформы, или он достоин остаться в нашей памяти «венчанным психопатом» (термин дореволюционного историка Александра Корнилова)?

Ни до, ни после вступления на престол Павел не имел четкого плана государственных преобразований. Ряд его начинаний провалился или привел к совершенно иному, не планируемому самим Павлом последствием. Император был действительно вспыльчивым человеком, подверженным резкой смене настроений, часто впадал

в депрессии, виной чему была во многом его мать, Екатерина II, лишившая его даже права воспитывать собственных детей, не говоря уже о занятиях государственными делами. В 1774 году Павел подал Екатерине II записку, в которой доказывал, что наступательные войны вредно отзываются на благосостоянии России, и высказал ряд предложений по борьбе с чиновничьим произволом. Реакция императрицы на эту записку была, мягко говоря, некорректной: в день своего рождения она подарила Павлу недорогие часы, в то время как своему фавориту Григорию Потемкину пожаловала 50 тысяч рублей. В своей неприязни по отношению к сыну Екатерина переходила все границы. В том же 1774 году, вскоре после того, как Павел похоронил свою первую жену Наталию Алексеевну (умершую во время родов), императрица дала своему сыну прочесть любовные письма к покойной графа Андрея Разумовского. Екатерина даже подготовила манифест о назначении наследником престола старшего сына Павла, Александра. Манифест планировалось обнародовать 5 декабря 1796 года, но за три недели до этого императрица умерла.

Павел вступил на престол, не имея фактически никакого опыта государственной деятельности. Многие его преобразования были продиктованы исключительно ненавистью к порядкам, установленным его матерью. Современникам казалось, что, сокрушая эти порядки, Павел дискредитирует самодержавие. Николай Карамзин в своей известной «Записке о древней и новой России» писал: «...Что сделали якобинцы в отношении к республикам, то Павел сделал в отношении самодержавия: заставил ненавидеть злоупотребления оногo». Карамзин, как и многие другие современники Екатерининского века, боготворил императрицу, прежде всего, за те безмерные вольности, которыми она одарила дворянство. Павел же позволил себе на эти вольности посягнуть. Почему он это сделал? Только ли из ненависти к матери и ее фаворитам? Насколько были оправданы все те ущемления дворянских прав и привилегий, которые осуществил Павел I?

Образ жизни дворянства во времена Екатерины II Ключевский лаконично охарактеризовал как «безделье» и «бесцельное существование». Дворянство избегало тягот государственной и военной службы, неохотно шло в университеты, боясь, по словам одного из современников, потерять там «приобретенные дома добропо-

рядочные манеры». «Во все царствование Екатерины, – пишет Ключевский, – ни один медик не получил ученого диплома, т. е. не выдержал экзамена».

«Противодворянский царь» Павел I был востребован своим временем. В наследство от матери он получил насквозь прогнившее, коррумпированное государство, в котором «лихоимство», как писал видный литератор XVIII века Андрей Болотов, «вкралось во все чины до такого высокого градуса, что никто не хотел ничего без денег делать и все вообще шло на деньгах и на закупании». Это «лихоимство» Павел пытался уничтожить не только ущемлением вольностей дворянства (за что, в конечном счете, и поплатился головой), но и реформированием государственного аппарата.

У современников много насмешек вызывал факт установления Павлом возле своего дворца специального ящика для прошений, в который каждый мог опустить письмо. Юрий Тынянов в рассказе «Подпоручик Киж» высмеял Павла за этот ящик. Писатель искажал истину, изображая эту историю как анекдот – мол, Павел распорядился убрать ящик для прошений населения после того, как в нем нашли карикатуру с надписью «батька курносый». На самом деле Павел вовсе не смущался подобными эпиграммами и ежедневно лично читал все (!) письма на свое имя, стараясь реагировать на каждое. Насколько нам известно, ни до, ни после Павла I, ни один из царей (генсеков и президентов) ничем подобным не занимался. Конечно, чтение писем простых людей в течение многих часов занятие бессмысленное для главы государства, но тот факт, что Павел стремился из первых рук знать нужды и чаяния своих подданных, вызывает уважение.

Чаще всего реформы Павла I вызывают усмешки или осуждение. Действительно, введение палочных наказаний для дворянства меркнет на фоне щедрых земельных пожертвований фаворитам императора, жестоких расправ над бунтующими крестьянами. Историки, в том числе и Ключевский, не склонны видеть в сокращении барщины (даровой работы крестьян в имении помещика) на срок до трех дней (вместо пяти и даже шести дней) серьезного шага Павла I, направленного на улучшение условий жизни крестьянства. Однако ряд других указов Павла свидетельствуют о том, что он все же искренне стремился облегчить участь миллионов простых людей, низведенных Екатериной II до уровня бесправных

рабов. При Павле I казенные (государственные) крестьяне получили 15-десятинный душевой надел, им были списаны недоимки по уплате долгов за 20 лет, император запретил продажу «дворовых людей и крестьян без земли с молотка», разрешил крестьянам заниматься мелкой торговлей в городах, распорядился учредить в каждом селе на случай неурожая запасной хлебный магазин. Император пытался ограничить произвол помещиков по отношению к крестьянам. Губернаторам Павел предписал следить за отношением помещиков к крепостным и при получении сведений о жестокостях дворян приказал «без всякой огласки из дому» заключать их в монастырь. Он также разрешил крепостным подавать жалобы на свое имя и не наказывал плетью и каторгой «дерзостных челоубитчиков», как это делалось в царствование Екатерины II.

Можно и нужно вспомнить и о других полезных начинаниях Павла I, о которых не пишут в школьных учебниках. Он, к примеру, сумел стабилизировать рубль, привести в порядок финансы страны. Павел просто сжег 6 миллионов бумажных ассигнаций и увеличил запас серебряной монеты перечеканкой придворных серебряных сервизов. Это мероприятие даже критически настроенный к царствованию Павла I историк Александр Корнилов расценил положительно. Корнилов считал, что уменьшение хождения ассигнаций свидетельствовало «о намерении правительства расплачиваться с долгами, а не увеличивать их». При Павле I были снижены цены на соль, а для снижения цен на хлеб открывались казенные магазины, при нем была основана Российско-американская торговая компания, открыт Дерптский университет, высшее медицинское училище, музыкальная академия. Государственный аппарат, в частности Сенат, работал при Павле необычайно эффективно. Число рассмотренных в Сенате дел возросло с 11836 в 1796 году до 29988.

Царствование Павла ознаменовалось значительным облегчением для старообрядцев. К ним он повелевал относиться «ласково, с доброхотством и человеколюбием». Павел вообще считал, что свобода веры является наилучшим средством «сохранить между обитателями различного закона тишину и спокойствие». В одном из своих указов он предписывал: «Дабы различие закона не служило поводом притеснять друг друга. Но каждый бы оставался при исповедании того, к коему совет его прилепляет, был добрым

и мирным гражданином». Слова не расходились с делами: Павел освободил от обязанности поставлять солдат (рекрутчина) три старообрядческих монастыря, дал деньги на восстановление в Верхне-Успенском монастыре сгоревшей церкви.

Павел был глубоко верующим человеком, натурой рыцарской. От избытка религиозных чувств он награждал священников орденами. Он не казнил ни одного из своих политических противников (в отличие от Екатерины II, казнившей поручика Мировича, пытавшегося возвести на престол свергнутого Елизаветой Ивана Антоновича). Да, он подверг гонениям великого полководца Александра Суворова, но, тем не менее, всегда относился к нему с уважением, о чем, к примеру, свидетельствуют следующие строки из его письма Суворову от 6 февраля 1799 года, накануне его назначения командующим армией в ставшем вскоре знаменитом итальянском походе: «Граф Александр Васильевич! Теперь нам не время рассчитывать, виноватого Бог простит. Римский Император требует Вас в начальники своей армии и вручает Вам судьбу Австрии и Италии. Мое дело на сие согласиться, а Ваше спасти их. Поспешите приездом сюда и не отнимайте у славы Вашей времени, а у меня удовольствия Вас видеть». Не следует забывать и о том, что именно Павел присвоил Суворову звание генералиссимуса.

Конечно, Павел I и его царствование были далеки от совершенства. Однако для дела сохранения монархии этот император сделал гораздо больше других. Именно Павел своим указом о престолонаследии закончил эпоху дворцовых переворотов. По злой иронии судьбы эта эпоха завершилась убийством самого Павла. Это убийство – одна из самых позорных страниц нашей истории. Павел, при всех его недостатках, сделал очень многое для разрядки социальной напряженности в обществе. К сожалению, потомки вспоминают куда больше о его сумасбродстве, а не о его благих делах, о которых не следует забывать.

ВЕЛИЧАЙШАЯ ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ ПРОВОКАЦИЯ XIX ВЕКА.

ОТТО ФОН БИСМАРК

История знает самые разнообразные поводы к развязыванию войн. Пограничные инциденты, коллективные и индивидуальные теракты, оккупация территории союзного государства, объявление о мобилизации армии – вот, пожалуй, основные из них. Если напрячь память, то можно найти и кое-что пооригинальнее. Так, к примеру, поводом к войне английских колоний Северной Америки за независимость от метрополии в 70-е годы

Князь Бисмарк

XVIII века явилось так называемое «бостонское чаепитие». В 1773 году колонисты Бостона, переодетые индейцами, сбросили в воду с британских кораблей упаковки с чаем, после чего англичане закрыли в Бостоне порт, а колонисты объявили бойкот английским товарам, за чем и последовала война. Впрочем, этот случай исключение из правила. Во всяком случае, в истории Европы XIX века, об одной из страниц которой мы хотим рассказать.

В XIX веке Европа воевала слишком много, фактически постоянно. Европейские монархи не слишком затрудняли себя в поисках повода к очередной войне. Наполеон Бонапарт, к примеру, без всяких дипломатических нот об объявлении войны просто внезапно вторгся со своей армией в ту или иную страну, а его министр иностранных дел Талейран задним числом разъяснял правительству поверженной страны, зачем это делалось. Когда в 1802 году Наполеон завоевал Швейцарию, Талейран в специальном

циркуляре разъяснил швейцарцам, что это сделано «не затем, чтобы лишить Швейцарию свободы, но затем, чтобы успокоить раздражающие ее смуты» (которых на самом деле не было).

Князь Отто фон Бисмарк не щеголял прилюдно политическим цинизмом, как это делал Талейран, он просто считал это излишним, да и его политический вес при прусском короле и германском императоре Вильгельме I был куда выше, чем вес Талейрана при Наполеоне. Бисмарк был не исполнителем воли монарха, а самостоятельным политиком. Он доказал это неоднократно. В 1866 году, после победы Пруссии в войне против Австрии, Бисмарк не позволил Вильгельму I «поставить Австрию на колени», оккупировав Вену. Бисмарк настоял на сравнительно легких условиях мира для Австрии с тем, чтобы обеспечить ее нейтралитет в будущем конфликте Пруссии и Франции, который год от года становился неизбежным.

Войну с Францией Бисмарк спровоцировал еще не виданным доселе в мировой истории способом: он отредактировал депешу и опубликовал ее в газетах. Почему он избрал именно такой способ провокации? Чтобы ответить на этот вопрос, нужно совершить краткий экскурс в историю отношений Франции и Северо-Германского союза во второй половине 60-х годов XIX века.

Победив в войне с Австрией, Пруссия добилась от нее согласия на образование из 22 отдельных германских государств Северо-Германского союза. Вне Союза остались южные немецкие земли Бавария, Вюртемберг и Баден. Франция делала все возможное, чтобы помешать Бисмарку включить эти земли в состав Северо-Германского союза. Наполеон III не хотел видеть на своих восточных границах объединенную Германию. Бисмарк понимал, что без войны эту проблему решить не удастся. Во Франции в то время были сильны воинственные антигерманские настроения. На них-то Бисмарк и сыграл.

Появление «эмсской депешы» было вызвано скандальными событиями вокруг выдвижения принца Леопольда Гогенцоллерна (племянника Вильгельма I) на испанский престол, освободившийся после революции в Испании в 1868 году. Бисмарк верно рассчитал, что Франция никогда не согласится на подобный вариант и в случае воцарения Леопольда в Испании начнет бряцать оружием и делать воинственные заявления в адрес Северо-Германского союза, что рано или поздно закончится войной. Поэтому он

усиленно лоббировал кандидатуру Леопольда, уверяя, однако, Европу в том, что германское правительство совершенно непричастно к претензиям Гогенцоллернов на испанский трон. В своих циркулярах, а позже и в мемуарах Бисмарк всячески откешивался от своего участия в этой интриге, утверждая, что выдвижение принца Леопольда на испанский престол было «семейным» делом Гогенцоллернов. На самом деле Бисмарк и пришедшие ему на помощь военный министр Роон и начальник генштаба Мольтке потратили немало сил, чтобы убедить упирающегося Вильгельма I поддержать кандидатуру Леопольда.

Как Бисмарк и рассчитывал, заявка Леопольда на испанский престол вызвала бурю негодования в Париже. 6 июля 1870 года министр иностранных дел Франции герцог де Грамон восклицал: «Этого не случится, мы в этом уверены... В противном случае мы сумели бы исполнить свой долг, не проявляя ни слабостей, ни колебаний». После этого заявления принц Леопольд без всяких консультаций с королем и Бисмарком объявил, что отказывается от притязаний на испанский престол.

Этот шаг не входил в планы Бисмарка. Отказ Леопольда разрушил его расчеты на то, что Франция сама развяжет войну против Северо-Германского союза. Это было принципиально важно для Бисмарка, стремившегося заручиться нейтралитетом ведущих европейских государств в будущей войне, что ему потом и удалось во многом из-за того, что нападающей стороной была именно Франция.

Трудно судить, насколько искренним был Бисмарк в своих мемуарах, когда писал о том, что по получении известия об отказе Леопольда занять испанский престол «моей первой мыслью было уйти в отставку» (Бисмарк не раз подавал Вильгельму I прошения об отставке, используя их как одно из средств давления на короля, который без своего канцлера не значил в политике ничего), однако вполне достоверно выглядит другое его мемуарное свидетельство, относящееся к тому же времени: «Войну я уже в то время считал необходимостью, уклоняться от которой с честью мы не могли».

Пока Бисмарк раздумывал, какими еще способами можно спровоцировать Францию на объявление войны, французы сами дали к этому прекрасный повод. 13 июля 1870 года к отдыхающему на эмских водах Вильгельму I с самого утра заявился француз-

ский посол Бенедетти и передал ему довольно наглую просьбу своего министра Грамона – заверить Францию в том, что он (король) никогда не даст своего согласия, если принц Леопольд вновь выставит свою кандидатуру на испанский престол. Король, возмущенный такой действительно дерзкой для дипломатического этикета тех времен выходкой, ответил резким отказом и прервал аудиенцию Бенедетти. Спустя несколько минут он получил письмо от своего посла в Париже, в котором говорилось, что Грамон настаивает, чтобы Вильгельм собственноручным письмом заверил Наполеона III в отсутствии у него всяких намерений нанести ущерб интересам и достоинству Франции. Это известие окончательно вывело из себя Вильгельма I. Когда Бенедетти попросил новой аудиенции для беседы на эту тему, он отказал ему в приеме и передал через своего адъютанта, что сказал свое последнее слово.

Об этих событиях Бисмарк узнал из депеши, посланной днем из Эмса советником Абекеном. Депешу Бисмарку доставили во время обеда. Вместе с ним обедали Роон и Мольтке. Бисмарк прочитал им депешу. На двух старых вояк депеша произвела самое тяжелое впечатление. Бисмарк вспоминал, что Роон и Мольтке были так расстроены, что «пренебрегли кушаньями и напитками». Закончив чтение, Бисмарк через какое-то время спросил у Мольтке о состоянии армии и о ее готовности к войне. Мольтке ответил в том духе, что «немедленное начало войны выгоднее, нежели оттяжка». После этого Бисмарк тут же за обеденным столом отредактировал телеграмму и зачитал ее генералам. Вот ее текст: «После того как известия об отречении наследного принца Гогенцоллерна были официально сообщены французскому императорскому правительству испанским королевским правительством, французский посол предъявил в Эмсе его королевскому величеству добавочное требование: уполномочить его телеграфировать в Париж, что его величество король обязывается на все будущие времена никогда не давать своего согласия, если Гогенцоллерны вернутся к своей кандидатуре. Его величество король отказался еще раз принять французского посла и приказал дежурному адъютанту передать ему, что его величество не имеет ничего более сообщить послу».

Еще современники Бисмарка заподозрили его в фальсификации «эмской депеши». Первыми об этом стали говорить немецкие социал-демократы Либкнехт и Бебель. Либкнехт в 1891 году даже опубликовал брошюру «Эмская депеша, или Как делаются

войны». Бисмарк же в своих мемуарах писал о том, что он только «кое-что» вычеркнул из депеши, но не прибавил к ней «ни слова». Что же вычеркнул из «эмской депеши» Бисмарк? Прежде всего то, что могло бы указать на истинного вдохновителя появления в печати телеграммы короля. Бисмарк вычеркнул пожелание Вильгельма I передать «на усмотрение вашего превосходительства (т. е. Бисмарка. – С. К.) вопрос о том, не следует ли сообщить как нашим представителям, так и в прессу о новом требовании Бенедетти и об отказе короля». Чтобы усилить впечатление о непочтительности французского посланника к Вильгельму I, Бисмарк не вставил в новый текст упоминание о том, что король отвечал послу «довольно резко». Остальные сокращения не имели существенного значения.

Новая редакция эмской депеши вывела из депрессии обедавших с Бисмарком Роона и Мольтке. Последний воскликнул: «Так-то звучит иначе; прежде она звучала сигналом к отступлению, теперь – фанфарой». Бисмарк начал развивать перед ними свои дальнейшие планы: «Драться мы должны, если не хотим принять на себя роль побежденного без боя. Но успех зависит во многом от тех впечатлений, какие вызовет у нас и других происхождение войны; важно, чтобы мы были теми, на кого напали, и галльское высокомерие и обидчивость помогут нам в этом...»

Дальнейшие события развернулись в самом желательном для Бисмарка направлении. Обнародование «эмской депеши» во многих немецких газетах вызвало бурю негодования во Франции. Министр иностранных дел Грамон возмущенно кричал в парламенте, что Пруссия дала пощечину Франции. 15 июля 1870 года глава французского кабинета Эмиль Оливье потребовал от парламента кредит в 50 миллионов франков и сообщил о решении правительства призвать в армию резервистов «в ответ на вызов к войне». Будущий президент Франции Адольф Тьер, который в 1871 году заключит мир с Пруссией и утопит в крови Парижскую коммуну, в июле 1870 года пока еще депутат парламента, был, пожалуй, единственным здравомыслящим политиком во Франции в те дни. Он пытался убедить депутатов отказать Оливье в кредите и в призыве резервистов, утверждая, что, поскольку принц Леопольд отказался от испанской короны, свою цель французская дипломатия достигла и не следует ссориться с Пруссией из-за слов и доводить дело до разрыва по чисто формальному поводу.

Оливье отвечал на это, что он «с легким сердцем» готов нести ответственность, отныне падающую на него. В конце концов, депутаты одобрили все предложения правительства, и 19 июля Франция объявила войну Северо-Германскому союзу.

Бисмарк тем временем общался с депутатами рейхстага. Ему было важно тщательно скрыть от общественности свою кропотливую закулисную работу по провоцированию Франции на объявление войны. С присущим ему лицемерием и изворотливостью Бисмарк убедил депутатов, что во всей истории с принцем Леопольдом правительство и он лично не участвовали. Он беззастенчиво врал, когда говорил депутатам о том, что о желании принца Леопольда занять испанский престол он узнал не от короля, а от какого-то «частного лица», что северо-германский посол из Парижа уехал сам «по личным обстоятельствам», а не был отозван правительством (на самом деле Бисмарк приказал послу покинуть Францию, будучи раздраженным его «мягкостью» по отношению к французам). Эту ложь Бисмарк разбавил дозой правды. Он не лгал, говоря о том, что решение опубликовать депешу о переговорах в Эмсе между Вильгельмом I и Бенедетти было принято правительством по желанию самого короля.

Сам Вильгельм I не ожидал, что публикация «эмской депеши» приведет к такой быстрой войне с Францией. Прочитав отредактированный текст Бисмарка в газетах, он воскликнул: «Это же война!» Король боялся этой войны. Бисмарк позже писал в мемуарах, что Вильгельм I вообще не должен был вести переговоры с Бенедетти, но он «предоставил свою особу монарха бессовестной обработке со стороны этого иностранного агента» во многом из-за того, что уступил давлению своей супруги королевы Августы с «ее по-женски оправдываемой боязливостью и недостававшим ей национальным чувством». Таким образом, Бисмарк использовал Вильгельма I в качестве прикрытия своих закулисных интриг против Франции.

Когда прусские генералы начали одерживать над французами победу за победой, ни одна крупная европейская держава не вступилась за Францию. Это было результатом предварительной дипломатической деятельности Бисмарка, сумевшего добиться нейтралитета России и Англии. России он обещал нейтралитет в случае выхода ее из унижительного Парижского договора, запрещавшего ей иметь свой флот в Черном море, англичане были возму-

щены опубликованным по указанию Бисмарка проектом договора об аннексии Францией Бельгии. Но самым важным было то, что именно Франция напала на Северо-Германский союз, вопреки неоднократным миролюбивым намерениям и мелким уступкам, на которые шел по отношению к ней Бисмарк (вывод прусских войск из Люксембурга в 1867 году, заявления о готовности отказаться от Баварии и создать из нее нейтральную страну и т. д.). Редактируя «эмскую депешу», Бисмарк не импульсивно импровизировал, а руководствовался реальными достижениями своей дипломатии и потому вышел победителем. А победителей, как известно, не судят. Авторитет Бисмарка, даже находящегося в отставке, был в Германии столь высок, что никому (кроме социал-демократов) не пришло в голову лить на него ушаты грязи, когда в 1892 году подлинный текст «эмской депеши» был предан огласке с трибуны рейхстага.

РОКОВОЕ РЕШЕНИЕ. НИКОЛАЙ II

Минуло 95 лет с того дня, когда гражданам России обрели основные демократические свободы. Манифест императора Николая II от 17 октября 1905 года даровал народу «незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов» и возвестил о выборах в Государственную Думу. Не только либеральной оппозиции, но и многим высшим сановникам империи казалось, что «теперь начнется новая жизнь». Так, в частности, говорил все сильный в то время фаворит Николая II петербургский генерал-губернатор Трепов, а видный деятель политического сыска Рачковский вообще считал, что «завтра на улицах Петербурга будут христосоваться». Но вышло все с точностью наоборот. Манифест от 17 октября не только не остановил революцию, но дал ей новый импульс. Радикалы из лагеря либералов и социалистов использовали «дар» Николая II для усиления борьбы против режима. Знаменателен тот факт, что именно 17 октября видный либерал Павел Милюков на одном из банкетов заявил своим единомышленникам, что «ничего не изменилось, война продолжается».

Сам Николай II, оценивая значение Манифеста 17 октября, писал, что решение дать России гражданские свободы и парламент было для него «страшным», но тем не менее это решение «он принял совершенно сознательно». Наконец, император пишет следующее: «После такого дня голова стала тяжелой и мысли стали

путаться. Господи, помоги нам, умири Россию». Россия успокоилась только на 11 с небольшим лет. Но все это время и либералы, и социалисты, и сама власть демонстрировали полную неспособность к совместной работе на благо страны как в стенах самого парламента, так и в публичной политике. Решение Николая II дать России гражданские свободы и парламент оказалось роковым и для империи, и для него лично. Широко известны многие отрицательные отзывы о значении Манифеста 17 октября 1905 года для России. В частности, двоюродный дядя императора великий князь Александр Михайлович считал, что 17 октября 1905 года Российская империя перестала существовать. Насколько справедливы такого рода оценки? Этот, да и многие другие шаги императора Николая II в последние несколько лет стали предметом споров не только историков. Сегодня Николай II – персонаж не только исторический, но и общественно-политический. Канонизация последнего императора – акция также не только церковная, но и политическая. Этой канонизацией полностью нейтрализуется та часть православной общественности, которая была в оппозиции Ельцину в начале 90-х годов, в том числе и потому, что первый президент абсолютно не интересовался ни Николаем II, ни его канонизацией, а в истории с перезахоронением останков императора повел себя непоследовательно и двусмысленно. Теперь эта часть общества полностью подконтрольна власти. Для нее Путин всегда будет олицетворением «эпохи канонизации Николая II». Современные монархисты тоже довольны. Не очень многочисленные, политически почти невидимые, но умеющие создавать вокруг себя много шума (достаточно вспомнить злоключения скульптора В. Клыкова с его памятниками Николаю II), они теперь уже никогда не окажутся в одной компании с коммунистами, как это бывало в 1993 году.

Сегодня существует вполне реальная опасность «нового прочтения» истории царствования Николая II в духе безудержно-апологетических оценок личности и деятельности последнего императора. Уже появляются школьные учебники, дающие такие оценки (например, учебник, написанный А. Бохановым, вышел в 1998 году под редакцией директора Института истории РАН А. Сахарова). Обществу навязывается образ российского Гамлета, окруженного врагами и предателями. Мне доводилось беседовать с очень образованными людьми, которые даже малейшие указания на ошибки

Николая II воспринимают как проявление дикого невежества и даже неразвитости православного мироощущения. Канонизация Николая II, к сожалению, создает благоприятный фон для искажения его политического облика. Последний российский император на самом деле несет огромную ответственность за все катаклизмы, которые произошли со страной в 1917 году. Многие его решения, принятые под давлением далеко не государственно мыслящих людей, коих было в избытке и в самой династии Романовых, обернулись для страны трагедией.

Давая России гражданские права и парламент в то самое время, когда практически все оппозиционные самодержавию слои населения желали только одного – отнять у царя как можно больше, а по возможности, и всю власть, Николай II либо демонстрировал непонимание политической ситуации, либо просто «умыл руки», вняв советам премьер-министра Витте, который проделал основную работу по подготовке манифеста 17 октября. Однако Витте предлагал царю и альтернативу – ввести жесткую диктатуру, но император добровольно ограничил свою власть, дав согласие на созыв Государственной Думы. В салонах Петербурга много говорили о том, что на этот шаг Николай II окончательно решился, когда его дядя великий князь Николай Николаевич чуть ли не с револьвером у виска потребовал от императора подписать Манифест (этот человек оказал племяннику еще одну «услугу»). Столь же настойчиво в феврале 1917 года он требовал, чтобы «Никки» отрекся от престола). Сам же Николай II свое решение обосновывал нежеланием лить новую кровь своих подданных, а также тем соображением, что лучше «давать все сразу, нежели быть вынужденным в ближайшем будущем уступать по мелочам и все-таки прийти к тому же». Читатель может возразить – а что, собственно, плохого в том, что Николай II не захотел ввести диктатуру, а ввел в России парламентаризм и гражданские свободы? Может быть, день 17 октября 1905 года следует считать все же знаменательной датой со знаком плюс?

Факты говорят об обратном. Манифест 17 октября нельзя считать счастливым приобретением для России начала XX века и не только из-за того, что гражданскими свободами оппозиция воспользовалась для усиления борьбы с самодержавием, что привело только к новой крови (хотя бы при подавлении восстания в Москве в декабре 1905 года), но и потому, что сама власть не знала и не

понимала, что такое парламентаризм, политические партии и общественное мнение в условиях свободы печати. Россия по воле Николая II вошла в качественно иное государственное состояние, будучи абсолютно к этому не готовой. И император ничего не сделал для того, чтобы его министры научились работать в новых условиях, которые он же им и создал. Бюрократия, подчиненная только царю, была абсолютно неспособна к парламентаризму европейского типа. Она не только не хотела, но и не понимала, что такое отчет правительства перед народными представителями или обсуждение с этими же представителями бюджета. Царские чиновники за редким исключением были абсолютно не готовы к публичной политике, депутаты многих министров доводили до истерик. «В России, слава богу, парламента нет», – это изречение премьер-министра Кокковцова, которое возмутило до глубины души депутатов III Государственной Думы, выражало не только неприятие бюрократией парламентаризма, но и элементарное непонимание царскими сановниками новых реалий, которые возникли с появлением в стране политических партий и парламента. Начальник Петербургского охранного отделения А. Герасимов вспоминал, что когда в декабре 1905 года он спросил министра внутренних дел П. Дурново, «с какими партиями правительство согласно будет работать и с какими партиями для правительства сотрудничество невозможно», то министр ответил: «О каких партиях вы говорите? Мы вообще никаких партий в Думе не допустим. Каждый избранный должен будет голосовать по своей совести. К чему тут партии?» «Мне стало ясно, – пишет далее Герасимов, – что для новых условий Дурново еще меньше подготовлен, чем я».

Неподготовленность власти к политической борьбе в условиях многопартийности, парламентаризма и свободы печати сослужила ей недобрую службу. Царские сановники кидались из одной крайности в другую. Они заигрывали с кадетами, предлагая им создать коалиционное правительство. Столыпин все свои основные законопроекты проводил, преодолевая резкое недовольство депутатов и слева, и справа. Сам Николай II был вынужден распустить парламент три раза (последний раз в 1917 году это ему уже не удалось), что само по себе свидетельствовало о том, что «дарованный» России парламент оказался на самом деле легальным центром борьбы против самодержавия. В конце концов противостояние Государственной Думы и императорской власти

закончилось победой первой. По злой иронии судьбы отречение Николая II приняли два депутата Госдумы Шульгин и Гучков. Император теперь уж по-настоящему отдал «все» и «сразу». Те, кто боролся за депутатские мандаты, оказались прекрасно подготовлены к парламентской борьбе с властью. Именно к борьбе, а не к сотрудничеству. Николай II либо был наивен, либо сильно недооценивал тех людей, с которыми он собрался поделить власть. На его призыв к депутатам I Государственной Думы сплотиться ради интересов Отечества и народа депутаты ответили требованием расширения полномочий парламента, а либеральная печать всячески издевалась. Во всех Думах тон задавали политики, которые видели в парламенте исключительно политическую трибуну для борьбы с режимом. Витте и Столыпин прекрасно понимали, что те же кадеты идут в парламент не для того, чтобы безропотно санкционировать царские указы, а для того, чтобы из кресел депутатов пересест в кресла министров. Во всех переговорах, которые вели Витте, Трепов и Столыпин с лидерами либеральных партий, требование министерских портфелей было главным со стороны либералов. Причем либералы не особенно церемонились. Милюков, например, прямо заявил Столыпину, что его присутствие на посту министра внутренних дел «общественное мнение» не одобряет.

Конечно, во взаимоотношениях Думы и императорской власти было не только политическое противостояние. Время от времени обе стороны приходили к согласованным трезвым решениям, но все равно взаимное недоверие, часто переходящее в ожесточенную борьбу, вносило постоянный раскол в общество. Николай II упустил исторический шанс ввести российский либерализм в созидательное государственное русло, когда на заре своего царствования под влиянием обер-прокурора Победоносцева отверг самые скромные просьбы российской либеральной общественности о расширении прав земств. Не пожелав пойти на малые уступки, высокомерно третируя обидчивых российских либералов, император продемонстрировал политическую слепоту, отсутствие гибкости и сам толкнул их на тотальную борьбу с самой системой самодержавия. С другой стороны, дав России гражданские свободы и парламент в разгар революции, когда оппозиционно настроенные слои интеллигенции помышляли уже не о частичных реформах самоуправления, а, по меньшей мере, о серьезном ограничении

власти царя, Николай II собственными руками подготовил уничтожение империи. Опыленная успехами революции, оппозиционная интеллигенция расценила Манифест 17 октября не только как свою победу, но и как тот фундамент, на котором следует строить дальнейшие планы по захвату власти. Для этого были все основания. В переговорах, которые правительство вело с кадетами в 1906 году, упомянутый в начале статьи Д. Трепов дал согласие на формирование коалиционного правительства и даже согласился отдать кадетам пост премьера. Возможно, что это был просто отвлекающий маневр, но кадетов подобные предложения толкали к еще более активным действиям по вхождению во власть.

Гражданские свободы и парламент, дарованные Николаем II, пришлись не ко времени. В охваченной пожаром революции стране свобода неминуемо превращается в одну из своих противоположностей – диктатуру или анархию. Потому, что эту свободу и власть, и оппозиция стремятся употребить не для созидания, а для сиюминутных политических целей. Император дарил свободу и парламент в наивной надежде «усмирить Россию», разношерстная оппозиция употребила эти свободы на дальнейшее разжигание революции. Все демократические свободы и институты стали разменной картой в ожесточенной борьбе власти с оппозицией, в которой последняя постепенно набирала все больше очков, поскольку сумела эффективно работать с общественным мнением. Это мнение становилось все более антимонархическим. Император постепенно остался без дееспособной политической элиты, сама монархическая идея десакрализировалась, потеряла всякую привлекательность не для простого народа, а для образованного, мыслящего слоя. Именно этот слой, эта элита не овладели тем, что русский философ Иван Ильин назвал «искусством свободы», которая «не состоит в «разнуздании» народа, но в замене «внешней связанности», идущей «сверху», – внутренней самосвязью, самодисциплиной». Вот этой внутренней самодисциплины российским либералам всегда не хватало, и Николай II, дав обществу самые широкие свободы, вольно или невольно содействовал девальвации чувства государственной ответственности у новоиспеченной элиты, засевавшей в парламенте и в редакциях газет, и не смог сплотить вокруг себя прочный слой государственных людей, способных работать в условиях парламентаризма. Обретя 17 октября 1905 года гражданские свободы и парламент, Российское

государство и общество пришли не к долгожданному согласию, а к новому витку конфронтации. Беспринципное политиканство, инсинуации и ненависть вместо государственной ответственности и политического компромисса – вот что получила страна в результате знаменитого Манифеста Николая II.

«КАК БУДТО АНГЕЛ БУДИЛ ЛЬВА...»

ЮЗЕФ ПИЛСУДСКИЙ

Одиннадцатого мая 1935 года умер диктатор Польши маршал Юзеф Пилсудский. Это человек не только польской, но и русской, и европейской в целом истории. Польша при Пилсудском прошла путь от колониальной провинции до самостоятельной сильной европейской страны. Мечтания Пилсудского о восстановлении Польши в границах 1772 года не осуществились, но эти мечты составили краеугольный камень польской внешней политики между двумя мировыми войнами. Известный большевистский публицист

Юзеф Пилсудский

Карл Радек писал о том, что по своему характеру Пилсудский очень напоминал Бориса Савинкова – одного из самых ярких революционеров-террористов начала XX века. Однако в активное революционное движение Пилсудский вошел не так решительно и смело, как Савинков, бежавший из своей первой ссылки за границу и примкнувший там к эсерам. Пилсудский в начале века не прославился так же громко, как «прославился» организатор убийства великого князя Сергея Александровича и министра внутренних дел Плеве. Будущий диктатор Польши стал на путь борьбы с самодержавием из-за цепи случайных обстоятельств. В 1887 году он был арестован и сослан на пять лет в Сибирь за участие в подготовке покушения на Александра III, одним из главных организаторов которого был старший брат Ленина Александр Ульянов. Примечательно, что сам Пилсудский ничего не знал ни о покушении, ни о

его организаторах. Он просто перенес какие-то свертки по просьбе своего старшего брата Бронислава. В этих свертках были компоненты взрывчатки, произведенные террористами в Вильно.

Поручение брата обрело молодого человека на мучительное времяпрепровождение. В письме от 20 августа 1890 года из ссылки своей возлюбленной, Леонарде Левандовской, он пишет: «Сейчас я займусь подсчетом недель, которые остались до конца моего срока. Представь себе целых 85 недель. Впрочем, я пришел к убеждению, что мне наверняка добавят еще каких-то два года. Во-первых, за дело в марте, а именно за это меня сослали, хотя же, ей-богу, я мог бы дать им слово чести, что больше в подобные 1 марта дела не буду вмешиваться. Однажды я обжегся и то без особенного желаяния, поэтому после такой науки тем более буду осторожным. Во-вторых же, глупое иркутское дело (по пути в ссылку Пилсудский принял участие в бунте заключенных в Иркутске, за что был приговорен к нескольким месяцам заключения. — *С. К.*) мне так же может помешать. Вот как придется расплачиваться за грехи молодости и отсутствие опыта».

По возвращении из ссылки Пилсудский постепенно втянулся в работу виленских социал-демократических кружков. Произошло это не под влиянием какого-то перелома в мировоззрении, а из-за увлечения женщиной — Марией Юшкевич, ставшей вскоре первой женой Пилсудского. Многолетняя революционная деятельность Пилсудского в рядах польской социал-демократической партии мало чем отличалась от деятельности сотен других революционеров.

Политически значимой фигурой Пилсудский начал становиться по мере отхода от социал-демократических идей. С 1910 года он занялся созданием польских вооруженных формирований, готовых выступить в поход за освобождение Польши, как только наступит подходящий момент. Этот момент представился в августе 1914 года. Всю Первую мировую войну «Войско Польское» во главе с Пилсудским воевало с Россией на стороне Австро-Венгрии. Легионы Пилсудского стали разменной картой в разногласиях Австро-Венгрии и Германии по польскому вопросу. Если австрийцы были готовы признать автономное существование Польши в границах своей империи, то Германия считала создание независимой Польши нежелательным. В июле 1917 года Пилсудский был арестован немцами и заключен в военную крепость в Магдебурге.

Освобождение пришло в ноябре 1918 года. Из бесправного узника Пилсудский стал главой польского государства, ничего, по сути, не сделав для этого.

Временное народное правительство Польши было создано в ночь с 6 на 7 ноября 1918 года, когда Пилсудский еще сидел в тюрьме. По воспоминаниям князя Любомирского, это правительство отдало власть Пилсудскому потому, что командир польских легионеров символизировал независимость: «Тогда все партии, от крайне правых до левых, требовали от нас передать власть Пилсудскому».

Пилсудский был первым европейским диктатором, решившимся на глобальную перекройку политической карты Европы после Первой мировой войны. Гитлер и Муссолини были еще далеки от власти, когда Пилсудский начал реализовывать свой амбициозный геополитический проект восстановления Польши в границах 1772 года. Польша, по мысли Пилсудского, должна была играть доминирующую роль в Центральной и Восточной Европе, подобную той, которую в XVIII веке играла Речь Посполита. Территориальные притязания Пилсудского к России выходили далеко за рамки западных областей Украины, Белоруссии и Литвы.

Так, в январе 1939 года, спустя почти пять лет после смерти Пилсудского, один из его вернейших соратников, министр иностранных дел Бека, во время своего визита в Германию заявил Гитлеру, что Украина — «польское слово», которое означает «восточные пограничные земли». Во время этого визита состоялся и примечательный диалог Бека с министром иностранных дел рейха Риббентропом, о чем последний оставил такую запись: «Я спросил Бека, не отказались ли они от честолюбивых устремлений маршала Пилсудского... от претензий на Украину. На это он, улыбаясь, ответил мне, что они уже были в самом Киеве и что эти устремления, несомненно, все еще живы и сегодня».

Эти идеи Пилсудский реализовывал с грандиозным размахом. В апреле 1920 года он сразу бросил своих легионеров на захват Киева. Огнем и мечом легионеры Пилсудского прошли по землям Украины и Белоруссии. Ненависть к захватчикам была повсеместной, даже в Галиции. В сентябре 1920 года председатель Галицийского ревкома Затонский сообщал в Москву о том, что «украинская часть Восточной Галиции на первых порах, не исключая даже интеллигенции и попов, принимает нас восторженно».

как избавителей от польского ига». Несколько ранее, в июле 1920 года, работник ревкома, внедренный украинскими националистами агент, некий Федор Конар, писал одному из лидеров националистов Владимиру Винниченко, что отношение крестьянства Правобережной Украины к России «настолько невероятно хорошее, что даже ужас берет... В петлюровской армии страшное дезертирство, более всего дезертируют все те же “проклятые” галичане...».

В последние несколько лет много было написано и рассказано о расстреле польских офицеров в 1940 году в Катыни. Американский фильм о Сталине, продемонстрированный на канале ТВЦ накануне 55-летия Победы, подробно и доходчиво изложил эту жуткую историю. Однако другая, не менее жуткая история – о судьбах военнопленных красноармейцев в польском плену во время и после советско-польской войны 1920 года – не раскручивается нашим телевидением так же сильно. Между тем 80-летие советско-польской войны, начатой не Россией, а Польшей, – хороший повод вспомнить о том, что в этом плену погибли от 50 до 60 тысяч красноармейцев. К чести польских историков, эту тяжелую тему они исследуют не так ангажированно, как наши масс-медиа – трагедию Катыни. Збигнев Карпус предоставил российскому читателю возможность узнать о жизни советских военнопленных в польских «лагерях смерти» (именно так называли их красноармейцы). Вот, например, как рисует положение военнопленных красноармейцев один из секретных докладов польской контрразведки, датированный октябрём 1920 года и найденный Карпусом в московских архивах: «Беззаконие, царящее там, сводит на нет усилия польской антибольшевистской пропаганды в Красной Армии. Все это может оказать негативное влияние на ход войны и на будущее польско-российских отношений... В лагере царят невыносимые санитарные условия: грязные пленные дурно пахнут, но их дезинфекция практически невозможна, поскольку, с одной стороны, нет стиральных средств, а с другой – одежда узников настолько ветхая, что она не выдержит стирки. Так как нет дров, на 100 человек дается 8–10 ведер теплой воды для мытья. Большинство пленных – голые люди. Те, кто может, идут в 6 утра на работу в одном белье, в том числе и в зимние месяцы. Рацион не дает им возможности умереть от голода, но пищи явно не хватает».

Эти факты не стали достоянием гласности в той же мере, в какой стал ответный поход Красной Армии в Польшу и его провал.

«Чудо на Висле» спасло имидж Пилсудского как вождя польского народа. Не будь большевики, особенно командующий Западным фронтом Тухачевский, столь легкомысленны в своей агитации за мировую революцию, исход советско-польской войны мог бы обернуться для Пилсудского полным фиаско. Но этого не произошло.

Рижский мир, отторгнувший в пользу Польши западные земли Украины и Белоруссии, частично реализовал мечты диктатора о Речи Посполитой «от моря до моря» (от Балтийского до Черного). За день до подписания Рижского мира все польские дипломатические миссии за границей получили характерные указания: «Следует и дальше поддерживать враждебные Советской России элементы, как русские, так и украинские, белорусские и кавказские. Наши интересы на востоке не кончаются на линии наших границ... Нам небезразлична судьба земель исторической Речи Посполитой, отделенных от нас будущим Рижским договором».

Подобные устремления обернулись неприятностями не только для России. В октябре 1920 года Пилсудский втайне от сейма подготовил и произвел захват Вильнюса и Виленской области. Они стали польскими до сентября 1939 года.

По отношению к завоеванным территориям Пилсудский проводил жесткую политику колонизации. Закрывались православные храмы, украинские и белорусские школы и культурные организации преследовались. В ответ Пилсудский получил мощное подпольное движение украинских националистов, убивших в 1934 году министра внутренних дел Перацкого. По воспоминаниям адъютанта Пилсудского Мечеслава Лепецкого, маршал воспринял это известие с бешенством, которого раньше за ним не знали. Предположив, что к убийству Перацкого имеют отношение жители Привисленского края, Пилсудский набросился на своего адъютанта – выходца из того же края – со следующей гневной тирадой: «Если это окажется правдой, велю высечь вас батогами, содрать с вас шкуру. Никого не пощажу – ни женщин, ни девушек. Искоренно привисленское семя из Привисленского края, и из Галиции, и из Познани».

Свое обещание Пилсудский вскоре сдержал. 17 июня 1934 года по его приказу был открыт концлагерь в восточной части Польши, недалеко от границы с Россией, в Березе Картузской.

Пилсудский стал единоличным диктатором Польши в 1926 году, продемонстрировав редкостный для Европы издевательский тон по отношению к парламенту: «...Я мог бы не впустить вас в зал национального собрания, насмехаясь над всеми вами, но я проверяю, можно ли пока еще в Польше править без кнута». «Сейм политических проститутток» – эту оценку польского парламентаризма Пилсудский пронес через всю свою политическую деятельность.

Стремясь к единоличному правлению, Пилсудский руководствовался элементарной логикой диктатора – править должен один. Для строительства империи от моря до моря, чему посвятил свою жизнь Пилсудский, диктатура была единственно возможной формой правления в условиях предвоенной Польши.

Соответствовал обстоятельствам и тот культ личности, который сложился вокруг имени диктатора. Этот культ нес такой же отпечаток пошлости и безвкусицы, как и культы Сталина, Гитлера, Муссолини. Вот один из образчиков популяризации образа Пилсудского, принадлежащий писателю Юлиушу Каден-Бандровскому. Описываются тяжелые будни вождя нации во время Первой мировой войны: «Уснул в Енджеевском комиссариате, не доев даже супа. Мы не смели будить его. Это мог сделать только Жулинский (один из руководителей польских легионеров. – С. К.). Он ждал до последней минуты. Затем наклонился и легко взял Пилсудского за руку. Если бы я не боялся преувеличения, сказал бы: как будто ангел будил льва. Сколько силы, и кротости, и веры было между двумя людьми».

Пилсудскому приписывали выдающиеся провидческие способности, в частности, предсказание еще в 1914 году поражения России от Германии и Австро-Венгрии и победы в дальнейшем стран Антанты над центральными державами.

Однако все геополитические конструкции маршала оказались хрупкими и недолговечными. Речь Посполита так и не возродилась. Ее начал душить тот политик, с которым Пилсудский первым в Европе в 1934 году заключил пакт о ненападении, – Гитлер. Который не желал делиться в Европе местом и начал новую мировую бойню с войны против Польши – государства, когда-то открывшего дипломатическое признание третьего рейха. Пилсудский своими руками готовил гибель Польши, не разглядев в Гитлере и третьем рейхе геополитических соперников.

ВРЕМЕНЩИК ИСТОРИЧЕСКОЙ МИНУТЫ.

АЛЕКСАНДР КЕРЕНСКИЙ

Керенский прожил долгую жизнь – 89 лет. Он родился в один день с Лениным в одном с ним городе – Симбирске, но позже его на 11 лет и скончался в Нью-Йорке 11 июня 1970 года, пережив вождя большевизма почти на полвека. Активная политическая деятельность Керенского продолжалась недолго – с начала 1905 года, когда он принял участие в создании комитета помощи жертвам «Кровавого воскресенья», по июнь 1918 года, когда ему пришлось бежать из России. Стечение обстоятельств привело его к руководству страной между двумя революциями. Керенский был действительно временщиком, промежуточной фигурой, калифом на час. Он не выдержал испытания властью и больше, чем кто-либо другой, выслушал и прочитал в эмиграции упреков по поводу бездарной сдачи России большевикам. Его нередко выставляли главным виновником крушения демократических идеалов в стране.

«Беспочвенник», «интеллигентный обыватель», «неврастеник-актер», «шут», «хвастунишка» – вот далеко не полный перечень нелестных характеристик, данных Керенскому его политическими сторонниками и противниками. Однако были и другие мнения. Видный русский философ Федор Степун считал, что «линия Керенского» в 1917 году была «единственно правильной» и вина его

«не в том, что он вел Россию по неправильному пути, а в том, что он недостаточно энергично вел ее по правильному».

Так кем же все-таки был для России Керенский: выскочкой, временщиком, чем-то похожим на Лжедмитрия, или ее спасителем, не понятным российским обществом, трагической фигурой, неким подобием Гамлета? Ответ на этот вопрос следует искать как в политической истории России начала XX века, так и в особенностях личности самого Керенского.

Керенский был очень религиозным ребенком. Его отец Федор Михайлович Керенский – директор мужской гимназии и средней школы для девочек, в отличие от Ильи Николаевича Ульянова, с которым он поддерживал теплые отношения, присматривал за своими детьми куда лучше. Казнь Александра Ульянова за подготовку покушения на Александра III и последующий остракизм семьи Ульяновых со стороны симбирской общественности стали для Федора Керенского не только личным потрясением (он хорошо относился к семье Ульяновых, и именно он настоял на том, чтобы Владимиру Ульянову присудили золотую медаль по окончании гимназии, о чем Ленин всегда вспоминал с благодарностью). Это заставило его самого с пристальным вниманием относиться к воспитанию собственного сына. Александр рос примерным гимназистом – хорошо учился, исправно посещал церковь, горячо скорбел о кончине Александра III. Приход Керенского в революционное движение ничем особенно непримечателен. Как и тысячи студентов начала XX века, он влился в это движение, бессознательно повинаясь оппозиционным настроениям, существовавшим в обществе. Такие настроения формировались не только соответствующей запретной и полуполюгальной литературой, но и конфликтами между властью и студенчеством в вопросах вузовского самоуправления, прав студентов. Так, например, студенческая демонстрация 4 марта 1901 года в Петербурге, разогнанная полицией, была вызвана указом министра просвещения Боголепова об отдаче в солдаты студентов, замеченных в революционной деятельности. Когда этот указ был отменен, а новый министр Ванновский значительно расширил права студенческого самоуправления, волна студенческих волнений резко пошла на спад. Один из участников тех событий, видный публицист Иванов-Разумник, считал, что, «если бы в это время конституция и парламент были даны не студенчеству, а русскому обществу, – вся дальнейшая

история России могла бы пойти иначе». Предположение далеко не бесспорное, но в отношении нашего героя верное – Керенский влился в революционное движение, повинаясь не какой-то идеологической доктрине, как это произошло, к примеру, с Лениным, а испытывая неудовлетворенность политикой правительства. В своих воспоминаниях он писал: «Мы вступали в ряды революционеров не в результате того, что подпольно изучали запретные идеи. На революционную борьбу нас толкал сам режим».

Керенского нельзя назвать профессиональным революционером не только потому, что он не принадлежал к какой-либо партии (официально он числился в эсерах с марта 1917 года, но к политической деятельности этой партии не имел почти никакого отношения), но и по складу своего характера. Профессиональная революционная деятельность в царской России означала скрытую от общества полную опасностей и материальных лишений жизнь в подполье или эмиграции. Честолюбивый молодой Керенский не стремился к такому образу жизни. Если он и хотел в 1905 году вступить в знаменитую террористическую Боевую организацию эсеров, то сделал это сгоряча, не подумав, и наверняка никогда не жалел о том, что его туда не взяли – из этой организации редко кто выходил живым. В то время как многие революционно настроенные молодые люди лишались статуса студента, попадали в ссылку, уходили на нелегальное положение, эмигрировали, Керенский перешел в оппозицию только после того, как окончил юридический факультет Петербургского университета и стал адвокатом. Этот факт свидетельствует о прагматичности и осторожности в отношении собственной карьеры и благополучия. Керенский шел в революцию, имея прочный профессиональный и социальный статус. Профессия адвоката обеспечивала постоянный заработок, а специализация Керенского на защите политических заключенных приносила ему широкую известность и давала возможность политического роста.

Уже в октябре 1906 года после 5 месяцев тюремного заключения, которому он подвергся по подозрению в принадлежности к Боевой организации партии эсеров, молодой адвокат выигрывает свой первый процесс по делу ревельских крестьян, разграбивших усадьбу местного барона. С этого времени, вступив в Петербургское объединение политических адвокатов, Керенский участвовал практически во всех громких политических процессах последнего

десятилетия царствования Николая II. Среди его подзащитных были армянские националисты из партии «Дашнакцутюн», боевики южноуральской организации большевиков, ограбившие для нужд партии в 1909 году почтовый поезд, большевистская фракция 4-й Государственной Думы. Не все процессы приносили Керенскому победу. Будучи профессиональным юристом, опытным адвокатом, он не мог не понимать, что, например, нападение на почтовый поезд – чистой воды уголовщина. Однако такие юридические нюансы отходили на дальний план – Керенский зарабатывал на политических процессах популярность и готовился к прыжку в большую политику.

Настоящий успех, стремительный политический взлет произошел в 1912 году. В начале апреля на Ленских золотых приисках возник конфликт между рабочими и администрацией. По вине жандармского ротмистра Трещенкова, отдавшего приказ стрелять в рабочих, шедших к местному прокурору со своими требованиями, погибли 270 человек (еще 250 получили ранения). Николай II отправил на прииски комиссию во главе с сенатором Манухиным. В составе этой комиссии находился и Керенский. Из дела о расстреле рабочих Ленских приисков Керенский выжал максимум политических дивидендов. У Керенского были свои оперативные и надежные источники информации о ленских событиях. Граф Владимир Коковцов, возглавлявший в 1912 году правительство, вспоминал, что в то время как ни он сам, ни министр внутренних дел Макаров не имели никаких донесений с места трагедии, у Керенского уже была телеграмма со всеми подробностями произошедшего. Правительство попало в неловкое положение: на запросы депутатов Думы, которых Керенский информировал, разумеется, незамедлительно, оно не могло ответить ничего вразумительного. Спустя неделю после внесения в правительство запроса депутатов о причинах расстрела рабочих на Ленских приисках и о реакции на него центральной власти, министр внутренних дел Макаров сделал непростительную глупость. Оправдывая расстрел рабочих их агрессивностью и количественным превосходством над солдатами (что уже выглядело нелепо, поскольку у рабочих не было винтовок и среди солдат не было ни одного убитого), он сказал то, чего говорить было нельзя ни при каких обстоятельствах: «Так было и так будет!» Керенский, находившийся во время выступления

министра в Думе, отреагировал на это высказывание крылатой фразой, обошедшей всю Россию: «Так было, но так не будет!»

Как член комиссии Манухина, Керенский работал не столько на эту комиссию, сколько на себя. Ему удалось прибрать к рукам все бумаги по ленским событиям, собранные чиновником для особых поручений иркутского генерал-губернатора Александром Розмировичем (братом видной большевички Елены Розмирович), который принял сторону рабочих и покончил жизнь самоубийством, когда его вызвали на доклад в Петербург. Эти бумаги Керенский использовал, будучи уже депутатом 4-й Государственной Думы, в которой он возглавлял комиссию по расследованию ленских событий.

Вскоре после избрания в Думу Керенский получает предложение о вступлении в масонскую ложу. Этот факт биографии Керенского требует некоторых специальных разъяснений. Среди историков и в общественном мнении отношение к масонству колеблется между двумя полюсами. Одни видят в масонстве некое всемирное тайное общество, которое последовательно разрушало православную монархию и от которого в России возникли все беды: революции, войны, репрессии, пьянство, экологические катастрофы и все остальное, мешающее нормально жить русским людям. Другие считают масонство либо полицейско-черносотенной провокацией, либо плодом фантазии больных людей. Сами масоны, в том числе и Керенский, представляли масонские ложи как организации, имеющие исключительно благородные намерения. В своих воспоминаниях Керенский писал о том, что усилия масонов «имели целью установление в России демократии на основе широких социальных реформ и федерального устройства государства».

Непредвзято, трезво судить о роли масонских лож в борьбе против царского правительства лучше всего со слов и признаний самих масонов. Крупный русский эмигрантский историк Борис Николаевский, человек левых взглядов, видный меньшевик, собравший в своем богатейшем архиве немало таких признаний, писал в статье «Русские масоны и революция» о том, что «в месяцы, предшествовавшие марту 1917 года, руководители организации (Верховного Совета масонов России. – С. К.) развертывали энергичную деятельность, торопясь с осуществлением планов переворота сверху». Одно из самых ярких подтверждений этой точки зре-

ния можно найти в письме Екатерины Кусковой, видной масонки, последовательно поддерживавшей Керенского в 1917 году. Вот что она писала меньшевику Николаю Валентинову (Вольскому) 10 ноября 1955 года: «К Февральской революции ложами была покрыта вся Россия». Об эффективности подрывной деятельности масонов историки нередко судят и по тому, что первый состав Временного правительства почти полностью совпадал с опубликованными в газете партии программистов «Утро России» в сентябре 1915 года «Диспозициями» за №1 и №2 некоего Комитета народного спасения, призванного бороться с внутренними врагами. Управляющий делами 2-го состава Временного правительства Гальперн признавал и тот факт, что «большую роль играли братские связи в деле назначения администрации 1917 года на местах. Да это и вполне естественно: когда вставал вопрос о том, кого назначить на место губернского комиссара или какой-нибудь другой видный административный пост, то прежде всего мысль устремлялась на членов местных лож».

Приведенные факты свидетельствуют о том, что масонские ложи сыграли большую роль в свержении Николая II. Масоны были сильны прежде всего слабостью монархии. Последние несколько месяцев своего царствования Николай II провел в полной политической изоляции. Дворянство – опора трона – на своем съезде 30 ноября 1916 года вслед за открыто оппозиционной Государственной Думой высказало недоверие действующему правительству. В заговор против царя были вовлечены видные военачальники – генералы Алексеев, Рузский, Крымов. Военные рассматривали варианты ареста императора и императрицы с целью отречения Николая II от престола. Двоюродный дядя императора великий князь Александр Михайлович считал, что вина правящей элиты, царского двора в крушении монархии была еще большей, чем вина интеллигенции и революционеров. В своих мемуарах он писал: «Царь сумел бы удовлетворить нужды русских рабочих и крестьян; полиция справилась бы с террористами. Но было совершенно напрасным трудом пытаться угодить многочисленным претендентам в министры, революционерам, записанным в шестую книгу российского дворянства, и оппозиционным бюрократам, воспитанным в русских университетах». В такой обстановке оппозиции, одним из лидеров которой являлся Керен-

ский, был создан режим наибольшего благоприятствования. Власть просто падала к ее ногам.

В политических скандалах последних месяцев существования монархии Керенский принял активнейшее участие. Он пошел еще дальше Павла Миллюкова, выступившего 1 ноября 1916 года в Государственной Думе с клеветническими обвинениями в адрес императрицы и главы правительства Штюрмера в намерениях заключить сепаратный мир с Германией. 14 февраля 1917 года в своей речи в стенах той же Думы Керенский открыто призвал не только свергнуть монархию, но и при необходимости физически устранить правящую династию. «Исторической задачей русского народа в настоящий момент, – говорил Керенский, – является задача уничтожения средневекового режима немедленно, во что бы то ни стало... Как можно законными средствами бороться с теми, кто сам закон превратил в оружие издевательства над народом? С нарушителями закона есть только один путь борьбы – физическое их устранение». Председательствующий прервал выступление Керенского вопросом, что он имеет в виду. Ответ последовал незамедлительно: «Я имею в виду то, что совершил Брут во времена Древнего Рима». За всю короткую историю парламентской монархии в России никто не позволял себе говорить в Думе по отношению к правящей династии подобные вещи.

В свержении монархии Керенский принял самое активное участие. В ночь с 26 на 27 февраля, когда Государственная Дума была распущена указом Николая II, Керенский вошел не только во Временный Комитет Государственной Думы, но и возглавил ее военную комиссию, созданную для руководства операциями против полиции и верных царю воинских частей. В отличие от Ленина и его соратников, твердо усвоивших, а самое главное – осуществивших представление Маркса о том, что «восстание есть искусство», лидеры Февральской революции проявили полнейшую бездарность в военных вопросах. Социал-демократ Николай Суханов в своих известных «Записках о революции» оставил следующее описание деятельности военной комиссии Думы во главе с Керенским днем 27 февраля 1917 года: «До сих пор явно не было ни малейшего стратегического плана, ни исполнителей его. На улице солдатские отряды представляли собой случайные группы, перемешанные со случайной публикой. В штабе не было их командиров, а были также случайные военные и штатские люди, в

распоряжении которых не было никаких определенных кадров вооруженных солдат или хотя бы рабочих. Для операций, также случайных, Керенский не назначил из присутствующих определенных людей, а вызывал добровольцев... Словом, революционная армия и в прямом и в переносном значении этого слова была явно и совершенно распылена...»

К концу того же дня 27 февраля военная комиссия по-прежнему не владела ситуацией в городе. Один из членов комиссии эсер Мстиславский на вопрос Суханова о положении дел мрачно ответил: «Весьма неважно... полный разброд среди войск, нет никаких организованных частей». На следующий день надобность в Военной комиссии полностью отпала – к 12 часам дня 28 февраля на сторону восставших дезорганизованных солдат перешли гарнизоны Петропавловской крепости и Главного Адмиралтейства. Керенского и его соратников по революции от неминуемого поражения спасли ошибки и нерешительность царского правительства и отдельных генералов. Генерал Занкевич, последний командующий Петроградским военным округом, не решился внять совету генерала Безобразова штурмовать в ночь на 28 февраля почти никем не охраняемый Таврический дворец, где размещался Временный комитет Государственной Думы. Но больше всего быстрошему приходу к власти Керенский и его соратники были обязаны генералам Алексееву и Рузскому, которые дезинформировали Николая II о положении дел в столице и оказывали на него давление с тем, чтобы он отрекся от престола.

Керенский не был на высоте в деле организации революционного восстания, но в начавшейся борьбе за власть между Временным правительством и Петроградским Советом преуспел весьма. Он, несомненно, был властолюбивым человеком. Николай Суханов вспоминал, что он незадолго до февральских событий «совершенно определенно высказывал, что так или иначе Керенскому придется стать в центре событий. И он не спорил с этим, не ломаясь и не напуская на себя смирения паче гордости». В борьбе за власть Керенский проявил незаурядные политические и волевые качества. В возникшем остром противостоянии Временного комитета Государственной Думы и Петроградского Совета он сориентировался лучше, чем кто бы то ни было. Керенский быстро сумел стать товарищем председателя исполкома Совета и представить

свое вхождение во Временное правительство в качестве министра юстиции как долг перед революционной демократией.

Во Временном правительстве Керенский довольно быстро выдвинулся на доминирующие позиции. Этому способствовали старые мasonicкие связи с министром путей сообщения Николаем Некрасовым и министром торговли и промышленности Александром Коноваловым и безволие председателя первого Временного правительства Георгия Львова, который, по свидетельству Павла Миллюкова, перед Керенским «совершенно стухевывался». Кроме того, Керенский был чужд всякой чиновничьей субординации и вмешивался в дела, его министерства не касавшиеся. Например, он в тайне от военного министра Гучкова знакомился с материалами так называемой комиссии Поливанова, занимавшейся реформированием армии на новый революционный лад.

С самого начала своей деятельности во Временном правительстве Керенский проявил себя чисто политическим министром. Кропотливая, будничная чиновничья работа была не в его характере. Как государственный деятель Керенский не оставил после себя ничего; все, к чему он ни прикасался, разваливалось. В качестве министра юстиции он проводил чисто политические решения, такие, как амнистия политзаключенных, но ничего не делал для того, чтобы обеспечить порядок и безопасность в Петрограде и в стране. Видный социолог, а в прошлом авторитетный деятель партии эсеров Питирим Сорокин вспоминал, что в тот же день, когда Керенский при нем подписал приказ об освобождении из тюрем политзаключенных, из Кронштадта пришли ужасные новости о резне офицеров Балтийского флота. Министр юстиции ничего не сделал для предотвращения подобного рода беззаконий. Петроград в первые дни после свержения монархии представлял жуткое зрелище. Питирим Сорокин вспоминал: «На улицах нередко можно было встретить пьяных людей, непристойно ругающихся и горланивших: «Да здравствует свобода! Раз свобода, то все дозволено!» Улицы были захламлены бумагой, грязью, навозом, шелухой от семечек. Круглые окна многих домов были заложены бумагой. На всех углах города солдаты и проститутки вели себя с «революционной непринужденностью».

Удачно занимаясь политическим интригами, Керенский рассчитал себе путь к вершинам власти. Во время первого правительства в апреле 1917 года, вызванного недовольством

в обществе «нотой Милюкова», заверявшей Антанту, что в России существует «всемирное стремление довести мировую войну до решительной победы», Керенский сделал все, чтобы убрать из правительства Милюкова – своего главного политического конкурента. Когда в Петрограде начались демонстрации протеста против злосчастной ноты Милюкова, Керенский, явно издеваясь над ним, предложил перевести его на пост министра просвещения. Оскорбленный Милюков подал в отставку. 30 апреля добровольно ушел в отставку и военный министр Гучков. После этого у Керенского до августа 1917 года не было достойных конкурентов в борьбе за всю полноту власти в стране.

Фактически Керенский играл главную роль в правительстве с 5 мая 1917 года, когда он стал военным и морским министром. В мае-июне 1917 года он приложил массу усилий, чтобы организовать наступление армии. Суханов вспоминал, что в эти месяцы Керенский проявлял «величайший энтузиазм... Он говорил о свободе, о земле, о братстве народов и о близком светлом будущем страны... Всюду его носили на руках, осыпали цветами. Всюду происходили сцены еще невиданного энтузиазма, от описания которых веяло легендами героических эпох. К ногам Керенского, зовущего на смерть, сыпались Георгиевские кресты; женщины снимали с себя драгоценности и во имя Керенского клали их на алтарь желанной победы». Даже офицерство, по признанию генерала Антона Деникина, «тогда все забыло, все простило и мучительно ждало от него спасения армии».

Своего спасения армия не дождалась. Наступление на Юго-Западном фронте, успешно начавшееся 18 июня, но к июлю захлебнувшееся, было первой и последней удачей Керенского как военного министра. Армия начала искать другого спасителя, которым стал генерал Лавр Корнилов. Керенский еще сохранял свой авторитет благодаря тому, что в обществе поддержали его борьбу с большевистским восстанием 3–5 июля 1917 года. Он выиграл во многом из-за разногласий в партии большевиков по вопросу о целесообразности такого восстания.

В конце августа 1917 года вспыхнул корниловский мятеж. Поддержанный большинством офицерства, партией кадетов, крупными предпринимателями Путиловым и Вышнеградским, Корнилов, казалось, имел все шансы захватить власть. В случае

успеха генерал намеревался разогнать Петроградский Совет, повесить Ленина и других «немецких агентов». 28 августа, когда Керенский объявил о смещении Корнилова с поста верховного главнокомандующего, четыре главнокомандующих фронтами (генералы Деникин, Клембовский, Балувев и Щербачев) решительно высказались против отставки Корнилова. На стороне Керенского оказались командующий Кавказским фронтом генерал Пржевальский и командующий Московским военным округом полковник Верховский.

От потери власти Керенского спасли Советы, солдатские комитеты и, наконец, ненавистные ему большевики. Известный эмигрантский историк Сергей Мельгунов выражал мнение многих современников, когда писал о том, что меры правительства Керенского, предпринятые в борьбе против мятежа генерала Корнилова, в частности, освобождение из тюрем большевиков, участвовавших в столкновениях 3–5 июля 1917 года, и согласие на формирование Советами боевых отрядов «дали большевикам индульгенцию – они были как бы окончательно реабилитированы в глазах широких масс от июльских обвинений в шпионаже на пользу Германии».

Противостояние Керенского и Корнилова, закончившееся поражением последнего, действительно было на руку прежде всего большевикам. Керенский, сумевший сохранить власть, стремительно терял политический авторитет. В сентябре 1917 года он сделал несколько шагов навстречу кадетам и нашел с их стороны понимание: кадеты вошли в новый, последний состав Временного правительства, но это был, пожалуй, последний политический успех Керенского.

С момента избрания председателем Петроградского Совета Льва Троцкого большевики начали стремительно теснить Временное правительство по всем фронтам. Керенский не мог найти твердой поддержки в борьбе с большевиками у эсеров и меньшевиков в Петроградском Совете и ВЦИКе. Один из лидеров эсеров Виктор Чернов покинул правительство 26 августа; он хотя и выступал резко против большевиков, но не менее резко осуждал коалицию социалистических партий с кадетами и активно выступал за формирование однородного социалистического правительства, что совершенно не устраивало Керенского. Один из лидеров

меньшевиков Федор Дан, также боровшийся против узурпации власти большевиками, тем не менее заявлял, что меньшевики «не видят возможности встать на точку зрения борьбы с большевиками прежде всего и во что бы то ни стало». В самом правительстве назревал кризис. Военный министр Александр Верховский в течение октября несколько раз подавал прошение об отставке, мотивируя ее невозможностью вести войну. Слухи об истинных причинах отставки Верховского просочились в печать, давая большевикам лишний козырь в их агитации за прекращение войны. Вместе с Верховским заявление об отставке подал и морской министр Дмитрий Вердеревский. Временное правительство доживало последние дни.

Крушение карьеры Керенского произошло в несколько дней. Нет необходимости лишний раз подробно описывать, с какой бездарностью и позором Временное правительство отдало власть большевикам не только потому, что об этом написано слишком много, но и потому, что большевистский переворот 25–26 октября был лишь завершающим эпизодом развала правительства. Лев Троцкий во многом верно писал о том, что «исход восстания 25 октября был уже на три четверти, если не более predetermined в тот момент, когда мы воспротивились выводу Петроградского гарнизона, создали Военно-революционный комитет (16 октября), назначили во все воинские части и учреждения своих комиссаров и тем полностью изолировали не только штаб Петроградского военного округа, но и правительство». Но помимо этого тактического преимущества большевики пришли к власти потому, что чутко уловили усталость народа от бессмысленной войны и экономической разрухи. Это прекрасно осознавали политические противники большевиков – эсеры и меньшевики. Вечером 24 октября они тщетно пытались убедить Керенского обратиться к народу с заявлением, в котором, как вспоминал меньшевик Федор Дан, «вопросы о мире, о земле и демократизации армии были поставлены так, чтобы ни у одного рабочего и солдата не было сомнения, что правительство идет по этому пути твердыми шагами». Керенский не внял этому совету, и на следующий день подобные заявления за него делал уже Ленин.

Борьба за власть во имя демократии, которую Керенский понимал как набор красивых лозунгов, завершилась для него полным фиаско. Керенский не только «заболтал» революцию, как

считали многие современники, но и похоронил демократические идеалы, продолжая войну, ненавистную народу. Как и многие другие либералы, Керенский называл дезертировавших солдат, бунтующих крестьян и рабочих чернью за то, что они не хотели выполнять свой «священный долг» перед Антантой. Уделяя большую часть своего времени ведению войны и политическим интригам, Керенский пустил на самотек экономику страны, не сумел создать дееспособные государственные институты. Россия при нем действительно, как писал видный русский философ Иван Ильин, пошла «в разнос».

После потери власти Керенский быстро превратился в политического изгой. Никто уже более не желал воспользоваться его услугами. Жирную точку в конце политической деятельности Керенского в России поставил тот самый человек, который помог ему прийти к власти, – генерал Алексеев. «Передайте союзникам, – писал он в июле 1918 года одному из своих соратников, – что я считаю, что главным образом А. Ф. Керенскому Россия обязана уничтожением своей государственности...»

ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ БЫЛА НЕИЗБЕЖНА.

ВЛАДИМИР ЛЕНИН

Об Октябрьской революции всё вроде бы давным-давно сказано и написано.

На самом деле никакого сколько-нибудь серьезного осмысления того, что, собственно произошло в России в октябре 1917 года, интеллектуалы обществу не продемонстрировали. Все дело свелось либо к пересказу советской версии — односторонней, догматичной, приукрашенной, либо к разномастным проклятиям Ленину и «большевицкой банде» (выражение Александра Солженицына 1995 года). Ничего хорошего из подобного поверхностного плюрализма общество не извлекло и не извлечет.

Революция не нуждается в истеричных эмоциональных оценках, она имеет свои законы, свою логику, «феноменологию» (по выражению Льва Карсавина). Выдающиеся русские мыслители — социолог Питирим Сорокин и историк Карсавин доказали, что Октябрьская революция прошла не только через стадию разрушения старого миропорядка и жесточайшего насилия, но и вступила в стадию созидания новой государственности, формирования нового социума. В отличие от современных интеллектуалов либерального толка многие мыслители первой волны эмиграции не считали, что Октябрь свернул Россию со «столбовой дороги цивилизации», а Ленин в своей деятельности ничем, кроме как жадной власти, не

но,
наши

В.И. Ленин

руководствовался. Все подобные рассуждения навеяны чтением бунинских «Окаянных дней» и обнажают незнание элементарных исторических фактов, лежащих на поверхности.

О какой столбовой дороге цивилизации идет речь, если с 1914 года все «цивилизованные» страны с остервенением уничтожали друг друга на фронтах Первой мировой войны. Именно эта война сделала возможной быструю победу большевизма в 1917 году. Ленин не свалился на Россию как снег на голову, в чем нас пытался убедить писатель Владимир Солоухин. Его привела к власти Первая мировая война, без которой, как считал, к примеру, Карсавин, не было бы в России ни Февральской, ни Октябрьской революций. Еще до начала этой войны, в феврале 1914 года, бывший царский министр внутренних дел Петр Дурново предвидел, что случится с Россией, если она позволит втянуть себя в войну против Германии. В своей записке Николаю II он писал: «Главная тяжесть войны выпадет на нашу долю. Роль тарана, пробивающего толщу немецкой обороны, достанется нам... Война для нас чревата огромными трудностями и не может оказаться триумфальным вхождением в Берлин. Неизбежны и военные неудачи... те или иные недочеты в нашем снабжении... При исключительной нервозности нашего общества этим обстоятельствам будет придано преувеличенное значение... Начнется с того, что все неудачи будут приписываться правительству. В законодательных учреждениях начнется яростная кампания против него... В стране начнутся революционные выступления... Армия, лишившаяся наиболее надежного кадрового состава, охваченная, в большей части стихийно, общим крестьянским стремлением к земле, окажется слишком деморализованной, чтобы послужить оплотом законности и порядка... Россия будет ввергнута в беспросветную анархию, исход которой не поддается предвидению».

Царь, большинство правительства и военных при поддержке германофобской либеральной и патриотической интеллигенции не вняли подобным предостережениям и втянули Россию в бессмысленную войну. Большевики вывели Россию из этой войны ценой «похабного» Брестского мира, сохранив жизни тысячам и тысячам солдат, умирающим за интересы Антанты. Этот факт невозможно отрицать.

Невозможно отрицать и то, что большевики вольно или невольно остановили распад России, сохранив ей статус великой

державы, а не «чистого листа бумаги», как того хотел в 1918 году американский президент Вильсон, сводивший в то время границы России «к среднерусской возвышенности». Один из самых неприемлимых антикоммунистических историков-эмигрантов Сергей Мельгунов писал в 1951 году о том, что «даже современное большевистское зло может сослужить добрую службу – большевизм крепко сцепил между собой российские национальности».

Большевики и Ленин не только предотвратили превращение России в «чистый лист бумаги», но вывели страну из анархии, вернули стране дееспособную власть. Противники большевизма очень резко критиковали идеи и политику Ленина, но никто из них не упрекал его в отсутствии политической воли, неумении властвовать. Ничего подобного не было и в помине у лидеров Февральской революции, мечтавших о столбовой дорожке к европейской цивилизации. «Пассивность», «ограниченность», «легкомысленное отношение к делу», «двуличие», «постыдное поведение», «честолюбие», «ограниченный кругозор», «дилетантизм» – вот какие характеристики оставил членам Временного правительства в своих воспоминаниях управляющий делами этого правительства Владимир Набоков. Один из основателей евразийства Петр Савицкий в 1921 году верно отметил то обстоятельство, что «политическая годность большевиков резко контрастирует с неспособностью их соперников».

Конечно, Октябрьская революция принесла стране много горя и жертв. Жестоким гонениям подверглась Русская Православная Церковь, миллионы людей стали жертвами братоубийственной Гражданской войны. Ответственность за эти жертвы лежит на всех противоборствующих сторонах. Крестьянские села сжигали за отказ дать продовольствие или солдат и белые, и красные. Тысячи людей погибали не только на фронтах Гражданской войны, но и от рук уголовных бандитских шайк «зеленых». За развязывание Гражданской войны несут ответственность все – и большевики, и белые генералы, и социалистические правительства Поволжья и Севера России, и правительства новых независимых государств. В развязывание этой войны внесли свою лепту и «цивилизованные» страны, пославшие в Россию свои войска.

Осуждение жестокостей революции со стороны русской интеллигенции, активно приветствовавшей раньше жесточайший

террор революционеров против царских «сатрапов», нельзя возводить в ранг абсолютной истины. Понимал ли, например, Леонид Андреев, называвший в годы Гражданской войны Ленина «кровавым мясником», что и сам он несет ответственность за революционное насилие своим «Рассказом о семи повешенных», воспевавшим эсеровских террористов, и за предоставление в годы первой революции своей квартиры в качестве места собраний революционеров? Интеллигентская рефлексия на предмет «мерзостей революции» – это аберрация исторического сознания. Разве когда-нибудь Россия вступала в качественно иное состояние без массового насилия? Разве Петр Первый, названный философом Николаем Бердяевым «большевиком на троне», не рубил самолично головы мятежным стрельцам? Вся мировая история перехода от феодализма к капитализму пропитана кровью. Кромвель вырезал почти половину населения Ирландии, Наполеон хладнокровно расстреливал из пушек «чернь» парижских предместий. Нынешнее «избавление» России от коммунизма тоже не обошлось без крови в октябре 1993 года под аккомпанемент визгов «раздавить гадину». Так что насилие является повивальной бабкой не только пролетарской революции...

Переходя от историософии к обыденному, житейскому восприятию Октябрьской революции миллионами простых людей, нельзя игнорировать то обстоятельство, что для них эта революция, советская власть ассоциируются с тем, что они потеряли при нынешних реформах. Бесплатное образование, здравоохранение, бесплатное жилье, организация взрослого и детского отдыха, досуга – этих социальных завоеваний Октября массы простых, честных тружеников лишены, похоже, навсегда. Вполне логично, что они с теплотой вспоминают о тех временах, когда в стране не было массовой безработицы, преступности, проституции и беспризорности. Для этих людей 7 ноября именно праздник, а не виртуальный «День примирения и согласия». Этого примирения и согласия надо достигать в реальной жизни, конкретной политикой, а не манипуляциями с памятливыми историческими датами. Дата 7 ноября в календаре достойна значиться как «День революции» – это будет соответствовать исторической правде и здравому смыслу.

ЖИЗНЬ ВО ВСЕ СТОРОНЫ. ПЕТР КРОПОТКИН

В ночь с 7 на 8 февраля 1921 года в подмосковном Дмитрове умер один из самых старейших российских революционеров, крупный теоретик анархизма Петр Кропоткин. Несмотря на то, что покойный олицетворял собой идеологию анархизма, последователей которого большевики к 1921 году частично истребили физически, частично изолировали от общества в тюрьмах, большевики оказали ему слишком много почестей при похоронах и увековечили имя Кропоткина в неслыханных для анархистов масштабах. Кропоткин был похоронен на Новодевичьем кладбище, в последний путь его проводили выпущенные под честное слово из тюрьмы (и вернувшиеся в нее после похорон) анархисты, на его могилу прислали венок от самого Ленина. В 1921 году в Москве появились: музей Кропоткина, улица Кропоткинская, Кропоткинская площадь, Кропоткинская набережная, в 30-е годы его именем назвали одну из станций московского метро. Едва ли еще кто-либо из идеологических антиподов большевизма (не только анархистов) удостоился такой чести. Но все это в прошлом. Убежден, что если кто-то задался бы целью задать пару-тройку вопросов о Кропоткине проходящим по Пречистинке и выходящим из метро «Кропоткинская» людям (особенно молодым), то он потратил бы время впустую.

Наш герой, к сожалению, тоже часто тратил свое время впустую. Кропоткин переменял множество занятий. Он был военным,

Петр Кропоткин

чиновником, студентом, путешественником, профессиональным политиком, чуть не стал актером (об этом он пишет в своих воспоминаниях), мог стать даже министром во Временном правительстве (если бы уступил настойчивым просьбам Александра Керенского), но нигде почти не смог добиться сколько-нибудь значимых для себя и общества результатов.

Петр Алексеевич Кропоткин родился в Москве в 1842 году. Его отец, князь, генерал-майор, картежник и скряга не видел для своих сыновей какой-либо иной карьеры, кроме военной. В 1857 году он определил Петра в привилегированный Пажеский корпус. Выпускники корпуса имели право поступать в любой гвардейский или армейский полк. А самые лучшие 16 учеников старшего класса назначались камер-пажами к членам императорской семьи. Кропоткин прекрасно учился, своим независимым твердым характером завоевал уважение не только у товарищей, но и у преподавателей корпуса. Ему неслыханно повезло, когда он был назначен камер-юнкером к самому Александру II, любой на его месте сделал бы в такой ситуации головокружительную карьеру. Однако молодой офицер пожелал служить в Амурском казачьем войске, повинувшись самым благородным порывам – желанию произвести новые географические открытия и проводить в жизнь реформы императора. Однако этих порывов хватило на 5 лет. Сам Кропоткин свою отставку объяснял невозможностью воплотить свои планы (в частности проекты реформирования тюрем) бюрократической волокитой, тяжелыми впечатлениями от подавления восстания ссыльных поляков в Сибири в 1866 году. Вернувшись в Петербург, он поступает учиться на физико-математический факультет университета, продолжает заниматься географией и геологией. В 1872 году он становится членом одного из народовольческих кружков «чайковцев». Как и многие другие юноши и девушки 60–70-х годов XIX века, Кропоткин стал революционером, повинувшись неформальному образу жизни молодежи того времени, прекрасно описанному им в своих воспоминаниях. Этот образ жизни – нигилизм – объявил войну условностям культурной жизни. Человек, причисливший себя к нигилистам, должен был, как писал Кропоткин, признавать «только один авторитет – разум», порвать с религией и прочими «суевериями отцов» и идти в народ, чтобы «жить его жизнью». Этот нигилизм, особенно в его первом практическом воплощении – «хождении в народ», представлял собой,

как замечательно сказал Георгий Флоровский, «показатель сдавленного беспокойства души» многих юношей и девушек того времени. Яркое подтверждение тому – следующее свидетельство народовольца Осипа Аптекмана: «Я видел не раз, как молодежь, отправлявшаяся уже в народ, читала Евангелие и горько рыдала над ним». Эта молодежь была куда чувствительнее, ранимее, экзальтированнее, чем в наше время. Поэтому извечный конфликт отцов и детей принял небывало острые формы. «Почти в каждой богатой семье, – вспоминал Кропоткин, – происходила упорная борьба между отцами, желавшими поддержать старые порядки, сыновьями и дочерьми, отстаивавшими свое право располагать собой согласно собственным идеалам».

«Собственные идеалы» обернулись сначала провалившимся «хождением в народ», затем появлением разнородных социалистических течений, расколовших, в конце концов, русских революционеров на враждующие между собой партии, и, наконец, в жесточайший революционный террор, остановить который Кропоткин умалел в своих письмах Ленину 1918–1920 гг.

Самые высокие идеалы имеют обыкновение оборачиваться утраченными иллюзиями при столкновении с реальной действительностью. Революционная пропаганда путем «хождения в народ» с треском провалилась не только из-за репрессий полиции, но, прежде всего, потому, что антимонархические и атеистические настроения интеллигенции были чужды крестьянам. Народник Николай Бух вспоминал, что крестьянин, с которым он долго шел куда-то по одной дороге, в ответ на его утверждение, что царь против народа, ответил ему: «А все же он помазанник божий, хозяин земли. Без хозяина нельзя. Только вот помещики, не пойму на кой черт они ему сдались?» Другой народник Николай Морозов, читая крестьянам какую-то пропагандистскую брошюру, услышал оживление среди слушающих его крестьян и обрадовался было своему успеху, но тут один из крестьян спросил его: «Какие у тебя хорошие сапоги, чай, дорого дал?» Подобные примеры можно множить и множить.

Широкий плюрализм социалистических идей, среди которых вращался Кропоткин, обернулся настоящей идеологической войной на уничтожение. В конце XIX века этот плюрализм закончился окончательным и бесповоротным расколом народников и мар-

ксистов. В самом анархизме, к которому примкнул Кропоткин, в период революции 1905–1907 года обозначались:

1) анархо-коммунизм – самое радикальное течение, ратовавшее исключительно за радикальные насильственные действия против буржуазии (делившееся, в свою очередь, на «безмотивных террористов», исповедующих тотальный террор против буржуазного сословия как такового, и анархистов-«коммунаров», призывавших помимо террора к организации широкого повстанческого движения);

2) анархо-синдикализм, выступавший предпочтительно за легальные методы борьбы за освобождение труда от капитала;

3) анархо-индивидуализм, исповедующий абсолютную свободу личности как «исходную точку и конечный идеал» (его разновидностью был «мистический анархизм», которым увлекались крупнейшие русские писатели Серебряного века Вячеслав Иванов, Александр Блок, Валерий Брюсов и некоторые другие). Во всей этой идеологической многоголосице анархизма идейное наследие Кропоткина просто затерялось. Да и задолго до первой русской революции XX века это наследие не было воспринято со сколь угодно значимым интересом среди революционной публики.

Социальные проекты Кропоткина, обобщенные в книгах «Хлеб и воля» и «Поля, фабрики и мастерские» революционной, да и вообще оппозиционной самодержавию общественностью, были приняты холодно, без энтузиазма. Революционер-народник Лев Дейч вспоминал, что даже пламенные последователи Михаила Бакунина сомневались, что будущее общество устроилось бы «так скоро, тихо и гладко», как это изображал Кропоткин: «на второй день революции», без всякого «начальства», даже выборного, без ссор, мирно, при содействии одних лишь добровольцев. Лев Толстой, который вслед за анархистами утверждал в обществе убеждение в «неразумности и вреде власти», писал: «Читал Кропоткина о коммунизме. Хорошо написано, и хорошие побуждения, но поразительно слабо о том, что заставит эгоистов работать, а не пользоваться трудами других». В общем, популярность книг Кропоткина среди революционной молодежи не идет ни в какое сравнение с популярностью «Государственности и анархии» Михаила Бакунина, «Историческими письмами» Петра Лаврова или, наконец, со знаменитым «Катехизисом революционера» Сергея Нечаева.

Главные идеологемы анархизма Кропоткина пришлись не ко времени. Его труды были слишком научны для политической публицистики и слишком политизированными для научной литературы. Идея Кропоткина о взаимной помощи и солидарности людей, которую он выводил из положения учения Дарвина о взаимопомощи в живой природе, была хороша для социально стабильного, гуманного общества, а не для расколотого, пронизанного взаимной ненавистью власти и интеллигенции российского общества конца XIX – начала XX века. Радикалам-революционерам был нужен не Кропоткин, а Нечаев. Именно Нечаев, несмотря на то что вожди революции прилюдно называли его «чужим» (Вера Засулич), стал на самом деле своим для тех буйных голов, что жаждали немедленного, прямого действия. В основательно забытых воспоминаниях революционеров на сей счет можно найти немало подтверждений. Так, например, малоизвестный народник Владимир Дебогорий-Мокриевич, вспоминая о реакции революционной молодежи на процесс над организацией Нечаева «Народная расправа», писал: «К участи нечаевцев мы отнеслись сочувственно. А показания обвиняемого Успенского, оправдывавшего свое участие в убийстве студента Иванова (по приказу Нечаева. – С. К.) тем соображением, что для спасения жизни двадцати человек всегда дозволительно убить одного (Иванова подозревали в шпионстве и за это его убили), показались нам чрезвычайно логичными и доказательными. Рассуждая на эту тему, мы додумались до признания принципа «цель оправдывает средства». А вот как оценивал Нечаева сам Ленин, по свидетельству Владимира Бонч-Бруевича, опубликованного в 1934 (!) году в малоизвестном журнале «Тридцать дней»: «Нечаев обладал особым талантом организатора, умением всюду устанавливать особые навыки конспиративной работы, умел свои мысли облачить в такие потрясающие формулировки, которые оставались памятными на всю жизнь. Достаточно вспомнить его ответ в одной листовке, когда на вопрос: «Кого же надо уничтожить из царствующего Дома?» Нечаев дает точный ответ: «Всю большую ектению». Ведь это сформулировано так просто и ясно, что понятно для каждого человека, жившего в то время в России, когда православие господствовало, когда огромное большинство так или иначе, по тем или другим причинам бывало в церкви, и все знали, что на великой, на большой ектении вспоминается весь царствующий Дом, все

члены Дома Романовых. Кого же уничтожить из них? – спросит себя самый простой читатель. – Да весь Дом Романовых, – должен он был дать себе ответ. Ведь это просто до гениальности! Нечаев должен быть весь издан...»

Нечаев так и не удостоился от большевиков переиздания своих работ. Его откровенный аморализм и жестокость («Наше дело – страстное, полное, повсеместное и беспощадное разрушение») были неуместны в период строительства социализма, особенно при нэпе, когда вождь большевизма вспомнил и начал активно разрабатывать сам идеи кооперации. И вот здесь-то Кропоткин со своей идеей о взаимопомощи и солидарности людей, со своими мыслями о кооперации, строительстве социализма снизу, «местными силами» самих крестьян и рабочих, о чем он не раз писал Ленину в своих письмах 1918–1919 годов, оказался актуален и востребован. Отсюда и то почтение, которое ему оказали большевики (по указке Ленина) после его смерти.

Однако созданный большевиками образ Кропоткина как одного из самых величайших борцов с буржуазией был так же фальшив, как и созданный ими образ Нечаева – чуждого светлому делу революции «левака» и авантюриста. На самом деле Кропоткин всю жизнь разрывался между политикой и наукой, не сумев до конца реализовать себя ни там, ни там. Между тем у него были крупные способности к науке. В своем фундаментальном «Исследовании о ледниковом периоде» Кропоткин выяснил причины образования материкового льда и границы его движения. Он, в частности, доказал, что мощный ледник, спускаясь от Скандинавии, надвигался на Европу, воздействуя на рельеф ее поверхности. Владимир Вернадский высоко ценил эти выводы Кропоткина. Кропоткин много путешествовал в Сибири, за отчет об Олекминско-Витимской экспедиции он был награжден золотой медалью Русского географического общества (в котором ему, кстати, предлагали пост секретаря), его именем был назван горный хребет на Патомском нагорье. Кто знает, каких бы высот мог достичь Кропоткин в географии и геологии, если бы не бросал свои научные труды, чтобы написать очередную статью в анархистскую газету.

СВОЙ СРЕДИ ЧУЖИХ, ЧУЖОЙ СРЕДИ СВОИХ.

ЛЕОНИД КРАСИН

Среди памятных дат ушедшей советской эпохи день рождения Леонида Борисовича Красина (15 июля 1870 года) если и значился, то проходной, обычной строкой. 100-летний юбилей Красина не был отмечен в Советском Союзе сколько-нибудь значимыми мероприятиями. Ему не поставили памятник, его именем не назвали ни один населенный пункт, его статьи и выступления не вышли отдельным изданием. Между тем все это Красину было положено даже по формальным историко-партийным

Леонид Борисович
Красин. 1904 год

канонам. Он был старейшим членом партии, его стаж исчислялся с 1890 года (у Ленина с 1895), его избрали в ЦК партии в 1903 году на II съезде РСДРП. В 1905–1907 гг. Красин возглавлял боевую техническую группу ЦК РСДРП, был одним из главных финансистов партии. В советское время он занимал высокие посты – наркома путей сообщения, торговли и промышленности, внешней торговли, полпреда и торгпреда во Франции и Великобритании. Однако в коммунистическом пантеоне Красин имел сильно заниженный статус. И это не случайно. Если бы о деятельности этого человека в советское время написали всю правду, то история КПСС могла бы быть воспринята в народе как история мафиозной

организации, ворочающей огромными денежными средствами, добытыми, мягко говоря, сомнительными путями.

Впрочем, в советское время добывание средств на революцию было овеяно романтическим ореолом. Грабежи банков и касс преподносились как героические революционные подвиги. Бандит и налетчик Камо стараниями писателей и режиссеров превратился в пламенного революционера, проявившего «исключительную изобретательность» в организации «денежных экспроприаций у царского правительства» (цитата из Советского Энциклопедического Словаря, изданного в 1989 г.). Леонид Красин проявил еще большую изобретательность при добывании денег на нужды партии, чем Камо. Именно он «раскрутил» на революцию спонсора МХАТа миллионера Савву Морозова. Во многом благодаря Красину большевики смогли прибрать к рукам и наследство московского мебельного фабриканта Николая Шмита. Шмит завещал все свои деньги (257 996 рублей) большевикам устно, накануне своей смерти в Бутырской тюрьме. По закону наследство Шмита переходило к его сестрам, и Красин был одним из тех, кто вытянул из сестер эти деньги. По части добычи денег на революцию Красин, пожалуй, не знал себе равных. Об этом ярко свидетельствует один из эпизодов его первой встречи с Саввой Морозовым, описанной Максимом Горьким, который их и познакомил (встреча проходила в декабре 1903 года).

– В какой сумме нуждается? – спросил Савва.

– Давайте больше.

Савва быстро заговорил, – о деньгах всегда говорил быстро, не скрывая своего желания скорее кончить разговор.

– Личный мой доход ежегодно в среднем шестьдесят тысяч, бывает, конечно, и больше – до ста. Но треть обыкновенно уходит на разные мелочи, стипендии и прочее такое. Двадцать тысяч в год – довольно-с?

– Двадцать четыре – лучше! – сказал Леонид.

– По две в месяц? Хорошо-с.

Леонид усмехнулся, взглянув на меня, и спросил, нельзя ли получить сразу за несколько месяцев.

– Именно?

– За пять примерно?

– Подумаем.

Красин произвел на Морозова самое благоприятное впечатление. Фабрикант без всяких возражений давал ему столько денег, сколько он просил. Незадолго до своего самоубийства Морозов передал актрисе Марии Андреевой, в которую был безнадежно влюблен, свой последний крупный взнос в большевистскую кассу. Андреева, мастерски совмещающая в своем лице актрису, гражданскую жену и сообщницу Максима Горького по изданию большевистской литературы, в июле 1906 года просила адвоката Малянтовича «выдать полученные по страховому полису покойного Саввы Тимофеевича Морозова сто тысяч рублей для передачи Леониду Борисовичу Красину».

Красина с Морозовым связывали не только финансовые интересы партии. Леонид Борисович в отличие от многих большевиков обладал высокооплачиваемой специальностью инженера-электротехника, которой уделял очень много внимания и времени. Просто диву даешься энергии этого человека, который успевал устраивать подпольные типографии, распространять «Искру», добывать деньги для формирования боевых дружин и одновременно столь же энергично работать на постройке электрических станций на нефтепромыслах в Баку. В дальнейшем Красин работал не только на фабрике Саввы Морозова, но и в крупнейшей германской электрокомпании «Симменс и Шуккерт». Лев Троцкий писал в 30-е годы о том, что «февральская революция застала Красина богатым человеком».

Преуспевание в бизнесе, несомненно, сказалось на стиле работы Красина в качестве наркома внешней торговли. Среди большевиков он больше, чем кто-либо, разбирался в вопросах мировой экономики, знал Запад и капитализм не по книжкам и агитационным брошюрам. Ленин осознавал истинную цену Красину, его незаменимость в разрешении сложнейших экономических проблем. Несмотря на то, что Красин с 1909 года оказался сначала в стане «отзовистов» (противников участия большевиков в легальной оппозиционной деятельности через Государственную Думу), а потом вообще отстранился от политики, уйдя на работу в «Симменс и Шуккерт», Ленин все время держал его в поле своего зрения, а после Октябрьской революции приложил максимум усилий для его привлечения на государственную службу. Связи Красина в Германии были необходимы Ленину для заключения Брестского мира. 28 декабря 1917 года Красин пишет своей жене, что «перего-

воры с немцами дошли до такой стадии, на которой необходимо формулировать если не самый торговый и таможенный договор, то, по крайней мере, предварительные условия его. У народных комиссаров, разумеется, нет людей, понимающих что-либо в этой области, и вот они обратились ко мне, прося помочь им при этой части переговоров в качестве эксперта-консультанта. Мне, уже отклонявшему многократно предложения войти к ним в работу, трудно было отклонить в данном случае, когда требовались мои специальные знания и когда оставлять этих политиков и литературоведов одних значило бы, может быть, допустить ошибки и промахи, могущие больно отразиться на русской промышленности и на русских рабочих».

Это письмо лишний раз свидетельствует о том, что Красин согласился работать с Лениным не из-за идеологических, а исключительно из прагматических, государственных соображений. Красин весьма критически оценивал многие политические и идеологические инициативы Ленина и его ближайших соратников. 25 августа 1918 года опять же в письме к жене он пишет буквально следующее: «Самое скверное – это война с чехословаками и разрыв с Антантой... Чичерин соперничал в глупости своей политики с глупостями Троцкого, который сперва разогнал, расстроил и оттолкнул от себя офицерство, а затем задумал вести на внутреннем фронте войну... Победа чехословаков или Антанты будет означать как новую гражданскую войну, так и образование нового германо-австрийского фронта на живом теле России. Много в этом виновата глупость политики Ленина и Троцкого, но я немало виню и себя, так как определенно вижу, – войди я раньше в работу, много ошибок можно было бы предупредить...».

С самого начала работы в правительстве Красин нажил себе массу врагов. Его кадровая политика раздражала не только чекистов, но и самые высокие партийные инстанции. Красин засорял советский государственный аппарат «классово чуждым элементом». Именно он пристроил на работу в ревизорские органы бывшего миллионера, владельца многочисленных доходных домов Петербурга Алексея Монисова, который вскрыл вопиющие факты воровства и коррупции в Государственном хранилище ценностей (Гохране) РСФСР и в ряде других учреждений. Красин вытаскивал из тюрем квалифицированных специалистов, аресто-

ванных ЧК. Он добился, в частности, освобождения профессора Петроградского технологического института Д. Зернова и группы инженеров, работавших на Свирско-Волховском строительстве.

Красин неоднократно шел наперекор Ленину. В апреле 1922 года во время Генуэзской конференции он выступал со своим планом прорыва международной изоляции России. Красин предлагал Совнаркому признать долги царской России без процентов (по его подсчетам эти долги обошлись бы в 8 миллиардов золотых рублей) и согласиться на единовременную компенсацию всем частным и иностранным фирмам на сумму в 3–4 миллиарда золотых рублей. На средства последней суммы Красин предложил выпустить заем, распределив облигации между бывшими владельцами. Все эти уступки Западу обуславливались признанием с его стороны РСФСР де-юре и официальным обещанием оказать содействие в организации кредита. Узнав об этих намерениях Красина, Ленин дал наркому иностранных дел Георгию Чичерину следующее указание: «...Не берите на себя при закрытии Генуэзской конференции ни тени финансовых обязательств, никакого даже полу-признания долгов и не бойтесь вообще разрыва. Особое мнение т. Красина показывает, что его линия абсолютно неверна и недопустима».

Не приняв инициатив Красина, Ленин согласился с ним в вопросе установления тайного военно-технического сотрудничества Советской России с Германией, которое начало устанавливаться еще в сентябре 1921 года. Именно тогда Красин в режиме строгой секретности вел переговоры с представителями германской армии. Ленин полностью принял все доводы Красина, который очень точно просчитал, что униженные Версальским миром немецкие генералы с радостью согласятся на размещение оборонных заказов в России «хотя бы, например, утаив известную сумму при уплате многомиллиардной контрибуции той же Франции».

Красин имел много других достижений в сфере расширения внешнеэкономических связей России. Именно Красин первым прорвал дипломатическую и экономическую изоляцию РСФСР. Благодаря ему 16 марта 1921 года одна из ведущих мировых держав – Великобритания – заявила о фактическом признании Советской России. Англичане дали обязательство не предпринимать никаких действий для того, чтобы завладеть золотом, имуществом и

товарами, принадлежащими РСФСР. Российская сторона выразила готовность уплатить в будущем соответствующее возмещение тем бизнесменам, которые поставляли нашей стране различную продукцию. Красин был инициатором создания совместных предприятий, на одном из которых («АРКОС») уже в октябре 1920 года Москва разместила заказы на сумму 2 миллиона фунтов стерлингов.

Свою линию во внешнеэкономической политике Красин проводил с неуклонной последовательностью и жесткостью. В декабре 1922 года он не побоялся пойти на конфликт с Бухариным, Сталиным, Пятаковым и деятелями более мелкого калибра, выступившими в октябре того же года на Пленуме ЦК партии против государственной монополии внешней торговли. Троцкий, которому Ленин поручил выступить на новом пленуме в защиту этой монополии, приняв за основу тезисы Красина, верно отметил то обстоятельство, что «не только «по должности», но и по всему своему прошлому Красин способен был раньше многих других понять, что советское хозяйство не может развиваться как изолированная, замкнутая в себе система. Он слишком хорошо знал структуру нашей промышленности, ее довоенную связь с иностранной промышленностью, ее зависимость от европейской и американской техники».

Оппоненты Красина всего этого не только не понимали, но и отвергали по идеологическим соображениям. На XII съезде партии в апреле 1923 года Красина остро критиковали за его предложения о привлечении иностранных инвестиций в российскую промышленность. Двамя месяцами раньше специальная комиссия ЦК РКП(б) в составе заместителя председателя Совнаркома Рыкова, наркома финансов Сокольников и секретаря ЦК Куйбышева провела широкомасштабную проверку деятельности наркомата внешней торговли и некоторых других структур, подчиненных Красину. Заключение комиссии недвусмысленно свидетельствует о том, что она целенаправленно собирала на Красина компромат. Рыков, Сокольников и Куйбышев запретили деятельность специальной железнодорожной комиссии во главе с Красиным, занимавшейся закупкой паровозов на Западе. Заместитель Красина по этой комиссии, Ломоносов, был не просто уволен, но и лишен права «занимать ответственные государственные должности». Тщетно Ломоносов пытался отвести обвинения комиссии. Ему не

удалось убедить ее в том, что участие в работе бывшего крупного царского чиновника Бельгарта, привлеченного Красиным, способствовало продаже золота шведам по самому высокому курсу (прибыль составила 6 миллионов 347 тысяч крон). На эти доводы Дзержинский, к примеру, заметил, что указанную сумму «можно назвать не прибылью, а сбережением». Но самым тяжелым с политической точки зрения выглядело обвинение Красина в том, что заключив договор со шведской фирмой «Нидквист и Гольма», он не принял во внимание «требования литейщиков на повышение их зарплаток», подписав соглашение, по которому «в течение трех последующих лет выполнения нашего заказа литейщики не будут требовать повышения своего заработка». Тем самым, гласило заключение комиссии, Красин подрывал «prestиж советского правительства», поскольку «фирме выгодно было перевести свой спор с рабочими на спор с представителями советского правительства... мы были стороной заинтересованной в отказе рабочим в повышении заработной платы, гарантируя в то же время прибыль предпринимателям».

Подобные обвинения означали растущее недоверие к Красину со стороны уже крепко держащейся за власть «тройки» Сталин-Каменев-Зиновьев. Кроме того, Леонид Борисович тяжело болел – у него было белокровие из-за перенесенной им до революции малярии. С 1925 года он практически отходит от дел, проводя целые месяцы на лечении в парижских клиниках. В конце 1926 года Красин скончался. Хотя в его честь и был назван пароход, тем не менее, партия и советское государство не чтити должным образом память человека, внесшего огромный вклад (измеряемый астрономическими денежными суммами) как в становление самой партии, так и в налаживание эффективного внешнеэкономического партнерства Советской России с западными странами.

ЖЕРТВА МАРКСА. ЛЕВ ТРОЦКИЙ

21 августа 2000 г. минуло 60 лет со дня кончины Льва Троцкого. Смерть его была ужасна. Ударом ледоруба убийца (агент НКВД Рамон Меркадер) пробил правую теменную кость черепа, ее осколки вонзились в мозг, сам мозг был частично разрушен. Троцкому сделали трепанацию черепа, он боролся со смертью свыше 22 часов и успел за это время не только попрощаться с женой, но и передать соратникам свой последний политический лозунг: «Я убежден в победе IV Интернационала, вперед!» Троцкий не был бы самим собой, если бы в последние часы своей жизни вел себя как-то иначе. Фанатичная убежденность в правоте своих политических взглядов и такая же фанатичная вера в победу коммунизма во всем мире не покидала его никогда. Это видно и из его завещания, написанного в конце февраля – начале марта 1940 года, где нежные слова по отношению к жене и распоряжения по наследству занимают подчиненное место по отношению к идеологическому кредо Троцкого. «Я умру пролетарским революционером, – писал он, – марксистом, диалектическим материалистом и, следовательно, непримиримым атеистом... Я умру с непоколебимой верой в коммунистическое будущее...»

Лев Троцкий

Роль пророка коммунизма, знающего наперед все не только в политике, но и буквально во всех областях жизни человечества – от проблем науки, литературы и искусства до вопросов семьи, брака и гигиены, Троцкий вдохновенно играл всю свою жизнь. Некоторые современники и историки видели и видят в этом амплуа

Троцкого элементы актерства, самолюбования, огромного личного честолюбия. Анатолий Луначарский еще в 1919 году писал, что Троцкий «чрезвычайно дорожит своей исторической ролью и готов был бы, вероятно, принести какие угодно жертвы, конечно, не исключая вовсе и самой тяжелой из них – жертвы своей жизнью для того, чтобы остаться в памяти человечества в ореоле трагического революционного вождя». Это проникательное наблюдение подтверждает вся жизнь Троцкого.

Полная лишений и опасностей революционная деятельность, активнейшее участие в Октябрьской революции и Гражданской войне, борьба со Сталиным, скитания в эмиграции, основание IV Интернационала, бурный роман с красавицей Фридой Кало (женой знаменитого мексиканского художника Диего Ривера), чуть не закончившийся разрывом с женой, смерть всех четверых детей (причем двое сыновей были ликвидированы НКВД – Сергей в СССР, а Лев – в эмиграции; дочь Зинаида покончила с собой в Германии, будучи на грани психической болезни) и, наконец, собственная трагическая гибель – эти вехи жизни Троцкого достойны драматической пьесы.

В своей автобиографии «Моя жизнь» Троцкий писал: «Я не знаю личной трагедии» и восхищался словами французского социалиста XIX века Прудона «судьба – я смеюсь над ней». Это был показной оптимизм. На самом деле Троцкий вовсе не смеялся над своей горькой участью изгнанника. «Мы долго сидели с папой в темном купе и плакали», – писала жена Троцкого Наталья Седова сыну Льву в декабре 1932 года, когда их почти насильно депортировали из Франции. К началу 1940 года Троцкий был так измучен прогрессирующим склерозом сосудов, что всерьез подумывал о самоубийстве, о чем писал в своем завещании: «Если склероз сосудов примет затяжной характер и мне будет грозить длительная инвалидность <...>, то я сохраняю за собой право самому определить срок своей смерти». И хотя Троцкий считал возможное самоубийство «ни в каком случае выражением отчаяния или безнадежности», ясно, что, случись ему действительно самому уйти из жизни, мало кто даже в ближайшем его окружении поверил бы в искренность этих строк. Лучший биограф Троцкого Исаак Дойчер отмечает, что в последние месяцы своей жизни Троцкий «действительно вел себя как человек, ожидавший фатального дня в камере смертников». После первого покушения на его жизнь в мае

1940 года (также подготовленного НКВД и осуществленного группой боевиков во главе со знаменитым мексиканским художником Альфаро Сикейросом) Троцкий как-то сказал жене: «Да, Наташа, нам дали отсрочку исполнения приговора».

Сталин уничтожил Троцкого политически и физически, однако идеологическое фиаско Лев Давидович потерпел благодаря не своему самому злейшему врагу, а Марксу. Слепое следование марксизму, неумение пользоваться им «сообразно моменту» (т. е. отбрасывать в сторону, когда этого требуют конкретные политические и экономические обстоятельства) сослужили Троцкому недобрую службу. Он стал жертвой своего фанатизма, марксистский идол неуклонно тащил в могилу все его политические конструкции, чего Троцкий никогда не осознавал.

Рискну подвергнуться критике историков за эти утверждения, но еще раз сошлюсь на мнение Луначарского, который писал о том, что «Троцкий несравненно более ортодоксален, чем Ленин, хотя многим это покажется странным; политический путь Троцкого как будто несколько извилист, он не был ни меньшевиком, ни большевиком, искал средние пути, потом влил свой ручей в большевистскую реку, а между тем на самом деле Троцкий всегда руководился (так в тексте. – С. К.), можно сказать, буквою революционного марксизма. Ленин чувствует себя творцом и хозяином в области политической мысли и очень часто давал совершенно новые лозунги, которые нас всех ошарашивали, которые казались нам дикостью и которые давали богатейшие результаты. Троцкий такой смелостью мысли не отличается: он берет революционный марксизм, делает из него все выводы, применительные к данной ситуации...»

Можно не соглашаться с этим суждением Луначарского, но если вспомнить о том, что писал Троцкий о Сталине и созданном им государстве, и сопоставить это с буквой марксизма, то становится ясно, что Троцкий был последним искренним марксистским теоретиком в Советской России. Он стал жертвой марксизма, поскольку в отличие от Ленина не понял, что «марксизм – это не догма, а руководство к действию». Эта казуистическая формула позволяла вождю большевизма совершать немислимые идеологические кульбиты ради достижения конкретных экономических и политических целей. Ленин был слишком живым и умным поли-

тиком, чтобы раз и навсегда связывать себя идеологическими догматами.

Весной 1918 года, когда Ленин понял, что «кухарка» государством управлять все же не может, он призвал своих соратников учиться управлять хозяйством у немецких капиталистов, в годы нэпа он вообще призвал «учиться торговать», что у ортодоксальных марксистов уж совсем не укладывалось в голове. Кстати, введение нэпа привело к волне самоубийств в среде самых фанатичных коммунистов, многие из них спились и отошли от дел. Эти факты приводит в своих воспоминаниях о нэпе и работе в ВСНХ меньшевик Н. Валентинов (Вольский). Сталин от марксизма оставил одни рожки да ножки, заменив его «Кратким курсом истории ВКП(б)» и трудами своей скромной персоны и даже позволил себе напечатать статью с критическими высказываниями против статьи Энгельса «О внешней политике русского царизма» в журнале «Большевик» в 1941 году. О Никите Сергеевиче и Леониде Ильиче и говорить нечего.

Не хочется загружать читателей вопросами марксистской теории, но тема статьи к тому обязывает. Постараемся сделать это как можно доходчивее. Троцкий был действительно стопроцентным марксистским догматиком, уникальным в своем роде человеком (много ли вы, уважаемый читатель, в советское время встречали людей, прочитавших Маркса от корки до корки?), он свято верил в то, что Россия должна развиваться строго по Марксу и нес эту веру миллионам людей. На каком-то этапе эта слепая, неистовая вера пришла в противоречие с тем, что реально происходило в Советском Союзе. Историки, в частности, Дмитрий Волкогонов, утверждающие, что на самом деле Сталин в 30-е годы осуществил все те установки казарменного социализма, которые отстаивал и Троцкий, не замечают диаметральных различий идеологии сталинского «большого скачка» и теоретических построений Троцкого. Тот факт, что Троцкий одобрил коллективизацию по-сталински (как и советско-финскую войну), не означает совпадения конечных целей социализма в одной стране, который строил Сталин, с намерением Троцкого как можно скорее распространить этот социализм по всему миру. И это расхождение вовсе не тактическое.

В борьбе Троцкого со Сталиным столкнулись не только два претендента на главенствующую роль в партии и в стране и стоя-

щие за ними аппаратные кланы, но, прежде всего, два абсолютно разных взгляда на роль русской революции в судьбе России. Это не раз отмечали их современники. Так, советский дипломат-невозвращенец Сергей Дмитриевский в своей книге «Сталин» писал, что если Троцкий был по своей сути «западным империалистом наизнанку», мечтавшим «взамен культурного западного капитализма иметь культурный западный социализм», то Сталин строил «русско-азиатский социализм» с целью добиться «национальной независимости России». Троцкий всегда видел в России лишь безликое пространство, пригодное для того, чтобы стать базой, стартовой площадкой европейской, а затем и всемирной революции. «Мы нация бедная, – сетовал он еще в 1912 году, – тысячи лет жили в бревенчатом здании, где щели мхом законопачены, ко двору ли тут мечтать о стрельчатых арках и готических вышках». Еще в годы Первой мировой войны, выдвинув лозунг «Соединенные Штаты Европы – без монархий, постоянных армий и тайной дипломатии», Троцкий отвел России роль бедного родственника, годного лишь для того, чтобы пожертвовать собой во имя «культурной» Европы. В данном случае Троцкий выступал как самый последовательный марксист. Энгельс на закате жизни считал, что «русская революция даст новый толчок рабочему движению Запада, создаст для него новые лучшие условия борьбы и тем ускорит победу современного промышленного пролетариата, победу, без которой сегодняшняя Россия ни на основе общины, ни на основе капитализма не может достичь социалистического переустройства общества».

В сталинской теории о возможности построения социализма в одной стране Троцкий учуял смертельную опасность своим грезам о Соединенных Штатах Европы. Сама мысль надолго, если не навсегда, ограничить свою бурную деятельность одной страной, да еще такой отсталой и варварской, как Россия, приводила его в бешенство. Какими только эпитетами он не награждал Сталина – «могильщик революции», «интендант Гитлера», «Каин», «Сверх-Борджиа в Кремле». В стремлении Сталина «строить наше хозяйство так, чтобы наша страна не превратилась в придаток мировой капиталистической системы», Троцкий усматривал только «национальную ограниченность» и забвение «мировых хозяйственных зависимостей».

Троцкий не мог простить Сталину его «национал-большевизм», его «непочтение» к Европе, выразившееся еще в августе 1917 года на VI съезде партии большевиков, когда в полемике с верным сторонником Троцкого Евгением Преображенским, который как истинный марксист считал, что строительство социализма в России возможно только при победе пролетарской революции на Западе, будущий его убийца раздраженно бросил: «Надо откинуть отжившее представление, что только Европа может указать нам путь».

Троцкий в отличие от Сталина презрительно относился к традиционной русской культуре. В этом он тоже был стопроцентным марксистом. Маркс и Энгельс не питали теплых чувств не только к русским (за исключением нескольких революционеров), но и вообще к славянам. Не будем долго рассуждать на эту тему. Достаточно прочитать статью Энгельса «Демократический панславизм» или биографию Маркса, написанную германским социал-демократом Францем Мерингом, в которой приводятся факты сотрудничества Маркса в годы Крымской войны с далеко не социалистической британской прессой, в которой он раздувал шовинистический угар по отношению к России.

В высказываниях Троцкого типа «английская культура выше русской» или о том, что вся русская «дворянская» культура представляла собой «лишь поверхностное подражание более высоким западным образцам» и «не внесла ничего существенного в сокровищницу человечества», куда больше марксистского, чем в литературных вкусах Сталина, хорошо знавшего и ценившего русскую классику (во второй половине 30-х годов Пушкин будет чествоваться как «великий русский поэт», его книги и книги других русских писателей будут издаваться миллионными тиражами).

Марксистские идеи так прочно завладели Троцким, что он фактически полностью лишился способности трезвого политического анализа событий в СССР и в мире. Он осуждал Сталина за вступление СССР в 1934 году в Лигу Наций, хотя этот шаг был не только принципиально важен для тех европейских стран (Франции, например), которые искали в Советском Союзе геополитического союзника против Гитлера, но и освободил нашу страну от всех ее царских долгов Западу (о чем не всегда пишут в учебниках). Троцкий пророчил неизбежное поражение СССР в случае войны с гитлеровской Германией, осуждал разрешение в середине 30-х

годов крестьянину держать приусадебный участок, запрещение аборт в 1936 году он квалифицировал как «семейный термидор». Можно привести и много других несбывшихся пророчеств Троцкого относительно перспектив социализма в СССР и судеб мирового революционного движения, но и сказанного достаточного, чтобы понять, насколько нереальны, иллюзорны были эти пророчества.

Троцкий не дожил и не мог дожить до победы мировой революции. Реальная действительность XX века похоронила все мечты Маркса о всемирном господстве пролетариев. Трагедия Троцкого была в том, что он не мог понять, что мир может развиваться по какому-то другим, немарксистским законам. Это непонимание стало причиной его идейного краха. Современный троцкизм идеологически анахроничен, политически маргинален и обречен на участь своего вождя – исчезнуть с политического горизонта.

В РОЛИ ПОКРОВИТЕЛЯ МУЗ. ЛЕВ ТРОЦКИЙ И ФЕДОР СОЛОГУБ

биографии Льва Троцкого есть одна малоизученная страница, а именно: его личные отношения с творческой интеллигенцией. Взгляды Троцкого на различные литературные направления, как в дореволюционной России, так и в советской, его высказывания об отдельных поэтах и писателях широко известны всем, кто хотя бы просматривал его книгу «Литература и революция» (переизданную в 1991 г. стотысячным тиражом). Куда меньше известно о непосредственных контактах Троцкого со служителями муз, о его участии в их литературной и личной судьбе. Воспоминания современников об этих контактах чаще всего отрывочны, редки, но и имеющихся достаточно для того, чтобы утверждать, что Троцкий прекрасно играл роль покровителя муз, умел очаровывать не только Ларису Рейснер, посвятившую ему свою поэму «Свияжск». По свидетельству писателя В. Наседкина, шурина Сергея Есенина, знаменитый поэт после встречи с Троцким летом 1923 г. говорил о том, что Троцкий является «идеальным, законченным типом человека».

Подобных свидетельств, повторимся, пока крайне мало по сравнению, скажем, с воспоминаниями и документами об отношениях с деятелями литературы и искусства Сталина или Луначарского. Историкам и филологам предстоит проделать большую работу для того, чтобы составить более-менее полное представление о личном участии Троцкого в судьбе тех или иных писателей, поэтов, художников. Здесь еще хватает «белых пятен».

Интересно, например, выяснить, насколько тесными были контакты Троцкого с одним из самых ярких поэтов и писателей дореволюционной России Федором Сологубом. Почему Сологуб так и

не покинул Советскую Россию, хотя получил на это не только согласие, но и обещание помощи в отъезде от всесильного в начале 20-х годов Троцкого? Почему об этом знакомстве ни слова не проронил один из самых близких к Сологубу людей – писатель Иванов-Разумник, разбиравший архив Сологуба после его смерти и не раз писавший о нем уже в эмиграции? Насколько часто Троцкий позволял себе вмешиваться в текущую деятельность советских газет и журналов? Для того, чтобы ответить на эти вопросы, ученым предстоит изрядно покопаться в архивах. Публикуемые документы хранятся в фонде Троцкого в Российском государственном архиве социально-политической истории.

Многоуважаемый Федор Кузьмич!

Спасибо за память и за теплые слова приветов. Рад очень, что несколько часов, проведенных нами вчетвером, Вами хорошо вспоминаются. Надеюсь, что не в последний раз встретились с Вами. Жму сердечно руку Настасье Николаевне и Вам. Н. И. (Наталья Ивановна Седова, жена Троцкого. – С. К.) Вам обоим очень кланяется. Надеюсь, что эти строки еще застанут Вас в Мюнхене.

Ваш Троцкий
4 октября 1911 г.

Многоуважаемый Федор Кузьмич!

Я не вхожу в обсуждение Ваших замечаний об «унизительности» хлопотать о галошах и чулках в истощенной и разоренной стране и о том, будто эта «унизительность» усугубляется «литературным положением».

Что касается Вашей деловой поездки в Ревель, то по навешенным мною справкам, мне было заявлено, что препятствий к ней не встречается. Я сообщил со слов Вашего письма, что Вы не преследуете при этом целей политического характера. Мне незачем прибавлять, что то или другое Ваше содействие походу мировых эксплуататоров против трудовой республики чрезвычайно затруднило бы возможность выезда для многих других граждан.

С приветом
Троцкий
20 сентября 1920 г.

Вам принципиально разрешаем выезд за границу. Поэтому следует выправить все бумаги. Некоторое содействие в том окажет мой секретарь.

Троцкий
13 июля 1921 г.

Тов. ДЕМЬЯНУ БЕДНОМУ.

Дорогой товарищ.

Почему «Крокодил» не откликнулся на скандальную историю с итальянским представителем Амадори? Ведь мы добились, путем разоблачения его шашней, его перевода в Ригу. Сатире давно пора вмешаться и закрепить в памяти, по крайней мере, читателей «Крокодила», как некий дипломат за козней против советской России вынужден был съездить в Ригу.

В общем, «Крокодил» как-то угрюм и слишком «сурьезен». Есть очень удачные вещи, но почти нет смешных.

С товарищеским приветом
Л. Троцкий
7/VI—23 г.

В Редакцию «Крокодила»

«Крокодил» всех поучает и наставляет. Это прекрасно. В частности, «Крокодил», как и полагается, беспощаден к неряшливости. Но сам «Крокодил», как печатное произведение, есть образчик неряшливости. Разве можно не сшивать и не разрезать еженедельный сатирический журнал с иллюстрациями? Ведь это же издевательство над читателем! Я уже не говорю о красках, которые поистине ужасны. Особенно красная краска, на которую большой спрос. Собираюсь напасть на «Крокодил» в печати.

С приветом и пожеланием успехов
Л. Троцкий

Уважаемый Лев Давыдович.

Прежде всего, по поводу Вашего первого письма.

Дело в том, что мы вообще часто запаздываем с политическими темами: то же произошло и с темой Амадори. Часто мы не можем использовать самую интересную тему только потому, ЧТО МЫ ДЕЛАЕМ НОМЕР ЗА ДВЕ НЕДЕЛИ ДО ЕГО

ВЫХОДА В СВЕТ и потому часто в водовороте мелькающих событий мы можем попасть впросак, так как к моменту выхода в свет номера политическая ситуация может быть совершенно иной.

Тут мы и подходим к основному нашему злу, из-за которого мы подвергаемся очень часто весьма основательным и заслуженным упрекам – к пресловутой полиграфической технике.

НАС ГУБИТ НЕПОМЕРНО БОЛЬШОЙ ТИРАЖ.

Нам приходится давать регулярно в срок, еженедельно 120 000 экземпляров «Крокодила». Этот тираж для сатирических журналов неслыханный не только в дореволюционной России, но и в Западной Европе.

В то же время уровень русской полиграфической техники по сравнению с Западной Европой бесконечно низок. Достаточно сказать, что три месяца тому назад мы принуждены были заняться приисканием второй ротационной трехкрасочной машины, ввиду того, что та машина, на которой мы сейчас печатаемся (в первой образцовой типографии), не успевала уже делать нам в неделю нужное количество экземпляров. Оказалось, что во всей Москве имеется всего еще одна ротационная машина (в 20-й типографии), приспособленная для печатания журнала в несколько красок, да и та монополизирована издательством «Красная Новь», и, несмотря на то, что дело дошло до агитпропа ЦК, мы этой машины все же использовать не можем.

Таким образом, Вам станет теперь понятным, что о такой роскоши, как сшивка и разрезывание журнала, мы и мечтать не можем, так как журнал будет опаздывать еще на 3–4 дня, не говоря уже о том, что одна сшивка журнала проволокой обойдется нам в 50% стоимости всего печатания журнала.

Если мы улучшим бумагу и краски и перейдем на сшивку и разрезку, то мы этим самым удорожим втрое, если не больше, цену журнала и сделаем его «салонным» изданием, а не изданием, доступным для широких рабочих масс.

Печатание номера нам обходится в 200 000 рублей, а одна только сшивка будет стоить 112 000 рублей.

Мы резко сократим, таким образом, тираж и потеряем наше ценнейшее свойство – МАССОВОСТЬ, являющееся по самой идее журнала основным.

И, наконец, относительно «красной краски, на которую большой спрос». Дело в том, что из 16–18 рисунков, помещаемых в номере, один из них обязательно теряет свой смысл без красной краски (например – красные знамена, которые очень рискованно напечатать соглашательским желтым цветом и т. д.), да кроме того, при той бедности красок, которая у нас в журнале наблюдается, в силу уже указанных выше причин, нам необходимо просто в целях достижения известного эффекта пускать красную краску, как наиболее активную.

Лучшим доказательством того, что мы вовсе не так любим неряшливость, является изданное нами собрание сочинений Демьяна Бедного, экземпляр которого Вам посылаем.

Но эта, изданная, более или менее прилично, книга должна продаваться нами по три рубля золотом и, следовательно, становится недоступной рабочему читателю, на которого мы, главным образом, и рассчитываем.

Тут-то и получается настоящее «издевательство над читателем».

В силу всего указанного мы, воспользовавшись Вашим обращением к нам, просим Вас обратить свое перо не против нас, а за нас.

Партия, советы должны пойти нам навстречу и дать возможность поставить на должную высоту первый и единственный в Республике массовый сатирический орган.

«Неряшливо» выпускается и «Рабочая Газета», но где же Вы, Лев Давыдович, слышали, чтобы комиссии по ликвидации безграмотности переводились на хозрасчет.

А газета массовая с тиражом в 150 000 экземпляров это та же школа ликвидации политической безграмотности и тем не менее нас с ноября прошлого года перевели на хозрасчет со всеми нашими приложениями.

ЧЛЕН РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ
(Н. СМЕРНОВ)

ОТВЕРГНУТЫЙ ФУТУРИСТ. ВЛАДИМИР МАЯКОВСКИЙ

О причинах трагической гибели Владимира Маяковского споры не утихают до сих пор. В советские времена Маяковского делали жертвой исключительно травли демагогов из различных литературных группировок, не усвоивших ленинских взглядов на пролетарскую культуру (о его трудностях в личной жизни старались особенно не распространяться). В годы перестройки начали больше писать и публиковать воспоминания его современников, свидетельствующих о том, что помимо травли литературных конкурентов поэт испытывал глубокую неудовлетворенность в личной жизни и творческий кризис.

Выяснение новых подробностей чрезмерно запутанной личной жизни поэта, поиск еще неизвестных широкой публике недругов поэта или новых криминалистических подробностей, связанных с трагическим выстрелом 14 апреля 1930 года, не вскрывают самой главной причины гибели Владимира Маяковского, по отношению к которой все его женщины, литературные враги и даже могущественный чекист Агранов, независимо в каком качестве – убийцы или тайного политического покровителя поэта (каковым он предстает в «Версии IV» Юлиана Семенова), носят побочный, второстепенный характер. Главная причина – не востребованность творчества Маяковского большевизмом.

С легкой руки Сталина Маяковский был канонизирован как «лучший, талантливейший поэт социалистической эпохи», что на самом деле не соответствовало действительности. Маяковский

был непонятен, органически чужд вождям большевизма, его претензии стать главным певцом революции отвергались порою в очень жесткой форме, его реальный вес в литературно-общественной жизни 1917–1930 гг. был весьма средним, и только после своей смерти поэт обрел ту известность и признание, о которых мечтал всю жизнь. Мертвого Маяковского с огромным багажом его произведений, прославляющих Ленина, советский паспорт, строки первой пятилетки, Сталин предпочел живым поэтам из-за чисто прагматических соображений. Ему гораздо удобнее было популяризировать мертвого Маяковского, чем тратить лишнее время и силы, чтобы добиться выполнения соответствующего социального заказа у поэтов здравствующих.

«Вообще Маяковский – для избранных: для чуждых политике любителей искусства и для чуждых искусству любителей политики» – это суждение писателя Михаила Осоргина совершенно не вписывается не только в советские интерпретации творчества поэта, но не принимается всерьез некоторыми современными литературоведами. Александр Михайлов, например, считает это утверждение Осоргина остроумным – и только, а также сожалеет о том, что «Маяковский – Поэт – увы, неотделим от политики». Рискнем оспорить это утверждение. Политики, в частности Ленин, Троцкий, отчасти и Луначарский, каждый по-своему и разными способами делали все возможное, чтобы держать Маяковского на четко очерченной дистанции, что весьма тяготило поэта. Сам же Маяковский был не только совершенно неприспособленным к политике человеком, но и чрезмерно тяготился своим политическим амплуа в поэзии.

При жизни Ленина Маяковский был просто обречен быть поэтом второго сорта, одним из многих, но не первым, не главным певцом революции. Затасканный советскими литературоведами факт положительной оценки Лениным в 1922 году стихотворения «Прозаседавшиеся» ровным счетом ничего не значит. Уничижительных оценок творчества Маяковского со стороны Ленина больше. По воспоминаниям управляющего делами Совнаркома Бонч-Бруевича, свидетельствам Луначарского и Горького, Маяковский сильно раздражал Ленина. Бонч-Бруевич вспоминал, что в 1919 году Ленин раз и навсегда вычеркнул для себя Маяковского после того, как на одном литературно-музыкальном вечере прослушал его «Наш марш». Особенно Ленину не понравились

следующие строки марша: «Эй, Большая Медведица! Требуй, чтоб на небо нас взяли живьем». Прослушав до конца стихотворение, Ленин разразился следующей гневной тирадой: «Ведь это же черт знает что такое! Требуется, чтобы нас на небо взяли живьем. Ведь надо же договориться до такой чепухи! Мы бьемся со всякими предрассудками, а тут, подите, пожалуйста, со сцены Кремлевского красноармейского клуба нам читают такую ерунду... Незнаком я с этим поэтом... и если он все так пишет, его писания нам не по пути. И читать такие вещи на красноармейских вечерах просто преступление». По свидетельству Бонч-Бруевича, «Владимир Ильич долго помнил этот вечер, и, когда его звали на тот или другой концерт, он часто спрашивал: «А нам не будут ли там читать «Их марш»? Его задевало, что словом «наш» Владимир Маяковский как бы навязывал слушателям такое произведение, которое им не нужно. Его отрицательное отношение к Маяковскому осталось непоколебимым на всю жизнь»... «Я помню, как кто-то упомянул при нем о Маяковском. Он только кинул один вопрос: «Это автор «Их марша»?.. – и тотчас же прервал разговор, как бы совсем не желая ничего больше знать об этом глубоко не удовлетворившем его поэте».

Луначарский вспоминал о том, что поэма Маяковского «Сто пятьдесят миллионов» Ленину не понравилась: «Он нашел эту книгу вычурной и штукатурской». О недоверчивом раздраженном отношении Ленина к Маяковскому писал и Горький: «Кричит, выдумывает какие-то красивые слова, и все у него не то, по моему, – не то и мало понятно». Для любого другого автора таких оценок Ленина с избытком хватило бы на полное забвение. Кстати, и сам зачинатель соцреализма Горький тоже относился к Маяковскому неоднозначно. В одном из своих писем некоему Ф. А. Брауну (в июне 1923 г.) он пишет: «Текущая литература в России вся в руках таких авантюристов, как Пильняк, Маяковский и т.д.».

Троцкий не был столь категоричен в оценке поэтических дарований Маяковского, как Ленин, он соглашался с Блоком в том, что Маяковский огромный талант, и открыто в печати желал ему всяческих успехов. Однако именно Троцкий дал исчерпывающую политическую оценку поэзии Маяковского и вскрыл глубинные причины непонимания поэтом Октябрьской революции. По мнению Троцкого, самым «невыносимым и опасным» в творчестве Маяковского явилось то, что «он с историей запанибрата, с рево-

люцией – на «ты». Вульгарность Маяковского Троцкий выводил из его особого революционного индивидуализма, который «восторженно влился в пролетарскую революцию, но не слился с ней». Что же помешало этому? И здесь Троцкий высказывает очень важную мысль: «Восприятие города, природы, всего мира у Маяковского в подсознательных истоках своих не рабочее, а богемское... Маяковский поднялся над выдвинувшей его богемой до чрезвычайно значительных творческих достижений. Но стержень, по которому он подымался, индивидуалистический».

Маяковский действительно был не только богемным поэтом, но и человеком богемы. Футуризм был для него вовсе не грехом молодости, который он якобы изжил после революции. Футуризм дал Маяковскому возможность войти в мир большой литературы, ощутить себя настоящим поэтом. Не случайно в 1922 году в своем автобиографическом очерке «Я сам» Маяковский признавал своим учителем футуриста Давида Бурлюка, к тому времени уже несколько лет жившего в эмиграции: «Всегдашней любовью думаю о Давиде. Прекрасный друг. Мой действительный учитель. Бурлюк сделал меня поэтом». Сам факт того, что Маяковский совершенно открыто признавался в симпатиях к одному из родоначальников футуризма в то время, когда в него самого как представителя этого течения было выпущено уже немало ядовитых стрел, уже многое значит. Маяковский не мог, а самое главное, не хотел отречься от футуризма даже во имя революции. Футуризм пронизывал не только поэзию Маяковского, но и был образом его жизни. Бунтарь, горлопан, шокирующий добропорядочную интеллигентную публику своей желтой кофтой и своей необыкновенной дерзостью (чего стоит такое его обращение к зрителям: «А если мне, грубому гунну, кривляться перед вами не захочется и вот я захохочу и радостно плюну, плюну в лицо вам...»), Маяковский не знал меры. Привыкнув к широкой известности, успеху у женщин, он хотел покорить революцию как очередную поклонницу, но из этого ничего не вышло.

Большевики не пожелали удовлетворить амбиции футуристов, и Маяковского в том числе, на руководство пролетарским искусством. В стремлении футуристов свалить «с парохода современности» Пушкина, Толстого, Достоевского, словом, всю русскую классику вожди большевизма, люди более старшего поколения, некоторые из которых получили типично дворянское образование

и воспитание (Ленин, Луначарский, Чичерин), увидели не только жуткую нигилистическую безвкусицу, но и политически вредное явление, отпугивающее от большевиков колеблющуюся интеллигенцию. Поэтому Луначарский, который по-человечески хорошо относился к Маяковскому, любил играть с ним в бильярд, в то же время жестко и беспрекословно пресекал всякие попытки поэта и его соратников по футуризму объявить войну на уничтожение всей традиционной русской культуры. Особое недовольство Луначарского вызвало известное стихотворение Маяковского «Радоваться рано» (1918 г.), в котором поэт попытался провозгласить крестовый поход против традиционной не только русской, но и мировой культуры: «Время пулям по стенкам музеев тренькать». На все призывы Маяковского «атаковать» Пушкина и других «генералов классики» власть в лице Луначарского реагировала жестко, ставя поэта на место. «Я понимаю, – писал Луначарский в статье с характерным названием «Ложка противоядия», – что уродство самовосхваления и оплевывания высоких алтарей, что беготня с осиновым колом между могилами великанов могли произойти только оттого, что слишком долго запирали молодой талант. Но всему есть мера. Если Маяковский будет продолжать тысячу раз голосить все одно и то же, а именно: хвалить себя и ругать других, то пусть он мне поверит: кроме отвращения он ничего к себе не возбудит».

Маяковский не смог так твердо отстаивать перед властью большевиков не только свои идейные, но и художественные позиции, как это делали Горький или Шолохов, он был просто неприспособлен к политическим дискуссиям с властью, наивно полагая, что одних его поэм и стихотворений будет достаточно, чтобы пролетарское искусство развивалось в русле его футуристических взглядов. Маяковский никогда не играл в большую политику, будучи плоть от плоти человеком богемы: его участие в деятельности большевистской партии выразилось только в распространении революционных прокламаций. Хотя Маяковский и сидел в тюрьме за эти прокламации, считать этот эпизод жизни поэта какой-то большой политикой нельзя хотя бы потому, что после выхода из тюрьмы он уже листовки не разносил, а целиком посвятил себя футуризму и соответствующему богемному, безалаберному веселью. Да и большевизм Маяковский принял вовсе

не так безоговорочно и однозначно, как он потом писал: «Принимать или не принимать? Такого вопроса для меня не было. Моя революция».

На самом деле, как и многие другие поэты и писатели, Маяковский на заре большевизма испытывал серьезные опасения на предмет того, что большевики не дадут свободно развиваться искусству. В ноябре 1917 года он принял участие в заседании Союза деятелей искусств (СДИ), который отверг все предложения Луначарского о сотрудничестве этого союза с Наркоматом просвещения. Маяковский согласился, к примеру, с высказыванием писателя Ф. Сологуба о том, что СДИ должно «оберегать искусство – достояние всего народа» от Луначарского. В стенограмме заседания было отмечено: «Маяковский согласен с Сологубом, но каким путем прийти к этому, как можно защитить это достояние, – приходится обратиться к власти, приветствовать новую власть».

Маяковскому действительно приходилось мириться с властью, чтобы оставаться поэтом, но он не предполагал, что его всю жизнь будут очищать от футуризма все, начиная с Троцкого и заканчивая теоретиками пролетарского искусства, сплотившимися в Российской ассоциации пролетарских писателей (РАПП), которых он глубоко презирал, но которые имели мандат доверия власти. В конце концов в феврале 1930 года Маяковский вошел в РАПП, но и это не спасло его от травли – рапповцы все равно называли его «скрытым попутчиком». Он растерял своих самых близких друзей, с которыми провел лучшие в своей жизни беззаботные годы: Бурлюк эмигрировал, Хлебников умер в нищете. Неслучайны и частые поездки Маяковского за границу – там он наслаждался всеми прелестями богемной писательской жизни не из-за чревоугодия, а психологически отдыхая от своего по сути подневольного поэтического ремесленничества в СССР. Художник Юрий Анненков, знакомый с Маяковским еще с 1913 года, оставил в своих дневниках потрясающую картину разочарования Маяковского той советской действительностью, которой он принес в жертву свой огромный талант, больше всего проявившийся как раз именно в пору его футуристической молодости.

Вот как происходила последняя встреча Анненкова с Маяковским в Париже в 1929 году. «Мы болтали, как всегда, понемногу обо всем и, конечно, о Советском Союзе. Маяковский, между

прочим, спросил меня, когда же, наконец, я вернусь в Москву? Я ответил, что об этом больше не думаю, так как хочу остаться художником. Маяковский хлопнул меня по плечу и, сразу помрачнев, произнес охрипшим голосом: «А я – возвращаюсь... так как я уже перестал быть поэтом». Затем произошла поистине драматическая сцена: Маяковский разрыдался и прошептал едва слышно: «Теперь я... чиновник».

«Я ЧЕЛОВЕК ОЧЕНЬ МЯГКИЙ, НЕ МОГУ ЛОМАТЬ...»

МИХАИЛ КАЛИНИН

Политическая биография «всесоюзного старосты» Михаила Ивановича Калинина содержит немало фактов, перечеркивающих ту негативную репутацию, которую ему создали в годы перестройки многие публицисты и историки. Журналист Лев Колодный,

*Иосиф Сталин, Владимир Ленин и
Михаил Калинин на VIII съезде РКП(б).
Март 1919 г*

выступивший еще в начале 1988 года на страницах «Московской правды» в общем-то с разумной инициативой избавления Москвы от чрезмерного количества мест и предприятий, носящих фамилию нашего героя, тем не менее не привел ни одного факта, подтверждающего следующую оценку деятельности Калинина: «улыбчивый» «всесоюзный староста», сам бывший крестьянин, не принимал в своей канцелярии писем от обездоленных, обращавшихся к нему за помощью, от репрессированных, видевших в нем последнюю надежду». В этом же 1988 году Комиссия Политбюро ЦК КПСС по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями, имевших место в период 30–40-х и начала 50-х годов, вынесла в отношении Калинина следующий суровый вердикт: «Отдельно следует сказать о М. И. Калинине, который, будучи председателем ЦИК СССР, подписал подготовленное Сталиным и

Енукидзе постановление от 1 декабря 1934 года «О внесении изменений в действующие Уголовно-процессуальные кодексы союзных республик». Это незаконное постановление развязало руки для проведения репрессивных мер, сделав возможным рассмотрение дел без участия сторон, без права ходатайств о помиловании, а также предусмотрев немедленное приведение приговора к высшей мере наказания в исполнение. Возглавляя с 1931 по 1946 год Комиссию по расследованию и разрешению судебных дел при ЦИК СССР, Калинин, по существу, потворствовал практике беззакония и массового террора, оставляя без рассмотрения прошения о помиловании репрессированных лиц».

Столь убийственные оценки политической деятельности Калинина сопровождалась и уничижительными характеристиками всякого сколько-нибудь политически заметного значения его личности в советской истории. Дмитрий Волкогонов в своей известной книге «Ленин. Политический портрет» (в которой профессиональные историки обнаружили массу сфальсифицированных фактов, – С. К.) представил «всесоюзного старосту» абсолютно невзрачной фигурой, почти пустым местом: «Калинин играл роль бутафорского «главы» государства. Как позже, так и в годы жизни Ленина, находясь почти под башмаком вождей, Калинин не оказывал какого-либо реального влияния на судьбы страны». Подобные оценки фактически вычеркивают Калинина из истории. Справедливо ли?

Нет, несправедливо. В политической биографии Калинина есть немало неизвестных широкому читателю фактов, свидетельствующих о том, что он имел свое собственное политическое лицо, в свое время пользовался в партии и в стране большим авторитетом. В годы Гражданской войны и в период нэпа Калинин был, по сути, самым крупным публичным политиком, непосредственно общавшимся с народом. По количеству совершенных им поездок и мест, которые он посетил, с ним едва ли кто сравнится. В один из самых тяжелых периодов Гражданской войны, в марте 1919 года, когда большевики столкнулись с массовым сопротивлением крестьянства против чрезвычайных мер по изъятию «излишков» продовольствия, Ленин избрал Калинина в качестве главного агитатора за новый курс советской власти в сторону поддержки середняцких слоев деревни. Являясь главой Всероссийского Цен-

трального Исполнительного Комитета, который по Конституции 1918 года являлся «высшим законодательным, распорядительным и контролирующим органом» страны, Калинин не принимал никаких стратегических решений. Вся власть была сосредоточена в Политбюро и в Совнаркоме у Ленина, огромными полномочиями обладал глава ВЧК Феликс Дзержинский и председатель Реввоенсовета, нарком по военным и морским делам Лев Троцкий (кстати, Лев Давидович много позже уже в эмиграции приписал инициативу выдвижения Калинина на пост председателя ВЦИК всецело своей персоне). Вождь большевизма не скрывал того, что после смерти предшественника Калинина на посту председателя ВЦИК Якова Свердлова, которого Ленин считал «незаменимым» человеком в области «организации, выбора людей, назначения их на ответственные посты», новому конституционному главе государства уготована роль «высшего представителя советской власти» в среде крестьянства. Представляя кандидатуру Калинина на пост председателя ВЦИК делегатам VIII съезда партии,

Ленин заявил о том, что новый председатель ВЦИК «обладает умением подходить к широким слоям трудящихся масс», что «в настоящий момент особенно важно». Для работы с «широкими слоями трудящихся масс» Ленин по окончании съезда распорядился разработать для Калинина специальный «план поездок». «Опубликовать даты, места, приемы посетителей», – вот так распорядился даже графиком работы главы государства подотчетный ему по Конституции глава Совнаркома. На специальном поезде «Октябрьская революция» Калинин колесил по стране, агитируя за советскую власть. Общение с «широкими слоями трудящихся» было не всегда приятным и даже опасным. Голодные, ободранные до нитки продрозверсткой крестьяне чаще всего не понимали, зачем они должны кормить рабочих и Красную Армию, если они почти не получают из города ни техники для обработки земли, ни тканей. Поэтому эффект от выступлений Калинина, да и всех остальных большевистских агитаторов был невелик. Калинина еще слушали, поскольку он умел разговаривать с крестьянами на их языке и импонировал им своей простой крестьянской внешностью. Перемещение по фронтам Гражданской войны было делом рискованным, и однажды Калинин попал в неприятную переделку, в которой все его пропагандистские таланты не сработали. В разгар боев с Деникиным в компании с председателем ЦИК Украины

Григорием Петровским Калинин угодил в плен к буденновцам. Семен Буденный вспоминал, что в его штаб были доставлены двое «буржуев, а может, купцов», которые, по словам красноармейцев, «бежали с Воронежу к белым». Красноармейцы рассказали командарму, что хотели было «сами управиться» с задержанными, но буржуи «попались какие-то чудные». Одетые в длиннополые купеческого пошива шубы Калинин и его спутник поначалу не внушили доверия и Семену Михайловичу, о чем он бесхитростно признавался в своих мемуарах. «Видно меньшевики, – почему-то подумал я, – осматривая впереди стоящего человека в очках с остренькой бородкой. Он снял запотевшие очки, протер их кончиком шарфа и, подав свои документы комиссару Кивгеле, посмотрел на меня пристальным изучающим взглядом. Комиссар торопливо подскочил ко мне и молча указал на подпись в мандате: «Ульянов (Ленин)...» По словам Калинина, попытки переубедить красноармейцев были напрасны: «Григорий Иванович показывает одному мандат: читай, мол, Лениным подписан. А тот говорит: «Ты, буржуй, товарища Ленина не марай, читать я не умею, а вас, таких угнетателей, не впервой вижу». Второй боец говорит: «Чего рассуждать, давай кончать с этой контрой, а то от своих отстанем». В другую неприятную переделку Калинин попал в 1921 году. Накануне введения нэпа ему выпала одна из самых тяжелых миссий – поездка в охваченный волнениями моряков Кронштадт. Калинин приехал в Кронштадт без охраны, с ним рядом находилась только его жена. Моряки по достоинству оценили его смелость аплодисментами, однако речь Калинина сорвали. «Брось, Калиныч!», «Ты небось три оклада получаешь!», «Ты нас баснями не корми, хлеба давай», – кричали матросы.

Тонны писем с просьбой спасти от голодной смерти, частые посещения голодающих регионов, работа по руководству Комитетом помощи голодающим пробудили в Михаиле Калининe какую-то совершенно небольшевистскую мягкотелость. Впрочем, он и не скрывал этой мягкотелости. В июле 1928 года, выступая на пленуме ЦК РКП(б), он говорил: «Я человек очень мягкий, не могу ломать, лучше действовать методами убеждения, общественным мнением». Калинин не кривил душой. Он действительно пытался противодействовать репрессиям против церкви и насильственной коллективизации крестьянства.

ДВОЙНОЕ ЗАБВЕНИЕ. АЛЕКСЕЙ СТАХАНОВ

В ночь с 30 на 31 августа 1935 г. донецкий шахтер Алексей Григорьевич Стаханов установил мировой рекорд. За 5 часов 45 минут работы он добыл 102 тонны угля, что превышало среднесуточную норму выработки в 14 раз. В советское время об этом рекорде знал каждый школьник, Стаханов был культовой фигурой, олицетворением успехов индустриализации, однако его личная слава оказалась недолговечной. Хотя в 1970 г. о Стаханове вспомнили, присвоив ему звание Героя Социалистического Труда, звезда знаменитого шахтера закатилась еще в 40-е гг. Виктор Андриянов, журналист «Комсомольской правды», бравший интервью у Стаханова в 1967 г., вспоминал, что его начальник Ярослав Голованов, выписывая Андриянову командировку, искренне удивился желанию журналиста взять интервью у Стаханова. «А разве он еще живой?» – спросил Голованов. Для подобных вопросов были веские основания. Стаханов не сделал никакой административной карьеры, работал в глуши на обычной шахте, не был избран членом ЦК, депутатом Верховного Совета избирался только один раз – в 1937 г., годами его не беспокоили журналисты и историки. Стаханов жил сам по себе, а его образ – сам по себе.

С конца 80-х гг. о Стаханове стали все чаще вспоминать историки, публицисты, экономисты. Его фигура стала удобной мишенью

Слева направо: парторг К. Г. Петров, летчик М. В. Водопьянов, А. Г. Стаханов. Фото 1935 г.

критиков административно-командной системы и плановой социалистической экономики. Рекорд Стаханова объявляли заказной политической акцией властей, стахановское движение – «рекордоманией», неэффективным средством подъема производительности труда в ущерб качеству продукции, стимулом для усиления репрессий против саботажников-инженеров. Рекорд объявили даже фальсификацией. Мол, Стаханов в ту ночь с 30 на 31 августа 1935 г. был в шахте не один, ему помогли двое крепильщиков – Борисенко и Щеголев, о которых намеренно умолчали (сам Стаханов об этом факте никогда не умалчивал, а открыто говорил о нем в печати). Теперь в общественном мнении, в учебниках истории образ Стаханова и стахановского движения либо вообще стерся, либо приобрел почти отрицательное значение.

Да, действительно, историки во многом правы, говоря о негативных факторах стахановского движения, в частности о прочно умалчиваемых раньше проявлениях враждебности многих простых рабочих по отношению к стахановцам. Последним больше платили, создавали тепличные условия работы (лучшие инструменты, лучшее сырье). Не были в восторге от стахановцев и многие инженеры, и местные власти, поскольку все задания по развертыванию стахановского движения, спускаемые сверху, были нередко заведомо невыполнимы из-за нехватки оборудования, недостаточной квалификации рабочих и т. д.

Однако виноват ли во всем этом сам Стаханов? Справедливо ли считать его одним из слепых орудий выполнения пятилетних планов, изобретенных Сталиным? Достоин ли Стаханов того, чтобы все-таки остаться в нашей истории выдающейся личностью, а не обычным винтиком административно-командной системы?

После того как мир облетела новость о рекорде Стаханова, он стал одним из самых известных людей Советского Союза. Американский университет Линкольна просил его прислать свою фотографию, чтобы «присоединить ее к фотографиям с автографами и подлинными письмами великих людей нашего собственного и прошлого поколений». Можно считать этот факт проявлением экзальтированного отношения американцев к различным рекордам, но рекорд Стаханова был действительно мировым достижением. Его опыт приезжали изучать французские шахтеры. У нас много пишут и говорят о больших политиках, полководцах, ученых, но

историю вершат не только они. Стаханов прожил тяжелую жизнь простого русского рабочего, пережил несправедливое забвение при жизни и в таком же забвении оказался сегодня. Между тем его биография – один из ключей к пониманию драматической истории строительства социализма в России.

Сын простого бедняка-крестьянина, с 11 лет пошедший в батраки, а затем начавший работать на шахте, Стаханов всеми своими достижениями обязан, прежде всего, своему трудолюбию. Он не был членом партии, когда установил свой знаменитый рекорд (вступил в партию в 1936 г.), был почти безграмотным человеком и вдруг в одночасье стал мировой знаменитостью. Сталин не только неоднократно принимал его на официальных церемониях в Кремле, но и отправил учиться в Промышленную академию, помогал ему деньгами, лично проверял его конспекты и даже прощал Стаханову его похождения по московским ресторанам. Стаханов вспоминал, что однажды в ресторане гостиницы «Метрополь» они с Василием Сталиным основательно перебрали и разбили дорогое зеркало. Вызвав Стаханова, Сталин сказал ему: «Ты знаешь, Алеша, что я тебя люблю как сына... Надо бы тебя взгреть как сидорову козу, но на первый раз прощаю. Но запомни: натворишь еще что-либо подобное – пощады не жди...» Подобное отношение Сталина к простому рабочему, конечно же, преследовало, в том числе и политические, пропагандистские цели, но вряд ли это понимал сам Стаханов, ослепленный вниманием самого могущественного человека в Советском Союзе.

Много написано о том, что рекорды, подобные стахановскому, планировались сверху, что стахановское движение привело к очередной волне избития инженерно-технических кадров, «саботировавших» это движение. Действительно, рекорд Стаханова не был чистой случайностью. К. Петров, парторг шахты «Ирминская-Центральная», на которой работал Стаханов, вспоминал, что к 1 сентября 1935 г., когда отмечался Международный юношеский день, у него появилась мысль «отметить его большим производственным рекордом одного из забойщиков шахты. Выбор пал на Алексея Стаханова». Опять же в августе 1935 г. нарком тяжелой промышленности Серго Орджоникидзе поставил перед партийным и хозяйственным руководством Донбасса задачу приглядеться к работе шахтеров-«маяков» и сделать так, чтобы передовиков в Донбассе были тысячи. Справедливости ради надо

заметить, что, хотя Орджоникидзе и призывал к жестким мерам против «саботажников» стахановского движения, тем не менее, он немало сделал и для того, чтобы эти меры не переросли в огульные репрессии против инженерно-технических кадров. Когда в 1936 г. среднесуточная норма угледобычи снизилась именно из-за безудержной штурмовщины, Орджоникидзе на одном из заседаний совета наркомата тяжелой промышленности заявил: «Какие там саботажники! За 19 лет существования советской власти мы воспитали в наших школах и вузах инженеров и техников, выпустили 100 с лишним тысяч инженеров и такое же количество техников. Если все они, а также и старые инженеры, которых мы перевоспитывали, оказались в 1936 году саботажниками, то поздравьте сами себя с таким успехом... Не саботажники, а хорошие люди – наши сыновья, наши братья, наши товарищи... Теперь не может быть разговоров о том, что инженерно-технический персонал относится отрицательно к стахановскому движению». Орджоникидзе своим личным вмешательством спас от расправы директоров нескольких предприятий, обвиненных в саботаже стахановского движения. Не только Орджоникидзе, но и другие советские руководители прекрасно понимали, что одного энтузиазма явно недостаточно, что стахановское движение может быстро выдохнуться. В январе 1936 г. на сессии ЦИКа Молотов говорил о том, что «средний уровень культурности наших рабочих пока стоит позади соответствующего уровня рабочих ряда капиталистических стран». Компенсировать эту некультурность ударными темпами работы, трудовым героизмом и было во многом призвано стахановское движение.

Само же это движение привело не к одной только штурмовщине, но и ко многим выдающимся трудовым достижениям. Машинист Петр Кривонос, кузнец Александр Бусыгин, ткачихи Виноградовы и другие герои индустриализации ныне прочно забыты. Сегодня много пишут только о плохих жизненных условиях советских рабочих, об их антисоветских настроениях и о ненависти многих из них к стахановцам. Однако все это соседствовало с мощным энтузиазмом, искренней верой миллионов простых людей в торжество идеалов социализма. Ведь тысячи и тысячи людей своим ударным трудом действительно добивались не только улучшения материальных условий жизни, но ощущали мощный моральный подъем, гордость за растущую как на дрожжах мощь

страны. Ведь помимо репрессий, ГУЛАГа, с которыми у многих сегодня ассоциируются 30-е гг., в то же время каждый год в стране вводилось в строй до 600 предприятий. Нельзя забывать и о том, что многие рабочие середины 30-х гг. шли на производственные рекорды, руководствуясь и чисто материальными причинами – возможностью больше заработать. Тот же Стаханов, установив свой первый рекорд, получил 200 руб. вместо обычных 20–30. Предоставив стахановцам возможность хорошо зарабатывать, власть пошла на создание аристократической прослойки в рабочем классе, призванной стать надежным политическим союзником в деле индустриализации. Сталин не случайно осыпал Стаханова грудой наград и почестей, чествования Стаханова и стахановцев явились также мощной пиаровской кампанией обеспечения выполнения заданий второй пятилетки.

Забвение пришло к Стаханову неожиданно и в то же время вполне закономерно. Запустив в экономике стахановское движение, власть уже не нуждалась в самом Стаханове. Важнее было его имя, его образ, созданный пропагандой, а не конкретный шахтер Стаханов. Кроме того, сам Стаханов был достаточно скромным человеком. В 1941 г. по окончании Промышленной академии он не стал делать карьеру в Москве и уехал работать в Казахстан. «Мягкого тебе угля и надежной кровли, Алеша», – напутствовал Стаханова Сталин. Некоторое время Стаханов был начальником шахты в Караганде. В годы войны он работал на этой шахте, а также в Министерстве угольной промышленности СССР. После войны он занимал более скромные должности – был заместителем управляющего трестом «Чистяков-антрацит», а свой трудовой путь закончил помощником главного инженера шахтоуправления треста «Торезантрацит». Стаханов жил очень скромно, у начальства ничего не просил, довольствовался той работой, которую имел, мемуаров не писал (все его брошюры типа «Рассказ о моей жизни», чисто агитационного характера, вышли в конце 30-х – начале 40-х гг.). Неудивительно, что слухи о кончине Стаханова возникли задолго до его смерти, последовавшей в 1977 г.

Думается, что повторное забвение Стаханова несправедливо. И не только потому, что это забвение порождено преимущественно односторонними современными оценками стахановского движения, а еще и потому, что последние десять лет сама профессия шахтера, да и вообще всякий тяжелый рабочий труд ассоциируется

с невыносимыми условиями жизни, авариями, забастовками, борьбой за собственность. Лицо Стаханова на фотографиях излучает неподдельный оптимизм, на лицах же современных шахтеров – мрачная безысходность. Престиж профессии рабочего дискредитирован уже одним только словечком «работяга». Рабочая этика, рабочие традиции, наставничество – все это либо исчезло с эпохой социализма, либо получило гротескное воплощение в думской деятельности «доктора рабочих наук» Шандыбина. В наше время труд вообще часто перестает быть чем-то творческим, поднимающим жизненный тонус и превращается лишь в заработок. Думаю, сегодня найдется немало людей, несогласных с мыслью замечательного английского историка и писателя Томаса Карлейля о том, что «труд есть лучшее лекарство от всех болезней и страданий, когда-либо удручавших человечество, – честный труд для достижения поставленной перед собой цели». Стаханов, несомненно, подписался бы под этим высказыванием. Его трудовой энтузиазм был не только и не столько ангажированным системой, но и свойством его натуры, образа жизни, отношения к людям. И не только рекорды самого Стаханова заслуживают эпитафий, но и вся скромная трудовая жизнь этого человека достойна занять в нашей истории подобающее ей место.

МАЛЕНЬКИЙ ЧЕЛОВЕК? НИКОЛАЙ ЕЖОВ

Человек в ежовых рукавицах – именно в таком обличье нередко предстал в советских газетах 1937 года всеильный нарком внутренних дел СССР Николай Иванович Ежов, человек достигший в том кровавом году пика своей блистательной карьеры. С осени 1938 года на страницах газет уже не встретишь таких рисунков, равно как и восхваляющих Ежова виршей казахского поэта-акына Джамбула Джабаева («Храбрее кто барсов и зорче орлов – любимец страны

Сталин и Ежов на канале Москва-Волга.

зоркоглазый Ежов»). Советских граждан не оповестили ни об аресте «любимца страны» 10 апреля 1939 года, ни о его расстреле 4 февраля 1940 года.

Что заставляет вспоминать и тем более писать об этом «кровавом карлике», как называли его некоторые современники (рост Ежова составлял 151 см), после того как все его преступления стали достоянием гласности? Приход в нынешнюю власть выходец из КГБ, вызывающий у части либеральной интеллигенции предчувствия рецидива советского мировоззрения и соответствующей этому мировоззрению политики, вольно или невольно заставляет вновь и вновь возвращаться к истории советских спецслужб. Политические биографии руководителей советских органов безопасности, их психологические характеристики, влияние на реформы в государстве, отношения с интеллигенцией вызывают

не только исследовательский, но и общественный интерес, хотя в постсоветской России уже выросло поколение, которому имена того же Ежова или Андропова ничего не говорят. Однако в последнее время тема КГБ и власть вызывает порой какой-то панический ажиотаж (вспомним возбужденное состояние правозащитника Сергея Ковалева, который после известного альянса коммунистов и фракции «Единство» во время избрания спикера Госдумы решил зачем-то напомнить депутатам о том, что «КГБ – передовой отряд партии»). Поэтому, на наш взгляд, обществу бесполезно будет пройти соответствующий исторический ликбез.

Николай Иванович Ежов, по мнению некоторых современников, не походил на палача ни внешне, ни чертами своего характера. Известный советский писатель Юрий Домбровский вспоминал: «Три моих следствия из четырех проходили в Алма-Ате, в Казахстане, а Ежов долго был секретарем одного из казахских обкомов (Семипалатинского). Многие из моих современников, особенно партийцев, с ним сталкивались по работе или лично. Так вот, не было ни одного, который сказал бы о нем плохо. Это был отзывчивый, гуманный, мягкий, тактичный человек... Любое неприятное личное дело он обязательно старался решить келейно, спустить на тормозах. Повторяю: это был общий отзыв. Так неужели все лгали? Ведь разговаривали мы уже после падения «кровавого карлика». О том, что Ежов «не был похож на вурдалака», писал и Лев Разгон. В компаниях сослуживцев он задушевно пел русские народные песни, особенно любил «Ты не вейся черный ворон...». У него был хороший голос. Рассказывали, что когда-то в Петрограде профессор консерватории прослушала его и сказала: «У тебя есть голос, но нет школы. Это преодолимо. Но непреодолим твой малый рост. В опере любая партнерша будет выше тебя на голову. Пой как любитель, пой в хоре – там твое место».

Все эти отзывы относятся к концу 20-х – началу 30-х годов, когда Ежов не имел никакого отношения к спецслужбам. Он не был кадровым чекистом, зато прошел хорошую партийную школу. У Ежова были прекрасные анкетные данные (выходец из петроградских рабочих, член партии с мая 1917 года, комиссар радишкола во время Гражданской войны) и способность завязывать нужные знакомства. Благодаря этому в 1927 году после работы на высоких партийных должностях в Марийской автономной области и Казахстане он попадает на работу в ЦК партии. За три года он

прошел путь от инструктора до заведующего отделом распределения административно-хозяйственных кадров. В ноябре 1930 года, не будучи еще членом ЦК ВКП(б), он допускается на заседания Политбюро и получает все материалы, рассылаемые членам и кандидатам в члены ЦК. В чем секрет такого доверия? Ответ банален: в чрезвычайной исполнительности и в наличии высоких покровителей. И. И. Москвин, взявший Ежова на работу в Москву в возглавляемый им Орграспредотдел ЦК, отзывался о нем так: «Я не знаю более идеального работника, чем Ежов. Вернее, не работника, а исполнителя. Поручив ему что-нибудь, можно не проверять и быть уверенным: он все сделает. У Ежова есть только один, правда существенный, недостаток: он не умеет останавливаться. И иногда приходится следить за ним, чтобы вовремя останавливать». К сожалению, нам неизвестно, в каких конкретных ситуациях Москвин останавливал Ежова. Никаких фактов, свидетельствующих об этом недостатке, мы не увидели и в дальнейших изломах карьеры «кровавого карлика». Железный нарком погорел не от излишнего служебного рвения, а совсем на других вещах. Но об этом дальше.

До 1935 года, когда Ежов был назначен по инициативе Сталина председателем Комитета партийного контроля, следов сколько-нибудь общественно значимых начинаний в его работе историки почти не обнаружили. Правда, в 1933 году он выступил с некоторыми инициативами в защиту руководителей угольных предприятий, которых в ряде регионов слишком часто снимали с работы, что сильно мешало угледобыче, но с подобными инициативами выступали и другие деятели партии и государства.

Звездный час Ежова настал после убийства Кирова 1 декабря 1934 года. Именно Ежова Сталин избрал на роль сначала строгого партийного контролера органов госбезопасности, которыми генсек был тогда сильно недоволен за то, что они не уберегли Кирова, а затем сделал его проводником своих идей по ликвидации троцкистской оппозиции. В отличие от руководства НКВД во главе с Ягодой, предлагавшего судить троцкистов закрытым судом и расстрелять без лишнего шума, Сталин стремился организовать грандиозное политическое шоу – открытый судебный процесс с целью компрометации недоступного еще чекистам Троцкого, занимавшегося в эмиграции активной политической деятельностью. Именно Ежов передал соответствующие указания Сталина замес-

тителю наркома внутренних дел Агранову, и первое такое шоу в виде процесса «объединенного троцкистско-зиновьевского центра» состоялось в Москве в августе 1936 года.

В бытность Ежова наркомом внутренних дел с осени 1936 по декабрь 1938 года подобные шоу были поставлены на добротную профессиональную основу. Процессы «параллельного антисоветского троцкистского центра», «военных заговорщиков» во главе с Тухачевским и, наконец, процесс правотроцкистского блока, главным фигурантом которого был Бухарин, завершили счеты Сталина со своими основными политическими противниками 20-х годов. Ежов в этих процессах, как справедливо считают историки, играл роль исключительно исполнительную. Достигнув в 1937 году вершин власти, осыпанный почестями и наградами, Ежов и не мыслил о какой-то самостоятельной политической игре.

В отличие от своего предшественника Ягоды и преемника Берии Ежов ни разу не пошел наперекор Сталину и Политбюро ни по одному вопросу. Ягода, занимавший высокое положение в ГПУ еще при Ленине и Дзержинском, не боялся идти на столкновение со всем Политбюро при отстаивании ведомственных интересов (в августе 1934 года он издал циркуляр о создании в лагерях НКВД краевых или областных судов для рассмотрения преступлений, совершаемых в лагерях, противоречащий целому ряду законов и инструкций Политбюро, и фактически добился своего). Берия, прошедший школу руководства Закавказским крайкомом партии, постепенно стал самостоятельной политической фигурой и затем интриговал против самого Сталина. Ежов, напротив, даже став кандидатом в члены Политбюро, так и не превратился в настоящего политика. Это во многом и ускорило его падение и гибель.

Ежов был хорош и выгоден для самой черновой, грязной работы по уничтожению политических противников Сталина и для очередной зачистки партийно-государственных и военных кадров, но когда вся грязная работа была выполнена и перевыполнена, когда Сталин решил, что пора «выпускать пар», он стал не нужен. Думается, что Константин Симонов все-таки ошибался, высказывая мнение о том, что Сталин, предчувствуя окончание большой чистки 1937–1938 годов, как бы загодя готовил Ежова на роль «ответчика» за перегибы в этих чистках, хотел сделать из него козла отпущения. Если бы это было так, то Сталин, несомненно, сделал бы с ним то же самое, что в 1953 году Хрущев проделал в отно-

шении Берии: Ежова открыто объявили бы врагом народа, ответственным за репрессии против честных коммунистов, и с помпой расстреляли бы в компании с его заместителями по НКВД. Но этого сделано не было. Имя Ежова сначала тихо исчезло с газетных полос, а потом и сам он ушел из жизни. Термин «ежовщина», как и «бериевщина», появился в 50-е годы.

Падение Ежова было обусловлено не только соображениями большой политики Сталина, но и конкретными служебными провалами наркома и малоизвестными обстоятельствами его личной жизни. Советский разведчик Павел Судоплатов вспоминал, что при первой встрече с Ежовым его поразила профессиональная некомпетентность последнего: «Вопросы, которые он задавал, касались самых элементарных для любого разведчика вещей и звучали некомпетентно. Чувствовалось, что он не знает основ работы с источниками информации». Судоплатов, лично ликвидировавший лидера украинских националистов Коновальца, организовавший убийство Троцкого и участвовавший во многих серьезных разведоперациях, – свидетель слишком авторитетный, и его оценке компетенции Ежова в оперативно-разведывательной деятельности можно доверять. Но даже если относиться к этому свидетельству скептически, все равно очевидно, что Ежов поплатился головой, в том числе и за профессиональную некомпетентность. «Ежовые рукавицы» наркома так сильно сдавили самих чекистов, что у многих из них не стали просто выдерживать нервы. В бытность Ежова наркомом внутренних дел сбежал в Японию начальник Дальневосточного управления НКВД Г. С. Люшков. Он не только захватил с собой ценные документы по обороноспособности СССР, но и консультировал японские спецслужбы во время подготовки двух (в 1938 и 1939 годах) несостоявшихся покушений на Сталина. Именно при Ежове отказался возвращаться в СССР резидент НКВД А. Орлов, грозивший сделать достоянием гласности самые секретные операции советских спецслужб в Европе (как свидетельствует Судоплатов, именно из-за этого Сталин не дал команду ликвидировать Орлова). При Ежове пытался сбежать и нарком внутренних дел Украины Успенский, которого искали пять месяцев. Ежов создал внутри НКВД такую жуткую атмосферу страха, недоверия, подозрительности, что для эффективной работы этого ведомства смена руководства была просто необходима.

Сдали нервы и у самого Ежова. По свидетельству Павла Судоплатова и авиаинженнера Александра Яковлева, Ежов беспробудно пил, его не могли найти на рабочем месте. Лев Разгон утверждает, что в конце 20-х годов Ежов пил мало, в 1938 году он не выходил из запоев днями. Не было прочного тыла у железного наркома и в семье. Его вторая жена Евгения Фейнберг, сменившая до брака с Ежовым двух мужей, была чересчур светской для жены наркома внутренних дел. У нее дома собирались представители художественной богемы (в числе ее близких друзей были писатели Исаак Бабель и Илья Эренбург), она слишком много общалась и, очевидно, слишком много знала того, что было звать опасно, если решилась, в конце концов, покончить жизнь самоубийством. Она умерла 21 ноября 1938 года, отравившись люминалом и оставив своему мужу следующее послание: «Колюшенька! Очень тебя прошу, настаиваю проверить всю мою жизнь, всю меня... Я не могу примириться с мыслью о том, что меня подозревают в двурушничестве, в каких-то не содеянных преступлениях». Именно по линии жены следствие собирало основной компромат против Ежова. Евгения находилась в близких отношениях с людьми, которых расстреляли как «врагов народа», в их числе был, например, ее второй муж дипломат А. Ф. Гладун, «троцкист и шпион».

В декабре 1938 года место Ежова занял его первый заместитель Берия, фактически руководивший наркоматом с лета того же года. Ежов еще оставался номинальным наркомом водного транспорта (эту должность ему дали в нагрузку в апреле 1938 года), его не выводили из Политбюро и ЦК, но дни Ежова были сочтены. 10 апреля его арестовали в кабинете Маленкова в ЦК партии. На суде Ежов отверг все обвинения в свой адрес, отрекся от показаний, которые дал на предварительном следствии (он признался даже в своей гомосексуальной ориентации), и заявил, что «есть и такие преступления, за которые меня можно и расстрелять... Я почистил 14 тысяч чекистов. Но огромная моя вина в том, что я мало их почистил... Везде я чистил чекистов. Не чистил их только в Москве, Ленинграде и на Северном Кавказе. Я считал их честными, а на деле же получилось, что я под своим крылышком укрывал диверсантов, вредителей, шпионов и других мастей врагов народа». 4 февраля 1940 года Ежова расстреляли. Один из заместителей Берии Богдан Кобулов рассказывал Судоплатову, что, когда его вели на расстрел, он пел «Интернационал».

Исчезновение Ежова с политического небосклона не заметили ни у нас в стране, ни на Западе. О нем вспомнили только во время хрущевской оттепели и еще раз в годы перестройки лишь для того, чтобы добавить красочные детали в разоблачение преступлений времен «культы личности». Сравнительно недавно стали появляться публикации историков, пытающихся исследовать личность этого человека вне политического контекста. Видимо, таких исследований будет очень немного. Слишком серым и невзрачным был этот человек, даже его палаческая роль не вызывает большого интереса – вся статистика на этот счет давно опубликована. Однако в длинном ряду руководителей советских спецслужб Ежов все же выделяется как самый безропотный исполнитель указаний начальства. Жертвами его исполнительности стали, в том числе и тысячи сотрудников самих спецслужб. Никогда – ни до, ни после Ежова – работники органов не подвергались таким массовым репрессиям. Сам же образ человека в ежовых рукавицах меньше всего подходит к спивающемуся в подвалах Лубянки «кровоавому карлику», чье исчезновение никого не обеспокоило.

«КАРЬЕРИСТ, ФАНАТИК И БАНДИТ».

СТЕПАН БАНДЕРА

В ПАНТЕОНЕ национальных героев современной Украины Степан Бандера занимает почетное место самого непримиримого борца против советской оккупации. Его именем называют улицы, о нем исключительно положительно пишут в школьных учебниках. Высокопоставленные украинские чиновники даже пытаются убедить нас изменить свое «одиозное» мнение относительно этого «патриота» Украины. Так, начальник Главного управления по воспитательной работе Минобороны Украины генерал-майор Григорий Темко заявил, что «Степан Бандера, несмотря на всю его противоречивость, был не меньший патриот, чем Мазепа». Интересно было бы спросить главного воспитателя украинских военнослужащих – задумывался ли он о том, сколько украинцев спасли от смерти выдающийся полководец Великой Отечественной войны, командующий 1-м Украинским фронтом Николай Ватутин и легендарный разведчик Герой Советского Союза Николай Кузнецов, погибшие в боях с «патриотами»-бандеровцами? Подобные вопросы сегодня на Украине крайне неуместны. Бандере там ставят памятники, а могила Николая Кузнецова во Львове была уничтожена в октябре 1998 г. Героизация Бандеры и его соратников являлась и является чисто политической акцией. В западных областях Украины Бандера никогда не

Степан Бандера

переставал быть символом борьбы за освобождение от «москалей». В свою очередь, в Советском Союзе само имя Бандеры и понятия «бандеровцы», «бандеровщина» олицетворяли «буржуазный национализм» в его самых крайних, жестоких формах.

Ныне в России Бандера мало кому интересен. С одной стороны, это вызвано тем, что писать о нем вроде бы и нечего. С конца 80-х гг. в России о Бандере и украинских националистах написали очень много. Сегодня люди, имеющие доступ к Интернету, могут получить из украинских и канадских сайтов подробнейшую информацию о Бандере и движении украинских националистов. С другой стороны, на фоне разрыва социокультурных связей бывших республик Союза многие страницы истории межнациональных отношений в СССР потеряли актуальность для специалистов. Кроме того, в российской системе школьного и вузовского исторического образования такие темы, как коллаборационизм в годы Великой Отечественной войны, история национальных партий, да и история республик бывшего СССР в целом, не изучаются ни в курсе отечественной истории, ни в курсе истории зарубежных стран. И вот здесь-то наши юные сограждане попадают в полную зависимость от тех самых украинских и канадских сайтов, которые создают Бандере положительный во всех отношениях образ. Стоит ли преувеличивать значение «бандеровских» сайтов? Да и так ли важно в России знать о Бандере, если и свою-то российскую историю молодежь знает чаще всего на слабую тройку? Так говорил мне один историк, с которым я делился замыслом данной публикации. В какой-то момент я засомневался – стоит ли овчинка выделки, да и Интернета у многих нет... Сомнения рассеял документальный фильм «Наследники Степана Бандеры», показанный 13 сентября на ОРТ. Насчет наследников создатели фильма сделали все вполне профессионально (хотя мне непонятно, зачем опять так подробно нужно было показывать тренировки боевиков УНСО и выслушивать их бред об «Украине от Атлантики до Урала» – всего этого было на нашем телевидении более чем достаточно), а вот с Бандерой у создателей фильма вышла накладка. Краткая беспристрастная биографическая справка, зачитанная в начале фильма, не дает для понимания образа Бандеры и его исторической роли в истории Украины и Второй мировой войны ровным счетом ничего. Слишком много места уделено в фильме истории об установлении, взрыве и восстановлении памятника

Бандере в его родном селе Угрынив Старый в Иваново-Франковской области в начале 90-х гг., из чего создается впечатление, что на Украине рушат памятники одному Бандере, а его «наследники» ничем подобным не занимаются...

Не только в России, но и на Украине многим невдомек, что на самом деле Степан Бандера был не только политиком куда меньшего масштаба, чем его представляют последние десять лет, но и нанес своей деятельностью немало вреда самим украинским националистам.

Бандера прожил 50 с небольшим лет (1909–1959), политикой начал заниматься в 1928 г. В отличие от многих своих конкурентов (например, Андрея Мельника) Бандера выпадал из политики на многие годы. В 1934–1939 гг. он находился в польской тюрьме за участие в убийстве польского министра внутренних дел Перацкого; летом 1941 г. за попытку создать во Львове правительство без людей Мельника (что противоречило указаниям, которые дала Бандере немецкая военная разведка) Бандера угодил в гитлеровский концлагерь, где содержался до августа (по иным сведениям – до декабря) 1944 г. Кроме того, немало времени ему пришлось провести в больницах – с детства Бандера страдал ревматизмом суставов. Бандера не внес никакого заметного теоретического вклада в украинский национализм и тем более, никогда не был тем человеком, который мог бы объединить вокруг себя всех борцов за «самостийну Украину» – эту роль ему уготовили после смерти.

С самого начала своей политической деятельности Бандера начал вносить сильный раскол в Организацию украинских националистов (ОУН). Честолюбивый молодой недоучившийся агроном, не имеющий еще никаких заслуг перед движением, поставил своей целью выдвинуть из руководства ОУН Евгена Коновальца. Коновалец, начавший свою борьбу против «москалей» еще в годы Первой мировой войны, ближайший соратник Петлюры, вхожий к Герингу и президенту Чехословакии Бенешу, был самой дееспособной политической фигурой украинской эмиграции. Его авторитет и связи оценили в СССР по заслугам – Сталин отдал приказ о его физической ликвидации. Но еще до того, как Коновалец был убит легендарным советским разведчиком Павлом Судоплатовым, он понес большой политический урон из-за деятельности Бандеры. Судоплатов вспоминал, что «убийство польского министра

Перацкого в 1934 году украинским террористом Мацейко было проведено вопреки приказу Коновальца и стоял за этим Бандера, соперничавший с последним за власть. Бандера стремился к контролю над организацией, играя на естественной неприязни украинцев к Перацкому, который нес ответственность за репрессии против украинского меньшинства в Польше. Коновалец рассказал мне, что к этому времени между Польшей и Германией был подписан договор о дружбе, так что немцев никоим образом не устраивали враждебные акции по отношению к полякам. Они были так взбешены, что выдали Бандеру, скрывавшегося в Германии... В Чехословакии ОУН имела мощную поддержку со стороны властей. У президента Бенеша были с Коновальцем личные отношения со времен Первой мировой войны. Однако, когда ОУН «вышла из-под контроля» властей и осуществила убийство Перацкого, эти отношения заметно ухудшились».

Убийство Перацкого, идейным вдохновителем которого явился Бандера, осудил не только Коновалец, но и Украинское национально-демократическое объединение и авторитетный львовский митрополит Андрей Шептицкий. Это убийство не только принесло неприятности Коновальцу и ОУН, но и явилось поводом для усиления репрессий против украинцев в Польше. Именно после убийства Перацкого Пилсудский отдал приказ о создании концлагеря в Березе Каргузской, через который прошли тысячи украинцев. Однако из истории с убийством Перацкого Бандера не извлек должных уроков. В сентябре 1939 г., как только Бандера был освобожден из польской тюрьмы немцами, он сразу начал борьбу за власть в ОУН с Андреем Мельником, возглавившим организацию после гибели Коновальца в мае 1938 г. Вот что рассказывал об этой истории арестованный в 1945 г. полковник абвера Эрвин Штольце, отвечавший в военной разведке за работу среди украинских националистов:

«В процессе активизации украинской националистической деятельности, которую мы проводили через свою агентуру, уже в начале 1940 года нам стало известно о трениях в руководстве националистического подполья, в частности между нашими агентами Мельником и Бандерой, и что эти трения ведут к расколу националистического движения... Несмотря на то, что во время моей встречи с Мельником и Бандерой оба они обещали принять все меры к примирению, я лично пришел к выводу, что это примирение

не состоится из-за больших противоположностей между ними. Бандера по характеру энергичный, карьерист, фанатик и бандит. Мельник – спокойный, интеллигентный чиновник».

Штольце, проработавший в разведке 22 года, не ошибся. Энергичный Бандера сначала окончательно расколол ОУН на «бандеровцев» и «мельниковцев», а после нападения Германии на СССР решил действовать самостоятельно, не взирая на лица. 30 июня 1941 г. без санкции немецкой администрации Бандера провозгласил «Акт возрождения Украинского государства» и сформировал правительство во главе со своим соратником Ярославом Стецько. Этим шагом Бандера подставил не только себя и своих соратников, но и «мельниковцев». Если сам Бандера, Стецько и его «правительство» отделились концлагерем, то «мельниковцы», попытавшиеся сформировать свое правительство в Киеве осенью 1941 г., заплатились за это жизнями 40 с лишним человек, которых расстреляли в гестапо. Впрочем, «мельниковцы» гибли не только от рук гестапо, но и от своих «товарищей» по ОУН, принадлежавших к бандеровской фракции. В одной из аналитических ориентировок НКВД УССР о движении украинских националистов, датированной 6 марта 1944 г., говорилось о том, что «борьба между «мельниковцами» и «бандеровцами» была особенно обостренной, когда у провода (руководства. – С. К.) был Бандера. Дело дошло до того, что в борьбе за овладение руководящими постами «бандеровцы» убили в городе Житомире членов «мельниковского» провода ОУН – Сциборского и Сеника, а по дороге к Луцку был убит видный «мельниковец» Шульга». Убийства политических соратников Бандера совмещал с элементарной уголовщиной. По свидетельству Эрвина Штольца, Бандера в 1940 г., «получив от «Абвера» большую сумму денег для финансирования созданного подполья, пытался их присвоить и перевел в один из швейцарских банков, откуда они нами были изъяты и снова возвращены Бандере. Причем такой же факт имел место и с Мельником».

Расцвет «бандеровщины» приходится на вторую половину 40-х – начало 50-х гг. Бандера после выхода из концлагеря возглавил сначала заграничные части ОУН, а с 1947 г. стал руководителем всей организации. Несмотря на то что Бандеру на этой должности упорно подсиживали, ему, тем не менее, удалось не только укрепить свою власть, но и приступить к тому, о чем он так долго мечтал в концлагере, – к массовому террору против врагов «неза-

висимости» Украины. Тотальный, жесточайший террор, жертвами которого становились тысячи мирных жителей, – вот главное политическое достижение Бандеры. По данным КГБ УССР 1990 г., за 1944–1953 гг. в западных областях Украины жертвами террора бандеровцев стали не только свыше 20 тыс. военнослужащих Советской армии, сотрудников милиции и госбезопасности, но и 30 тыс. мирных жителей. Конечно, советская власть тоже осуществляла жестокие зачистки западных областей Украины, жертвами которых стали тысячи безвинных людей. Подлецов и садистов хватало и с той и с другой стороны, но сегодня на Украине обвиняют только одну сторону – советскую власть в Москве и на Украине. К слову сказать, украинские партийные функционеры и чекисты настаивали на значительно больших масштабах репрессий. Судоплатов нажил в лице Хрущева злейшего врага, когда сумел в 1949 г. убедить Москву освободить из тюрьмы бывшего лидера Украинской Независимой Республики 80-летнего старика Кост-Левицкого и отменить депортацию молодежи Западной Украины в Донбасс.

Террористическая деятельность бандеровцев на Украине в 40-е гг., какими бы благими целями она ни прикрывалась, несла на себе печать разнузданной уголовщины и патологической жестокости. Приведем лишь несколько коротких эпизодов «героизма» банды референта Службы безопасности ОУН Купяка (по кличке «Клей»), орудовавшей во Львовской области в 1944–1945 гг.

17 августа 1944 г. банда «Клея» совершила налет на село Грабово. Во время налета они подожгли сарай, где спрятались от бандитов десять жителей. В огне погибли 7 человек, в том числе трое детей в возрасте от 5 до 10 лет, двое вырвавшихся из сарая подростков – мальчик и девочка 15 лет были расстреляны из автоматов, одному человеку удалось спастись. Через год, 19 августа 1945 г., банда совершила налет на село Чучманы-Заболотные, при этом были убиты председатель сельсовета, его жена, две дочери и еще четверо жителей. Имущество убитых разграбили. После одного из налетов Купяк приказал «всыпать» 25 палок своему родному брату, который утаил часть награбленных денег. В октябре 1945 г. Купяк бежал в Польшу, убив перед этим бывшего члена ОУН, явившегося с повинной в органы советской власти, и захватив с собой два чемодана с награбленными ценными вещами.

Конечно, не все бандеровцы походили на Купяка, были среди них и убежденные идейные националисты, но все равно печать бессмысленной жестокости по отношению к тем украинцам, которые не хотели участвовать в борьбе за освобождение Украины от «москалей», не отмыть жалостливыми рассказами о трагической судьбе Степана Бандеры. Избрав в качестве своего политического кредо интригу и террор, Бандера был обречен на адекватное отношение со стороны своих врагов. Двое родных братьев Бандеры погибли в немецком концлагере, отец и старшая сестра сгинули в советском ГУЛАГе. Сам Бандера пал жертвой теракта со стороны КГБ. Этот финал исторически закономерен – мировая история почти не знает крупных террористов, умерших своей смертью.

НЕСОСТОЯВШИЕСЯ НАСЛЕДНИКИ.

НИКОЛАЙ ВОЗНЕСЕНСКИЙ И АЛЕКСЕЙ КУЗНЕЦОВ

Пятьдесят лет назад, 1 октября 1950 года, были расстреляны бывший первый заместитель председателя Совета министров СССР, председатель Госплана СССР, член Политбюро ЦК ВКП(б) Николай Вознесенский и бывший секретарь ЦК ВКП(б), начальник Управления кадров ЦК Алексей Кузнецов, о которых Сталин в 1948 г. в узком кругу соратников говорил как о самых подходящих кандидатурах на посты председателя Совета министров (Вознесенский) и генерального секретаря ЦК ВКП(б) (Кузнецов) после его смерти. Почему же он переменял свое мнение об этих людях и дал санкцию на их уничтожение? На сей счет среди историков есть несколько точек зрения, и сопоставление их способно лишь еще больше запутать так называемое «ленинградское дело», жертвами которого стали несостоявшиеся наследники Сталина.

Николай Вознесенский и Алексей Кузнецов

Однако для понимания причин устранения Вознесенского и Кузнецова анализа хитросплетений «ленинградского дела» явно недостаточно. Сводить все дело к интригам Берии и Маленкова, сыгравших на усилившейся к концу жизни маниакальной сталинской подозрительности, значит говорить только об одной стороне проблемы. До того как очутиться в роли подследственных, Возне-

сенский и Кузнецов обладали огромной властью, вели свою собственную политическую игру, смысл которой еще полностью не разгадан.

В литературе о «ленинградском деле» анализ политического потенциала Вознесенского и Кузнецова или отсутствует вовсе, или несет черты апологетики. Эта апологетика навеяна в основном мемуарами Никиты Хрущева, Николая Байбакова, Анастаса Микояна и воспоминаниями ленинградцев, работавших под началом Вознесенского и Кузнецова. Хрущев оценивал Вознесенского как человека «умного, резкого, прямого и смелого», Байбаков, долгое время проработавший министром нефтяной промышленности и председателем Госплана СССР, считал Вознесенского «талантливым организатором, тонким психологом экономики». Анастас Микоян, сын которого женился на дочери Кузнецова в то время, когда тот уже был снят со всех своих постов, утверждал в своих мемуарах, что во время блокады Ленинграда «основной фигурой» там был не Жданов, который «практически переселился в бомбоубежище», а Кузнецов – именно ему Сталин доверил «самые ответственные вопросы». Нам важно не только установить, соответствуют ли действительности эти характеристики, но и попытаться ответить на главный вопрос: обладали ли Вознесенский и Кузнецов какими-то особыми качествами, позволявшими им возглавить страну после смерти Сталина?

Начнем с Вознесенского. Действительно, это был очень волевой, сильный руководитель, сыгравший большую роль в развитии оборонной промышленности в годы Великой Отечественной войны. Тогда Вознесенский курировал работу наркоматов вооружений и боеприпасов (до февраля 1942 г.), занимался вопросами эвакуации оборонных заводов, как председатель Госплана отвечал за разработку военно-хозяйственных планов обеспечения обороны страны. Благодаря Вознесенскому было значительно расширено и ускорено производство противотанковых ружей, а также реактивной артиллерии и снарядов для нее. Дмитрий Устинов, возглавлявший в то время наркомат вооружений, вспоминал, что именно Вознесенский еще за неделю до начала войны дал указание продолжить работу над противотанковым ружьем конструктора Руковишникова, снятым с производства в 1940 г., и попросил наркома оградить конструктора от «придинок». По воспоминаниям председателя Моссовета Василия Пронина, Вознесенский ле-

том 1941 г. удачно руководил оперативной, «в считанные недели» перестройкой московских заводов на выпуск реактивной артиллерии и реактивных снарядов. Однако успехи Вознесенского зависели не только от его личных административных способностей, но и во многом от тех огромных властных полномочий, которыми он обладал в условиях военного времени. Подчиненные ему наркомы, директора заводов, конструкторы прекрасно понимали, что срыв любого распоряжения первого заместителя председателя Совнаркома СССР, члена Государственного Комитета обороны чреват по меньшей мере отстранением от должности. Поэтому эти распоряжения выполнялись часто в рекордно короткие сроки.

В мирное время Вознесенский 11 лет возглавлял Госплан СССР. При этом приходится признать во многом справедливым мнение Микояна о том, что Вознесенский был экономистом «профессорского типа», без всякого «практического опыта хозяйственного руководства». Под стать ему был и сам Госплан, структура во многом виртуальная. Порою случалось так, что даже лидеры партии и государства не могли понять смысл существования ведомства, задания и планы которого многие министры и директора заводов посылали куда подальше. Байбаков вспоминал, что Брежневу «не хватало терпения детально разбираться в проекте плана» и однажды он прервал доклад Байбакова следующим предложением: «Николай, ну тебя к черту! Ты забил нам голову своими цифрами. Я уже ничего не соображаю. Давай сделаем перерыв, поедем поохотиться». После охоты Брежнев все же нашел в себе силы выслушать председателя Госплана, но через два дня на Политбюро сказал: «Я два дня слушал Байбакова, а теперь спать не могу».

Сталин, в отличие от Брежнева, относился к Госплану куда серьезнее, срывы плановых показателей всегда воспринимал с раздражением, виновников этих срывов сурово наказывал. Микоян тщетно пытался доказать ему, что невозможно закладывать одинаковые показатели для первого и четвертого кварталов – этому препятствуют естественные природные условия. Например, в рыбной промышленности осень была мертвым сезоном, и поймать столько же рыбы, сколько летом, в это время было просто невозможно. Но Сталин на эти доводы не реагировал или раздраженно говорил Микояну: «Опять ты за свое! Брось».

Вознесенский сумел добиться серьезного усиления позиций Госплана в административной структуре советского государства во многом благодаря тому, что этого же хотел Сталин. Это не означает, что Вознесенский стремился сделать легкую карьеру на манипуляциях с цифрами. Со Сталиным такие игры были смертельно опасны. Расположение Сталина он снискал тем, что, используя данные Госплана, без утайки информировал его о истинном положении дел в экономике. Показателен в этом плане следующий факт. Когда в январе 1942 г. Сталин, опьяненный разгромом немцев под Москвой, предложил перейти к наступлению силами всех девяти фронтов с целью обеспечить «полный разгром гитлеровских войск в 1942 году», только Жуков и Вознесенский выступили против этой провалившейся затем с треском затее. Вознесенский мотивировал свое несогласие с планом Сталина тем, что «мы сейчас еще не располагаем материальными возможностями, достаточными для того, чтобы обеспечить одновременное наступление всех фронтов». Сталин, в свою очередь, увидел в Вознесенском самого энергичного работника, способного осуществлять контроль над выполнением плана. Это была очень удобная роль – ведь исправлять выявленные Госпланом недоработки приходилось не Вознесенскому, а иным людям. Огромная власть, личное расположение Сталина и тот факт, что он руководил рядом ключевых направлений в экономике в экстремальных условиях войны, развили в Вознесенском отрицательные черты характера. Имеется немало свидетельств высокомерия, амбициозности, грубости, которые он возвел в стиль своей работы. Самое яркое из такого рода описаний оставил начальник охраны Николая Шверника Георгий Эгнаташвили: «Шло заседание Совмина... И вдруг неожиданно распахивается дверь, и выходит Николай Алексеевич с двумя министрами. Эх, как он начал их материть. И в хвост и в гриву. Мне стало не по себе...» Конечно, не один Вознесенский страдал таким недостатком, как грубость к подчиненным; матерные выражения встречаются в некоторых резолюциях Сталина (в 1941 г. на одном из сообщений НКВД о готовящемся вторжении Германии в СССР он написал: «Пошлите ваш источник к е... матери»), но «вождь народов» мог быть и очень вежливым, внимательным, выдержанным собеседником. Многих, кто общался со Сталиным, например, авиаконструктора Яковлева, писателя Симонова, маршала авиации Голованова, поражали его начитан-

ность, остроумие и даже умение признать свою неправоту. Вознесенский ничем подобным не отличался. В воспоминаниях современников он предстает не воздержанным на язык человеком. Нарком Военно-морского флота Николай Кузнецов вспоминал, как неприятно поразило его поведение Вознесенского на одном заседании правительства в июне 1941 г. На этом заседании, когда Сталин сообщил об аресте начальника управления противовоздушной обороны, Героя Советского Союза Штерна, сидевший рядом с Кузнецовым Вознесенский громко воскликнул: «Сволочь!»

Все это говорит о том, что Вознесенский не обладал необходимой для своего положения в окружении Сталина выдержкой. Не прошедшие в отличие от Молотова, Кагановича, Берия, Маленкова, Хрущева суровую школу репрессий второй половины 30-х гг., Вознесенский и Кузнецов часто шли напролом там, где нужна была интрига, не умели держать язык за зубами, когда это было необходимо даже для успехов в своей личной политической карьере. Это делало их уязвимыми в борьбе со своими главными противниками в Политбюро – Берией и Маленковым. По мнению Байбакова, Вознесенский нажил в лице Берии смертельного врага в 1945 г. на одном из совещаний, где обсуждался вопрос строительства газопровода Москва-Саратов. «Устав от пронзительного и однообразного крика» Лаврентия Павловича, он призвал его к порядку, «предложив заняться существом дела». «Берия, – пишет Байбаков, – не ожидавший такого вмешательства, казалось, весь позеленел...».

Своим крайне прямолинейным, подчеркнуто официальным, резким, а часто и грубым стилем работы Вознесенский вызывал неприязнь у многих наркомов, что не только ослабляло его позиции как возможного будущего главы правительства, но и, что особенно важно, наносило серьезный урон промышленности, в первую очередь оборонной, и портило отношения между Госпланом и наркоматами. Нарком боеприпасов Ванников писал, что в годы войны именно Вознесенский особенно резко выступал против производства автоматических винтовок, благодаря чему их перестали выпускать, но спустя какое-то время все равно наладили их выпуск по решению Сталина. Еще более конфликтная ситуация возникла между Вознесенским и наркомами нефтяной и угольной промышленности Байбаковым и Вахрушевым. «Как-то раз он (Вознесенский. – С.К.) – вспоминал Байбаков, – вызвал к

себе меня и наркома угольной промышленности Вахрушева. Речь шла о том, как обеспечить топливом запросы фронта и тыла. Наша информация явно не удовлетворяла Вознесенского. Он нахмурился, как-то весь внутренне подобрался и потребовал увеличить проектные задания по добыче нефти и угля. «Но для этого нужны дополнительные материальные ресурсы! Вот цифры, вот показатели!» – ответили мы, отлично зная, что наши отрасли работают на пределе. «Таких ресурсов у нас сейчас нет, и мы ничего дать вам не можем». Напряженность в кабинете возрастала... И вдруг, то ли в запальчивости, то ли из-за перенапряжения нервов, горячий спор перешел в нечто невообразимое: Вахрушев, побледнев, вскочил со стула, схватил Вознесенского за лацканы пиджака и начал трясти его, выкрикивая совсем скандальные «доводы». Я опешил: Вознесенский тоже схватил своего разъяренного собеседника за лацканы и начал трясти его, что-то крича... Разошлись мы, так и не получив требуемой помощи». Уже после войны Вознесенский встретил резкий отпор у министра судостроения Малышева, у которого председатель Госплана предложил отобрать два завода, а также высказал недоверие относительно обещаний министра наладить выпуск судовой брони. Сам Сталин был вынужден заступиться за Малышева, заявив, что мы знаем его «как честного человека». Думается, что приведенные выше факты говорят не в пользу Вознесенского как потенциального главы правительства СССР.

Алексей Кузнецов был еще более неудачной кандидатурой на роль руководителя партии, чем Вознесенский в качестве главы правительства. Если недостатки Вознесенского можно еще было компенсировать подбором ему толковых заместителей или дезавуировать их вмешательством Политбюро ЦК, которое на самом деле и принимало все ключевые решения в экономике, то неподготовленность Кузнецова к руководству партийным аппаратом могла иметь куда более серьезные последствия, потому что именно этот аппарат держал в своих руках все нити управления не только внутренней, но и внешней политикой.

Послужной список Кузнецова, казалось бы, не дает оснований для нашего умозаключения. В самом деле, Кузнецов прошел все ступени партийной иерархии в Ленинграде: от инструктора горкома до первого секретаря обкома и горкома партии. Его стремительный карьерный рост после войны произошел благодаря

покровительству ближайшего в то время соратника Сталина Жданова. Однако анализ деятельности Кузнецова в качестве секретаря ЦК ВКП(б) и начальника Управления кадров ЦК свидетельствует о том, что Жданов не только не научил Кузнецова, как следует себя вести в окружении Сталина, но и не втолковал ему, как опасно демонстрировать в Москве свой ленинградский патриотизм. Этот патриотизм выражался не только в том, что в годы войны Кузнецов культивировал в Ленинграде образ Кирова, но и в стремлении значительно повысить статус Ленинграда и ленинградской партийной организации, что потом стало одним из главных поводов для «ленинградского дела». Литература об этом деле невелика по объему и чрезмерно запутывает не искушенного в истории позднего сталинизма читателя. Наиболее четко прослеживается три версии этого дела. Первая версия – официальная, сформулированная в результате реабилитации Вознесенского, Кузнецова и других осужденных по «ленинградскому делу» – в 1954–1957 гг. претерпела серьезную эволюцию. В 1954 г. главными виновниками уничтожения Вознесенского и Кузнецова сделали группу сотрудников госбезопасности во главе с бывшим министром госбезопасности Абакумовым, действовавших по указке Берии. После того как Хрущев в 1957 г. отстранил от власти Молотова, Маленкова и Кагановича, официальная версия изменилась. Теперь главными создателями «ленинградского дела» стали Берия и Маленков, которые боялись усиления позиций Вознесенского и Кузнецова и поэтому раздули до масштабов государственного преступления следующие факты: 1) в январе 1949 г. в Ленинграде провели всероссийскую оптовую ярмарку с участием торговых организаций союзных республик, придав ей тем самым союзный статус и не поставив при этом в известность Москву; 2) первый секретарь ленинградского обкома и горкома Попков скрыл факты голосования против партийного руководства Ленинграда на партконференциях города и области в декабре 1948 г.; 3) тот же Попков в 1948 г. предложил Вознесенскому взять «шефство» над Ленинградом. Берия и Маленков обвинили Вознесенского, Кузнецова, Попкова и др. в стремлении организовать в Ленинграде враждебную антипартийную группу, ставящую своей целью оторвать партийную организацию Ленинграда от Москвы и СССР, сделать Ленинград столицей РСФСР.

Вторая версия исходит от уцелевших обвиняемых по «ленинградскому делу». По мнению бывшего порученца Кузнецова Воинова, глубинные мотивы организаторов этого дела заключались в том, чтобы скрыть от народа «истинных виновников нашего военного поражения 1941 года», а также виновников «перегибов в сельском хозяйстве» и общего «беззакония и произвола». Воинов видит в Вознесенском и Кузнецове чуть ли не открытых противников сталинизма, представителей фронтового поколения, предопределившего, по сути, «феномен XX съезда». Наконец, третью версию выдвинули некоторые историки национал-патриотического направления, считающие Вознесенского и Кузнецова лидерами «русской партии» в сталинском окружении. Историк Олег Платонов полагает, что на самом деле «ленинградское дело» было «русским делом», поскольку «посредством его была разгромлена большая часть новых русских кадров, пришедших после войны на замену старым еврейско-космополитическим функционерам».

Все три версии имеют определенную идеологическую подоплеку. Официальная версия, исходящая от лидеров КПСС, подправлялась в зависимости от расстановки сил в высших эшелонах власти. Что касается двух неофициальных версий, то их роднит аберрация сознания. Репрессированным соратникам Кузнецова грезится, что он был антисталинистом, поскольку был кировцем. Однако эта аргументация не выдерживает критики, поскольку строится на популярном в годы перестройки мифе о том, что Киров был антисталинцем. Историки документально доказали, что Киров был стопроцентным сталинцем, только более мягкого типа, и поэтому все душеспасительные сюжеты о его противостоянии Сталину следует признать вымыслом в духе популярного в свое время романа Анатолия Рыбакова «Дети Арбата».

Для Платонова представить Вознесенского и Кузнецова лидерами «русской партии» в Политбюро было необходимо для обоснования своего общего видения сталинского периода нашей истории. Сталин в его изображении является не только главным русским патриотом XX века, но и главным противником мирового сионизма, который олицетворяли в сталинском окружении Берия, Маленков и Хрущев. Подробно разбирать эту аргументацию так же хлопотно и долго, как опровергать построения известных математиков от истории Носовского и Фоменко. На это не хватит

даже статьи. Укажем лишь на то, что представление о русском, патриотическом характере сталинского правления 40-х гг., основанное на антисемитских проявлениях в кадровой политике аппарата тех лет, иллюзорно. Как быть с отношением Сталина к русской деревне, с его последними экономическими изысканиями, ведущими, по сути, к новому военному коммунизму (на закате жизни вождь вдруг решил, что настала пора установить «прямой продуктообмен» между городом и деревней)? Забываются как-то и гонения на генетику, обрекшие нашу биологию на прозябание. Любование державной риторикой Сталина 40-х гг. заслоняет эти и другие факты, свидетельствующие о том, что он был все же национал-большевиком, а не русским националистом, и хотел ввести тот же коммунизм, но русофильской окраски. На одном из совещаний с преподавателями политэкономии в 1950 г. Сталин сетовал на то, что молодежь плохо знает или совсем не знает Маркса; с ортодоксально марксистских позиций написаны и его последние экономические работы. Вообще причудливое совмещение в Сталине самых различных идеологических веяний – тема слишком серьезная. Представлять его в какой-то одной идеологической ипостаси значит исказить его истинный облик.

Самое интересное то, что две неофициальные версии построены исключительно на умозрительных предположениях, догадках, голословных утверждениях. Между тем «ленинградское дело» до конца никогда не будет распутано не только потому, что Маленков в 1957 г. лично уничтожил большую часть материалов по этому делу, но и потому, что в самих этих документах правда и ложь часто просто неразличимы. В самом деле, если лидеры КПСС дважды меняли свою позицию относительно главных виновников «ленинградского дела», то чего можно ожидать от других его интерпретаторов, не связанных партийной дисциплиной, а теперь и цензурой? Теперь бумага все стерпит.

Тем не менее сопоставление воспоминаний современников, проведение исторических аналогий, анализ конкретной ситуации в высших эшелонах власти конца 40-х гг. позволяют утверждать, что в возникновении «ленинградского дела» были виновны во многом сами его главные фигуранты, нарушившие те правила политической игры, которые тогда существовали во власти. Тот же Кузнецов, насаждавший в Ленинграде культ Кирова и закрывавший глаза на проколы ленинградцев с организацией оптовой яр-

марки и другие перечисленные выше факты, демонстрировал не только неосторожность, но и недопустимую для секретаря ЦК времен Сталина глупость.

Культивировать все связанное с Ленинградом было неразумно уже по той простой причине, что Сталин хранил исключительно негативные воспоминания о роли питерской партийной организации во времена руководства ею Зиновьева. Зиновьев и его соратники, борясь со Сталиным за власть, тоже использовали революционный имидж Ленинграда, считали ленинградских большевиков самыми лучшими и достойными коммунистами, к голосу которых следует прислушиваться в первую очередь. Кроме того, накануне XV съезда ВКП(б) угроза раскола партии для Сталина была очевидна не только из-за того, что зиновьевцы сумели добиться для своего вождя права сделать на съезде содоклад по политическому отчету, с которым должен был выступать сам генсек, но и из-за неожиданного демарша ближайшего в то время сталинского соратника Ворошилова, заявившего о допустимости создания в РСФСР отдельной партийной организации. В этом предложении Сталин усмотрел опасность для центральных партийных органов, авторитет которых российская компартия могла бы подорвать уже самими своими масштабами. Для той системы власти, которая возникла при Сталине, боязнь образования внутри РСФСР компартии была во многом логичной. Политбюро ЦК было высшим органом власти в Советском Союзе потому, что венчало собой жесткую унитарную систему управления страной. Россия была незаслуженно обойдена многими атрибутами суверенитета, но отсутствие в ней своей партии и, следовательно, своего Политбюро было необходимо для эффективного функционирования центральных партийных органов. Появление в Москве двух партийных центров власти – Союза и РСФСР – не только создало бы опасный прецедент для требований о большей самостоятельности, скажем, украинской компартии, но и грозило столкновением амбиций и интересов союзного и российского руководства. На уровне государства противоречия интересов союзных и республиканских ведомств нередко приводили к тупиковым ситуациям. Так, например, препирательства НКВД РСФСР с ОГПУ СССР во круг распределения контингентов заключенных ГУЛАГа приобрели настолько затяжной и склочный характер, что российский НКВД Сталин приказал «просто закрыть». И вот в конце 40-х гг.

Сталин вдруг снова сталкивается не только с сепаратизмом ленинградских партийцев, но и с опасными стремлениями к расширению российского суверенитета. По свидетельству одного из районных председателей исполкома в Ленинграде, Булычева, после войны Кузнецов вместе с председателем Совмина РСФСР Родионовым (расстрелянным по «ленинградскому делу» в один день с Кузнецовым) предложили Сталину перевести российское правительство из Москвы в Ленинград, а сам Ленинград сделать столицей РСФСР. «По секрету говорили, – вспоминал Булычев, – что такое предложение не понравилось Сталину, но он открыто не высказался, промолчал». Такая реакция Сталина уже давала повод сбавить обороты, быть осторожнее. Но Кузнецов «лез на рожон». Если он плохо знал историю партии и сознательно вел дело к тому, чтобы повысить статус не только Ленинграда, но и РСФСР в целом, то это свидетельствует опять же по меньшей мере о его наивности, которая на таких должностях, как секретарь ЦК и начальник Управления кадров ЦК, была просто самоубийственна. Столь же наивны были и его «наезды» на работников МГБ, которых он курировал по распоряжению Сталина. Если верить воспоминаниям очевидцев, утверждавших, что Кузнецов допытывался у гебистов о деле Кирова и в публичных выступлениях перед ними отдавал предпочтение кировским цитатам, то это опять же свидетельствует о самоубийственной политической линии Кузнецова. Здесь уже и дружба домами с министром госбезопасности Абакумовым не могла спасти.

Все-таки Молотов был, наверное, близок к истине, когда говорил о том, что Сталин наметил себе в наследники людей, недостаточно подготовленных для той системы власти, которую он создал. Обеспечив им стремительный карьерный рост, Сталин также подзабыл выдающиеся интриганские способности своей старой гвардии и не увидел того, что здесь Вознесенский и Кузнецов конкуренции ей не составят. Берия и Маленков как по нотам разыграли «ленинградское дело», и Сталин был вынужден сам сказать последнее слово, решившее судьбу его несостоявшихся наследников. Наверное, это был один из самых драматических эпизодов в его политической биографии.

ШОКОВАЯ ТЕРАПИЯ. НИКИТА ХРУЩЁВ

14 февраля 1956 г. начал свою работу XX съезд КПСС,

на котором Никита Хрущев сделал доклад, разоблачающий культ личности Сталина. Десталинизация общества, начатая после этого доклада интеллигентами-шестидесятниками, воспринимается сегодня как начало освобождения от мертвящих догм «казарменного» социализма, как ознаменование движения общества к социализму «с человеческим лицом» и преддверие горбачевской перестройки. За XX съезд Хрущеву прощают все – и его личное активнейшее участие в сталинских репрессиях, и хамские выходки по отношению к интеллигенции, и «кукурузная» эпопея, и кровавые акции в Тбилиси, Венгрии и Новочеркасске. В эпоху перестройки, когда десталинизация была успешно завершена «поколением XX съезда», раздавались даже призывы перезахоронить Хрущева у Кремлевской стены – с такой инициативой выступил в 1989 г. на страницах «Огонька» Гавриил Попов.

В лагере идеологических антиподов шестидесятничества – писателей и публицистов «Нашего современника», «Молодой гвардии» и других изданий так называемой почвеннической ориентации – отношение к XX съезду было сложнее. С одной стороны, задолго до перестройки такие писатели, как Виктор Астафьев, Василий Белов, Валентин Распутин, Владимир Солоухин, заклеями-

ли сталинскую коллективизацию, направленную на уничтожение традиционного крестьянского уклада России. Вольно или невольно они тем самым развили хрущевскую острую критику сталинской аграрной политики (эта критика звучала и на XX съезде КПСС). С другой стороны, в отличие от шестидесятников среди почвенников еще в 70-е гг. было весьма распространено тотальное отрицание не только демократического социализма, но и коммунистической идеологии в целом. В пору самого глухого застоя, в середине 70-х, Игорь Шафаревич и Александр Солженицын своими многочисленными публикациями на Западе уже выкопали могилу коммунистической идеологии. В 1988-1991 гг., в период наиболее жарких баталий шестидесятников и почвенников, последние стали постепенно все больше и больше поднимать на щит Сталина главным образом для того, чтобы побольнее ударить по «детям Арбата».

Кроме нескольких историков, никто не задался вопросом о том, как реагировали на развенчание культа личности Сталина различные слои советского общества. «Поколение XX съезда» в лице шестидесятников – это всего лишь часть московской и питерской интеллигенции, но далеко не весь народ, живший в середине 50-х. Да и в самой московской интеллигенции реакция на разоблачение культа личности Сталина не была столь однозначно положительной, как это может показаться на первый взгляд. Уверен, что очень немногие люди знают о том, что на историческом факультете МГУ в 1956-1957 гг. одни студенты создавали своеобразные группы поддержки решений XX съезда о культе личности Сталина (кружок Льва Краснопевцева), а другие пытались создать ни больше, ни меньше, как «Российскую национал-социалистическую партию» (Александр Добровольский). Группа Краснопевцева пыталась распространять листовки, в которых отстаивалась необходимость дальнейшей десталинизации общества, группа Добровольского выпустила листовку «Смерть коммунистам!» И тех и других вскоре арестовали и упрятали за решетку. И это только один из малоизвестных эпизодов последствий десталинизации середины 50-х.

Широко известно – например, из свидетельства Ильи Эренбурга, – что на делегатов XX съезда доклад Хрущева произвел настолько шокирующее впечатление, что некоторые из них даже

упали в обморок. Есть много доказательств того, что этот шаг Хрущева вопреки его ожиданиям, породил в обществе ощущения растерянности, разочарования, непонимания происходящего, сильно обострил конфликт поколений. Дети начали задавать родителям все больше неудобных вопросов типа «Папа как ты мог ничего не знать?» Рядовых коммунистов поначалу знакомили с содержанием доклада, изобличающим Сталина, но вскоре это прекратилось. «После XX съезда, когда развернулись активные выступления, мы не были подготовлены к тому, чтобы дать отпор», – так прокомментировала это решение на собрании партийного актива Москвы Екатерина Фурцева, возглавлявшая тогда столичную парторганизацию. Но какие такие активные выступления развернулись после XX съезда, к чему оказалась не готова партийная верхушка, кому надо было давать отпор?

Если говорить о протестах против развенчания Хрущевым Сталина, то, конечно, в первую очередь следует вспомнить о кровавых событиях в Тбилиси в марте 1956 г. Можно осуждать сталинофилию, которой Грузия пронизана и поныне, недоумевать или иронизировать по этому поводу, но факт остается фактом: для многих грузин Сталин остается положительным персонажем. «Маленький народ гордится великим человеком, оставившим в истории куда более значительный след, чем все его предшественники», – так доходчиво обосновывает этот феномен председатель грузинского общества «Сталин» Г. Ониани в официозе «Свободная Грузия» (1994 год, 7 мая). Что же тогда говорить о 50-х годах! Хрущев, готовя свой доклад о разоблачении культа личности Сталина, вовсе не задумывался о том, к каким последствиям приведет это разоблачение в Грузии. Результат не заставил себя долго ждать. Пролилась кровь.

Один из высокопоставленных чекистов Филипп Бобков, командированный в марте 1956 г. в Грузию, вспоминал, что возглавлявший в то время КГБ Иван Серов требовал от своих подчиненных раскрыть в республике контрреволюционный заговор. «Многим деятелям в центре, – пишет Бобков, – очень хотелось услышать от нас, будто в Тбилиси существовал штаб, руководивший выступлениями против решений XX съезда. Кто-то угрожал отобрать у нас партбилеты за то, что мы освободили участников волнений – якобы всех, без разбора. Но чекисты Грузии и Моск-

вы, находившиеся в Тбилиси, устояли и на массовые репрессии не пошли. Неужели в Москве никто не подумал о том, как могут быть восприняты в Грузии факты, разоблачающие преступления обожествленного Сталина? Разве не ясно, что туда надо было незамедлительно послать опытных пропагандистов, которые доходчиво и убедительно разъяснили бы людям произошедшее». Хрущев предпочел посылке пропагандистов проведение карательной акции. В Грузии его за это до сих пор поминают недобрым словом...

Если в Грузии развенчание Сталина на XX съезде КПСС встретило открытый гневный протест, то в других регионах оно породило смятение умов, депрессивные настроения, нередко – нежелание расставаться со светлым образом кумира. В архивах на сей счет сохранилось множество свидетельств. Вот некоторые из них. В ходе одного из социологических опросов 60-х гг., проводившегося с целью выяснить отношение людей к различным событиям своей жизни, был получен, например, такой ответ: «Называю самое плохое. Все события, связанные с критикой деятельности Сталина и работы партии в тот период. Никакое другое событие в своей жизни я так тяжело не переживала, даже неудачи первых месяцев войны с фашистской Германией». Другое свидетельство, относящееся к 1956 г.: «В первые дни раздражало то, что суд устраиваем над умершим человеком, и так хотелось, чтобы на всю жизнь Иосиф Виссарионович Сталин остался в памяти такой справедливым и честным, каким нам его рисовали в течение более трех десятилетий... И теперь, когда узнали о его крупнейших недостатках, трудно, очень трудно погасить в сердце эту великую любовь, которая так сильно укоренилась во всем организме». Люди более самостоятельные в своих убеждениях и поступках, не сверяющие их с указаниями партийного начальства, саботировали десталинизацию Хрущева. Начальник цеха одного из заводов отказался снимать портрет Сталина, что, правда, вызвало протест у его жены: «Иди и сам сними, а то тебя арестуют и посадят как культ личности» (так в тексте. – С. К.).

Десталинизацией Хрущева были ошарашены и недовольны не только многие простые люди. Каково было сидевшим в зале заседаний XX съезда высшим военачальникам, знавшим все сильные и слабые стороны Сталина как Верховного главнокомандующего, выслушивать откровенную ложь Хрущева

выслушивать откровенную ложь Хрущева о том, что, разрабатывая военные операции, Сталин пользовался только глобусом? Хрущев откровенно лгал, сваливая всю ответственность за катастрофу Красной Армии в 1942 г. под Харьковом исключительно на Сталина. Александр Василевский, Георгий Жуков, Семен Штеменко в своих мемуарах приводят полностью подтвержденные новейшими архивными публикациями данные о том, что главную тяжесть ответственности за эту катастрофу несут Хрущев, командующий Юго-Западным фронтом Семен Тимошенко и член Военного совета этого же фронта Иван Баграмян. Большинство высших военачальников, прошедших со Сталиным Великую Отечественную войну, несомненно, весьма отрицательно относились к проводимой Хрущевым десталинизацией – в первую очередь из-за того, что Никита Сергеевич грубо фальсифицировал исторические факты. Кроме того, некоторые из этих военачальников питали теплые чувства к Сталину просто как к человеку. Главный маршал авиации Александр Голованов рассказывал писателю Феликсу Чуеву такой случай. Однажды Хрущев попросил маршала Рокоссовского написать статью о Сталине в духе решений XX съезда. В ответ Хрущев услышал следующее: «Никита Сергеевич, товарищ Сталин для меня святой!» В другой раз Рокоссовский вместе с Головановым на каком-то банкете отказались чокаться с Хрущевым...

Депрессивные настроения среди простых граждан, вызванные развенчанием Сталина, сталинистские симпатии генералитета мало волновали Хрущева. По-настоящему его пугало другое – часть общества, в особенности студенческая молодежь восприняла десталинизацию как начало широкой демократизации не только партии, но и общества в целом. Многие люди наивно полагали, что критика Хрущевым преступлений сталинской эпохи – это первый шаг к уничтожению всевластия партийно-государственной бюрократии. Эту бюрократию, в первую очередь партаппарат, Хрущев хотя и подверг основательным перетряскам, но никогда и не думал демократизировать так, как того хотели простые трудящиеся. А трудящиеся начали интересоваться тем, что им знать не полагалось: сколько получают руководящие работники, где и как они живут, отовариваются и отдыхают, в каких школах учатся их дети. В одном из писем, пришедших в адрес Хрущева в ноябре

1956 г., приводился такой случай: когда Фурцева, уступая настойчивой просьбе простой рабочей женщины, назвала сумму своей зарплаты, то услышала следующее: «Так ты нас никогда не поймешь». Студенты вели себя еще более вызывающе. Вот, к примеру, с какими предложениями выступили весной 1956 г. комсомольцы журфака МГУ: превратить Кремль в музей, вызвать на комсомольское собрание члена Политбюро или министра культуры, разрешить чтение сочинений Троцкого, вывести органы печати из подчинения партийных комитетов. Дело дошло до организации нелегальных студенческих кружков, о которых мы упомянули в начале статьи.

Осенью и зимой 1956 г. среди партийных функционеров распространялись панические настроения, ходили слухи о том, что уже тайно составляются списки для будущей расправы над коммунистами. И тогда Хрущев без колебаний приостановил десталинизацию. В декабре 1956 г. ЦК КПСС распространил закрытое письмо под красноречивым заголовком: «Об усилении политической работы партийных организаций в массах и пресечении вылазок антисоветских, враждебных элементов». В нем говорилось, в частности, о том, что творческая интеллигенция и студенчество больше всего поддаются влиянию чуждой идеологии и что «диктатура пролетариата по отношению к антисоветским элементам должна быть беспощадной». В мае 1957 г. Хрущев выступил на правлении Союза писателей СССР с упреками литераторам в том, что критику Сталина они восприняли «односторонне».

В ноябре того же года, выступая на сессии Верховного Совета с докладом, посвященным 40-летию Октябрьской революции, Хрущев заявил, что «партия боролась и будет бороться со всеми, кто будет клеветать на Сталина, кто под видом критики культа личности неправильно, извращенно изображает весь исторический период деятельности нашей партии, когда во главе Центрального Комитета был И. В. Сталин... Как преданный марксист-ленинец и стойкий революционер Сталин займет должное место в истории...»

Этот резкий поворот вызвал не меньший шок, чем развенчание Сталина XX съездом. Творческая интеллигенция и студенчество испытали первое тяжелое разочарование в Хрущеве. «Люди старались не вспоминать о XX съезде и, конечно, не могли предвидеть

XXII, – вспоминал Илья Эренбург. – Молодежь пытались припугнуть, и студенты перестали говорить на собраниях о том, что думали и говорили между собой». Шестидесятникам казалось, что колесо истории если не пошло вспять, то уж остановилось точно. «Рассеяние последних иллюзий», – так оценивал в 1957 г. свертывание десталинизации Хрущевым Александр Твардовский. Вениамин Каверин был еще более пессимистичен: «Пахло арестами».

Решения XX съезда, развенчавшие Сталина, и свертывание процесса десталинизации в конце 1956 г. и в 1957 г., стоили народу сильных душевных потрясений. Многие люди, прошедшие войну, так и не поверили в то, что «наговорил» на Сталина «кукурузник». Другие, напротив, почувствовали себя после XX съезда свободными, а в 1957 г., когда Хрущев выступил против «клеветы» на Сталина, – жестоко обманутыми. Третьи постепенно вообще разочаровались в коммунистической идеологии...

СЪЕЗД ПАРТИИ ОБРЕЧЕННЫХ. МИХАИЛ ГОРБАЧЁВ

Последний, двадцать восьмой по счету съезд КПСС проходил со 2 по 13 июля 1990 г. Хотя работа съезда активно освещалась СМИ, широкие слои общества проявили к нему безразличие, более того – высокий партийный форум был омрачен очередной волной протеста против политики Горбачева. 11 июля, за два дня до закрытия съезда, на более чем 100 шахтах Донбасса прошла 24-часовая забастовка, участники которой потребовали не только отставки председателя Совмина СССР Николая Рыжкова, но и закрытия парткомов на предприятиях и национализации имущества КПСС.

Не обошлось без скандалов и на самом съезде. Борис Ельцин решил громогласно заявить о своем выходе из КПСС именно на заседании партийного форума, что и проделал 12 июля. Уходя с трибуны под редкие выкрики «Позор!», Ельцин, помимо боли в сердце от расставания с партийным билетом (о чем он сам позже писал), не мог не испытывать удовлетворения от своего очередного удачного выступления против политики Горбачева и его команды. Один из самых приближенных в то время к Горбачеву людей, заведующий Общим отделом ЦК Валерий Болдин, вспоминал, что демонстративный выход Ельцина из партии «произвел впечатление на многих делегатов и коммунистов, сыграл немалую

роль в создании обстановки неуверенности, а затем и в развале партии».

Если верить воспоминаниям помощника Горбачева по международным вопросам Анатолия Черняева, Михаил Сергеевич испытал по поводу ухода из партии Ельцина даже некоторое облегчение. Гораздо большую тревогу у Горбачева вызвали итоги голосования по его кандидатуре на выборах генерального секретаря. Из 4683 делегатов против Михаила Горбачева голосовало 1116 человек. По свидетельству Валерия Болдина, Горбачев был потрясен такими итогами голосования: «...Такого политического нокдауна... он не ожидал».

Однако, несмотря на этот нокдаун, Горбачев неимоверными усилиями все же сумел провести на этом съезде практически все необходимые ему решения. Он «замотал» постановку на голосование предложений о коллективной отставке Политбюро и о передаче всей полноты партийной власти съезду и провел на выдуманную им новую должность заместителя генерального секретаря лидера украинских коммунистов Ивашко, которому противостояла кандидатура Егора Лигачева. Пойдя на уступку делегатам съезда, требовавшим, чтобы все члены Политбюро представили персональные отчеты о проделанной работе, Горбачев направил основное недовольство участников съезда на своих ближайших соратников. Одному из них – «архитектору перестройки» Александру Яковлеву – пришлось особенно тяжело. Он был вынужден пункт за пунктом опровергать распространенную кем-то поддельную стенограмму своей встречи с молодыми коммунистами из Демократической и Марксистской платформ в КПСС – текст, в котором выглядел ярким антикоммунистом.

Переведя основной огонь критики на Николая Рыжкова, Александра Яковлева, Вадима Медведева, Эдуарда Шеварднадзе, Егора Лигачева и других членов Политбюро, которые начинали с Горбачевым перестройку, Михаил Сергеевич не только выпустил пар недовольства коммунистов разных политических взглядов – от консерваторов из российской компартии до фактических сторонников Ельцина из Демократической платформы в КПСС, – но и сумел сохранить контроль над формированием высших партийных органов власти исключительно в своих руках. На состоявшемся по горячим следам съезда Пленуме ЦК 13–14 июля 1990 г.

все вышеназванные соратники Горбачева, критикуемые и справа и слева, были удалены из Политбюро. Тем самым Горбачев не только отводил удар непосредственно от себя, но и пытался упрочить свою личную власть. В чем-то ему это удалось.

Оставшись лидером КПСС, Горбачев сохранил для себя хоть и сильно пошатнувшийся, но еще не до конца исчерпавший себя политический и организационный ресурсы в лице той части партии, которая, несмотря ни на что, была верна идеалам перестройки и выступала в качестве противовеса сепаратистским устремлениям враждебных Центру властей отдельных республик. Эти ресурсы КПСС Горбачев максимально использовал для достижения своей последней крупной политической победы – выигрыша все-союзного референдума 17 марта 1991 г., выразившего волю подавляющего большинства граждан СССР о сохранении единого союзного государства. Однако XXVIII съезд КПСС все же был олицетворением приближающейся гибели не только перестройки, но и самой компартии, и Советского Союза в целом. Этот съезд показал и стране, и самим коммунистам неизлечимые болезни КПСС.

Горбачев и его команда не извлекли должных уроков из истории своей же партии. Один из главных уроков заключался в том, что Коммунистическая партия могла эффективно участвовать в политической жизни страны, а затем и стать главным центром власти в России только при условии жесткого идеологического диктата ее лидеров и беспрекословного организационного подчинения рядовых коммунистов свои вождям. Как только большевики проявляли некоторую склонность к идеологическому плюрализму и организационному конформизму, они попадали в кризисные ситуации. Так произошло, в частности, после IV съезда РСДРП, состоявшегося в 1906 г., на котором большевики и меньшевики попытались объединиться в единую партию. «Объединительный» съезд закончился созданием общего Центрального Комитета, вскоре благополучно развалившегося из-за очередного столкновения амбиций лидеров и из-за нового витка идеологических дискуссий, в которых никто не захотел пойти на компромисс. В итоге большевики попали в такой затяжной организационный и политический кризис, что чуть было вообще не исчезли с горизонта политической жизни. Коалиция большевиков с левыми

эсерами в 1917 – 1918 гг. едва не стоила Ленину власти – расхождение двух правящих партий переросло в ожесточенное противостояние, закончившееся стрельбой на улицах Москвы в июле 1918 г.

Ленин извлек из всего этого соответствующие уроки. Допуская дискуссии в партии, споря со своими оппонентами до хрипоты, он жесткой рукой пресекал всякие попытки противников генеральной линии создать в партии параллельные центры политического влияния. Не случайно при переходе к нэпу, когда Ленин решился частично восстановить капиталистические отношения в России, он одновременно настоял на запрещении деятельности фракционных группировок внутри партии, провел внутрипартийную чистку и внес изменения в партийный устав, направленные на резкое ограничение проникновения в партию непролетарского контингента, поставил на место некоторых коммунистов, заикнувшихся было о том, что после разгрома всех своих врагов большевики могут провозгласить свободу печати, дал жесткие указания об усилении репрессий против еще действовавших групп эсеров, меньшевиков и анархистов и о высылке из России группы враждебной большевикам интеллигенции.

Горбачев не усвоил этого опыта. Он допустил создание внутри КПСС нескольких центров политического влияния и пытался лавировать между ними. Анатолий Черняев недоумевал, зачем это было нужно Горбачеву, когда он в марте 1990 г. стал президентом СССР. «Бросьте вы их, – говорил он Горбачеву. – Вы – президент, вы же видите, что это за партия, и фактически вы заложником ее остаетесь, мальчиком для битья». Действительно, многим казалось, что Горбачев делает бессмысленную работу, продолжая спасать компартию от раскола.

Однако, сохраняя контроль над КПСС, Горбачев оставлял себе один из важнейших инструментов в борьбе против российского руководства во главе с Ельциным. Он не желал игнорировать организационные возможности КПСС, в частности, еще подконтрольные ей СМИ и агитационные возможности первичных парт-организаций на предприятиях, в условиях мощного антикоммунистического информационного поля в стране, которое в то время неуклонно расширялось. Для борьбы с Ельциным Горбачев накануне XXVIII съезда взрастил российскую компартию, во главе ко-

торой поставил особо ненавидимого демократами Полозкова. Кроме того, уделяя много времени публичным выступлениям на различных партийных форумах, Горбачев не мог упустить возможность с трибуны партийного съезда вновь говорить обществу о безальтернативности перестройки и тем самым о своей собственной безальтернативности как генератора демократических преобразований в стране. Не случайно, заканчивая свою речь по итогам обсуждения политического отчета ЦК, Горбачев счел необходимым высказать мысль о том, что «если перестройка в чем и виновата, то в том, что она проводилась недостаточно последовательно и решительно». Допуская среди коммунистов самый широкий плюрализм – от откровенного сталинизма Нины Андреевой до социал-демократических течений в лице таких групп, как Демократическая платформа в КПСС, Горбачев вовсе не собирался корректировать программные документы партии в духе воззрений той же Демплатформы, но не сумел оценить всю степень идеологической опасности этих воззрений. На фоне непрекращающихся межнациональных конфликтов, развала экономики, роста преступности посулы Горбачева о неизбежном успехе перестройки воспринимались населением без особого энтузиазма или встречались в штыки. Не помогло и то, что в решениях XXVIII съезда КПСС всюду использовались идеи и терминология демократической оппозиции. В них говорилось о свободе предпринимательства, о намерениях партии демонополизировать производство, банковское дело, страхование, торговлю, науку, о поддержке развития сети малых и средних предприятий, о разделении властей, реформировании СССР и о многом другом. Но всем этим заверениям уже мало кто верил.

Если все вместе взятые резолюции XXVIII съезда были для миллионов граждан пустым звуком, очередным набором риторических упражнений генсека, то многое, что пыталась провести в резолюции съезда Демократическая платформа, находило в обществе широкую поддержку, в частности, идея о строительстве партии не по производственно-территориальному, а по территориальному признаку (т. е. упразднение парткомов на предприятиях и в учреждениях), предложения о департизации силовых структур, о трансформации Советского Союза в конфедеративное государство, об отказе партии от самых ортодоксальных идеологем

марксизма – теории классовой борьбы и диктатуры пролетариата, ряд других идей, направленных на реальный слом монополии КПСС на власть и сформулированных еще Межрегиональной депутатской группой, одним из лидеров которой был Ельцин.

Горбачев допустил широкое хождение в партии подобных идей, реализация которых вела в небытие и перестройку, и саму партию. Лидеры Демплатформы в КПСС и все остальные «коммунисты за демократию» стали рупором идеологии оппозиции во главе с Ельциным. Внутри КПСС они действовали как мощная идеологическая пятая колонна. Многие рядовые коммунисты оказались идеологически дезориентированными, они с горечью и недоумением наблюдали за всеми идеологическим вывертами и шахраями Горбачева. Валерий Болдин вспоминал, что в дни работы съезда один секретарь райкома говорил ему о том, что «мы не успеваем следить за изменением ваших теоретических воззрений». Идеологическая всеядность Горбачева теоретически разрушила миллионы коммунистов. Они были бессильны противостоять четкой, агрессивной и профессионально проводимой в жизнь идеологии ельцинской оппозиции.

На XXVIII съезде Горбачев совершил и крупный организационный, управленческий просчет, превратив Политбюро и Секретариат ЦК, по сути, в совещательные, лишённые сколько-нибудь значимых властных рычагов структуры. В условиях ожесточенной борьбы КПСС с Ельциным подобная дезорганизация была самоубийственна. Секретари местных парторганизаций были лишены возможностей получения оперативной информации и необходимых инструкций из Центра, который в последний год перестройки лихорадило бесчисленными аппаратными реорганизациями. Горбачев очень часто призывал местных коммунистов проявлять больше инициативы и меньше оглядываться на Москву, и не понимал того, что резкое ослабление парторганизаций в регионах требовало поддержки именно со стороны партаппарата, а не президентских и правительственных структур, которые, во-первых, сами претерпевали постоянные перетряски (достаточно вспомнить о бесславно скончавшемся Президентском совете), а, во-вторых, были заняты самыми неотложными экономическими и политическими проблемами.

Девальвация власти Политбюро, Секретариата ЦК и центрального партаппарата в целом и удаление Горбачевым его старых соратников от рычагов управления партией свидетельствовали о том, что он не усвоил еще один завет Ленина, который в марте 1922 г. предупреждал, что политика партии «определяется не ее составом, а громадным, безраздельным авторитетом того тончайшего слоя, который можно назвать старой партийной гвардией. Достаточно небольшой внутренней борьбы в этом слое, и авторитет его будет если не подорван, то во всяком случае ослаблен настолько, что решение будет уже зависеть не от него».

Вышло все по Ленину. Допустив разлад в своей команде, дошедший до жестокой борьбы, к примеру, Яковлева с Лигачевым, отдав на растерзание Рыжкова, свалившегося с инфарктом, а еще раньше и Ельцина, Горбачев сделал ставку на силовые структуры и новых выдвиженцев в лице Павлова, Янаева, Шенина, Бакланова, которые все вместе чуть было не лишили его власти в августе 1991 г. Глядя на все эти бесконечные склоки и перестановки, не чувствуя никакой поддержки сверху, рядовые коммунисты массами выходили из партии. По разным подсчетам, за год после XXVIII съезда ряды КПСС покинуло около 4 млн. человек. Партия доживала последние месяцы своей жизни...

ПОСЛЕСЛОВИЯ

НАУКА РАССТАВАНИЯ

Жаркий июльский день 2001 года. Я сижу в библиотеке отделения международных отношений Токийского университета и просматриваю «Независимую газету» за последний месяц. Вдруг в одном из номеров, на второй странице вижу статью «Памяти товарища» и фотографию столь знакомого лица. Читаю и не верю своим глазам: трагически ушел из жизни Сергей Викторович Константинов...

Для меня он – ровесник, единомышленник и друг – был и остается просто Сережей. Он немного не дожил до тридцати трех – как не задуматься о роковом возрасте. «Пули уже рвутся где-то рядом», – такова была моя первая реакция на известие о его гибели, от которой я не мог отойти несколько месяцев, тупо твердя об этом знакомым и незнакомым людям. Поэтому, если написанное кому-то покажется слишком личным – простите. По-другому не могу.

Я познакомился с Сергеем поздней осенью 1992 года, в рамках (вот уж точнее не скажешь!) эфемерной и бездомной, но вынашивавшей грандиозные планы структуры – Международного института геополитики, организатором которого был С. А. Шатохин, а главными идеологами А. Г. Дугин и Е. Ф. Морозов. Тогда даже само слово «геополитика» было достоянием кругов, которые и академическим, и политическим истеблишментом воспринимались как маргинальные. Кто-то по старинке все еще считал ее «фашистской буржуазной лженаукой», кто-то снисходительно говорил о ней как об идеологии вчерашнего дня, которой нет места в светлом демократическом сегодня и еще более светлом демократическом завтра. И, конечно, бывшие профессора истмата и диамата (их имена ты, Господи, веси) еще не писали учебников по геополитике, пока что осваивая новую для себя «политологию».

Наши «сходки» происходили в самых разных местах – в непонятно чьих офисах на новом Арбате и Пушкинской, в уютном кафе Дворянского собрания, неподалеку от Музея изобразительных искусств, позднее – у меня дома, на Ямском Поле. Первоначальное единство на базе редактировавшегося А. Г. Дугиным журнала «Элементы» оказалось непродолжительным. Свежие номера мы зачитывали до дыр и потом бурно обсуждали не одну неделю. Однако сработаться с Александром Гельевичем – человеком интересным и разносторонне одаренным, но с несомненным «фюрер-комплексом» – оказалось, мягко говоря, непросто. Е. Ф. Морозов, Сергей и я в «Элементах» печатались, однако в нашей группе постепенно наметился если не раскол, то расхождение – вызванное, в первую очередь, личными, а не научными или идейными причинами.

Можно сказать, что мы ушли от Дугина. Так возник неперIODический «Русский геополитический сборник», который редактировал Е. Ф. Морозов при ближайшем участии Сергея, а издавал тот же неутомимый С. А. Шатохин. Может, память меня подводит, но мне упорно кажется, что само название появилось за несколько лет до первого выпуска и было придумано автором этих строк (Е. Ф. Морозов предлагал «Проблемы геостратегии», и это название фигурирует в сносках к нескольким моим статьям того времени с оптимистической пометой «в печати»). Оба редактора нуждались прежде всего в трибуне, поскольку издания истэблшмента для них были закрыты. Точнее, они сами решительно отказывались от любого сотрудничества с ними. Я считал этот путь тупиковым, а они упрекали меня в склонности к компромиссам, поскольку я много и охотно печатался в различных научных и литературных журналах. Статьи Сергея о Сталине как геополитике, равно как и работы Е. Ф. Морозова по вопросам геостратегии, опубликованные в середине 1990-х годов, были полностью проигнорированы официальной наукой – прежде всего, в силу идеологической несовместимости геополитики с вырисовывавшимися тогда зловещими контурами «либерально-демократической» «новой ортодоксии». Мы часто говорили об этом и не строили иллюзий относительно усиливавшейся идеологизации исторической науки в совершенно определенном направлении, зная, кто и почему за этим стоит. Однако я не разделял конспирологических, можно сказать, «катастрофных» настроений Сергея, во многом диктовавшихся самим складом его личности.

В нем совершенно не было лоска, светскости или, как сейчас говорят, «гламурности». Он производил впечатление замкнутого, настороженного, даже неуютного, неустроенно живущего человека. Но это было если не маской, то защитной реакцией от окружающего мира, который слишком часто был недобр к нему. Многие в жизни Сергея складывались совсем не так, как он бы хотел, и, добавлю, как он того заслуживал. Зато в узком дружеском кругу он «оттаивал», отдыхал душой, становился весел и остроумен. Я рад, что именно таким всегда видел его у себя, когда мы запросто сидели вдвоем на кухне, глядя на заснеженный московский двор и попивая, за неимением лучшего, «Слнчев бряг», который в шутку называли «национальным напитком московских геополитиков» (так некогда называли коньяк московские символисты, но они-то, думаю, пили «Шустова»). Даже когда на дворе стоял октябрь девяносто третьего, и мы при встрече – вместо приветствия, что ли, – с горечью повторяли слова Зинаиды Гиппиус: «Блевотина войны – октябрьское веселье...».

Однако в середине девяностых стал распадаться и этот тесный круг, собиравшийся за обеденным столом в нашей гостиной. Е. Ф. Морозов, уйдя от геостратегии, погрузился в изучение проблем расовой теории и эзотерики и сблизился с «Церковью Нави», что не замедлило отразиться на страницах «Русского геополитического сборника». С. А. Шатохин направил свою энергию в каком-то ином направлении, а автор этих строк уехал в Японию, хотя связей с друзьями и коллегами не порывал. Сергей закончил диссертацию и защитил ее, но, разговаривая с ним во время нечастых приездов в Москву, я чувствовал его явную неудовлетворенность. Над ним нависала угроза «маргинализации», причем не только в социальном плане. Ему нужен был выход в иную среду – в сложившуюся, дружную среду историков-профессионалов, близких ему по возрасту и не связанных никакой ортодоксией.

В августе 1997 г. я познакомил Сергея с Геннадием Бордюговым, Еленой Зубковой и Александром Куприяновым. За столом в гостиной на улице Правды, вокруг которого раньше собиралась половина московских геополитиков (вторая, напомню, группировалась вокруг А. Г. Дугина), теперь сидели трое ветеранов АИРО, ученых с хорошо известной научной и идейной «физиономией» (как выразились бы в XIX веке), и двое молодых «новых правых»

(в смысле Алена де Бенуа, а не Немцова с Хакамадой). Не строя никаких планов, я просто хотел – в неформальной обстановке – перезнакомить между собой моих друзей, которым до того не случалось встречаться, тем более что приехал я в Москву ненадолго, а повидать хотелось всех. Посидели отлично... Потом я узнал о начале успешного сотрудничества Сергея с АИРО, а через эту Ассоциацию с «Независимой газетой» в лице Алана Касаева и Олега Давыдова. Радости моей, в самом прямом смысле, не было предела.

Сергей обрел ту среду, которой ему явно не хватало. АИРО приобрела исключительно талантливого и перспективного сотрудника. Последние работы Сергея, включая публикации в проектах АИРО, работу над капитальным томом «Политическая история русской эмиграции», наконец, острые и порой блестящие статьи в «Независимой газете», показывают, что он находился на небывалом творческом подъеме. И – как это слишком часто бывает – этот подъем неожиданно, резко, грубо оборвался. «Видно так заведено...»

Сережу не вернуть. От этой мысли мне с каждым днем больнее, потому что очень уж о многом мы не успели договорить. Общаясь с пожилыми людьми (а большинство моих собеседников всегда было старше меня, порой на много десятилетий), подсознательно держишь в голове, что можешь больше с ними не увидеться. С ровесниками так не бывает. Утешает только, что мы никогда не ссорились.

Экземпляр моей «Консервативной революции в Японии» с надписью «Сергею Константинову – другу моей геополитической весны» остался не подаренным (Георгий Шенгели надписал один из стихотворных сборников: «Игорю Северянину – другу моей лирической весны»). Теперь я правлю по нему текст для второго издания. Надеюсь, Сережа меня поймет.

Василий Молодяков

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОБОЗРЕВАТЕЛЬ

Сергея Константинова мы знали в основном по совместной работе в «Независимой газете» в едва ли не лучшие её времена, которые закончились одновременно с уходом Сергея из жизни. Так

совпало. В газете наступили новые подлые времена и трагически погиб один из лучших её сотрудников.

Он был историческим обозревателем. Казалось, он не слишком интересовался тем, что по необходимости волнует всякого газетного человека – текущей политикой и вообще процессами сегодняшней жизни. По крайней мере, он никогда явно не демонстрировал такого интереса. И это не было позой человека, погружённого в прошлое. Это было позицией историка, отдающего себе отчёт в том, что мельтешение современности таит в себе соблазн вписывать в былые события злобу текущего дня. А уж чего Сергей не позволял себе никогда, так это столь распространённого сегодня идеологического мифологизирования.

Но это вовсе не значит, что его вовсе не задевала современность. Как может не задевать вечная нужда, невозможность купить самые необходимые для работы книги, на всём экономить, ремонт, который приходится делать из последних сил самому, комнаты без мебели... Но никогда мы не слышали от него ни единой жалобы. О проблемах его мы узнавали только, может, быть, из обсуждения сходных проблем – как лучше вывернуться. Ведь он лучше многих из нас понимал действие истории духа истории в жизни – то, что в своё время так брутально сформулировал Борис Пастернак: «История не в том, что мы носили, а в том, как нас пускали нагишом».

Нет, конечно, и в том, что носили. Сергей мог прекрасно представить всю цветистую сложность людей и событий, которые он брался описывать. У него было счастливое перо. Статьи его (о чём бы он не писал) читались на едином дыхании, он умел повернуть дело так, что эпоха вдруг открывалась такими гранями, что даже, казалось бы, очень знакомые вещи начинали выглядеть совершенно по-иному. Редкий дар. Люди, отягощённые предрассудками, бросались полемизировать. Если пролистать подшивку «Независимой газеты» за то время, пока Сергей в ней работал, то можно обнаружить, что в разделе «Полемика» статьи Константинова обсуждались едва ли не чаще, чем статьи любого другого автора газеты. Хороший признак: это значит, что Сергей будил мысль, показывал события с неожиданных сторон. Ну и, разумеется, ворошил осиные гнёзда. Однако раздражённые полемисты мало что могли опровергнуть по существу в его текстах. Ибо он знал о чём писал.

Его не пугали острые проблемы – хотя специально Сергей их вроде бы не искал. Но история сохранила для потомков полосной ругательный материал – отклик на публикацию о современных

учебниках истории одной ныне соседней кавказской страны. Авторы – два академика – не смогли подняться над мелкой мстительностью, не пошли вглубь фундаментального и доказательного, подлинно исторического подхода Константинова. Но исполнили политический заказ – обругали. Кто вспомнит через двадцать лет мелких конъюнктурщиков, если бы не статья Сергей Константинова?

Конечно, Сергей не был газетным человеком. Он был историк от Бога, и именно историком внутренне себя ощущал. А на поденщину ежедневной газеты его заставила пойти элементарная необходимость добывания средств к существованию. И, в общем, газета его тяготила. Проработав несколько месяцев, он как-то сказал, что коллеги-историки стали называть его публицистом. Видно было, что это его слегка задевает. Позднее он ещё несколько раз возвращался к этому. Спрашивал, в какой степени изменился стиль его письма, если смотреть со стороны.

Ни в какой. Конечно, газетная статья пишется иначе, чем академическая, но всякий, кто прочтёт тексты Сергея в этом сборнике, увидит, что он с блеском делал всё, за что брался.

И вот тот день, когда Сергей утонул...

Два ряда событий, разворачивающихся одновременно. Берег пруда – кабинет главного редактора «Независимой». В кабинете новое руководство. Оно плохо понимает, чем была эта газета для нормальных интеллигентных русских людей. И у него финансовые проблемы. Значит, надо облегчать газету, уничтожать целые разделы, сокращать штаты. О Сергее тоже шла речь в тот момент: нужен исторический обозреватель газете или не нужен? И решили, что надо подумать. Хотя – уже было ясно, чем дело пахнет: официоз да пиар в сочетании с деланной позой фрондёрства. Веление благонамеренного времени. В такой газете Сергей Константинов всё равно бы работать не стал. Но ужас в том, что он погиб. В этот день, в этот час.

Не стоит делать из этого никаких ходульных выводов. Тут по-прежнему только горечь и чувство вины.

*Олег Давыдов
Алан Касаев*

АИРО В XXI ВЕКЕ*

2000

- Ю.А. Рыбалкин.* Операция «Х». Советская военная помощь республиканской Испании. («АИРО – Первая монография»).
- А.Ю. Бахтурина.* Политика Российской империи в Восточной Галиции в годы Первой мировой войны. («АИРО – Первая монография»).
- Д.Ю. Гузевич.* Кентавр или к вопросу о бинарности русской культуры. («АИРО – Научные доклады и дискуссии. темы для XXI века». Вып. 7).
- Е.А. Котеленец.* «Харизматический властный союз». Новейшие исследования о Ленине и его политическом окружении. («АИРО – Научные доклады и дискуссии. темы для XXI века». Вып. 8).
- Дирк Кречмар.* Искусство и культура России XVIII–XIX в. в свете теории систем Никласа Лумана. («АИРО – Научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Вып. 9).
- В.Э. Молодяков.* Берлин–Москва–Токио: к истории несостоявшейся «оси». 1939–1941. («АИРО – Научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Вып. 10).
- Кевин Макдермотт, Джереми Агню.* Коминтерн. История международного коммунизма от Ленина до Сталина («АИРО – Первая публикация в России»).
- О.Г. Буховец.* Постсоветское «великое переселение народов»: Россия, Беларусь, Украина и другие. («АИРО – Научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Вып. 11).
- Историки России. Послевоенное поколение. Сост. Л.В. Макасова.
- Ф.Ф. Торнау.* Воспоминания кавказского офицера.
- Б. Чижков.* Подмосковные усадьбы сегодня. Путеводитель с картой-схемой.

* Об изданиях АИРО в 1993–1999 гг. см. подробнее: *Бордюгов Г.А., Ушаков А.И.* Поиски альтернативных структур в исторической науке. АИРО-XX: издательским программам 5 лет. – М., 1998; *Они же.* Развитие альтернативных структур в исторической науке. АИРО-XX: издательским программам и научным проектам 10 лет. – М., 2003.

Мифы и мифология в современной России /Под редакцией К. Аймермахера и Г. Бордюгова. Предисловие Ф. Бомсдорфа.

Политика по контролю кризисной смертности в России в переходный период. (Программа развития ООН/Россия).

Policies for the Control of the Transition's Mortality Crisis in Russia. (United Nations Development Programme/Russia).

2001

- Стивен Козн.* Провал крестового похода. США и трагедия посткоммунистической России. («АИРО – Первая публикация в России»).
- Ленарт Самуэльсон.* Красный колосс. Становление военно-промышленного комплекса СССР. 1921–1941 гг. («АИРО – Первая публикация в России»).
- Политическая полиция и политический терроризм в России (вторая половина XIX – начало XX вв.). Сборник документов. («АИРО – Первая публикация»).
- А.П. Ненароков.* Последняя эмиграция Павла Аксельрода. Из цикла «В поисках жанра». («АИРО – Монография»).
- И. Ротарь.* Под зелёным знаменем. Исламские радикалы в России и СНГ. («АИРО – Научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Вып. 12).
- Новые концепции российских учебников по истории /Сост. К. Аймермахер, Г. Бордюгов, А. Ушаков. («АИРО – Научные доклады и дискуссии. темы для XXI века». Вып. 13).
- Новый мир истории России. Форум японских и российских исследователей – к 60-летию профессора Харуки Вада /Под редакцией Г. Бордюгова, Н. Исии, Т. Томита.
- Magister vitae. К 80-летию Л.И. Мильграма /Составители М.Я. Шнейдер, Г.А. Бордюгов.
- Элита средств массовой информации. Россия 2001 год. Опрос руководителей и журналистов в электронных и печатных средствах массовой информации.
- Человек и война (Война как явление культуры). Сборник статей /Под редакцией И.В. Нарского и О.Ю. Никоновой.
- С.В. Константинов, А.И. Ушаков.* История после истории. Образы России на постсоветском пространстве.
- А.Г. Макаров, С.Э. Макарова.* Цветок-татарник. В поисках автора «Тихого Дона»: от Михаила Шолохова к Фёдору Крюкову.

В углу: начало Гражданской войны глазами русских писателей. П. Н. Краснов, Ф. Д. Крюков, И. А. Родионов /Составители А. Г. Макаров, С. Э. Макарова.

2002

Анна Гейфман. В сетях террора. Дело Азефа и Русская революция. («АИРО – Первая публикация в России»).

Беттина Зибер. «Русская идея» обязывает!? Поиск русской идентичности в общественных дискуссиях конца XX век. («АИРО – Научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Вып. 14).

Преодоление прошлого и новые ориентиры его переосмысления. Опыт России и Германии на рубеже веков. Международная конференция. Москва, 15 мая 2001 г. /Под редакцией К. Аймермахера, Ф. Бомсдорфа, Г. Бордюгова.

Промышленность Урала в XIX–XX веках. Сборник научных трудов /Под редакцией В. П. Чернобровина.

Историки читают учебники истории. Традиционные и новые концепции учебной литературы /Под редакцией К. Аймермахера и Г. Бордюгова.

Культура и власть в условиях коммуникационной революции XX века. Форум немецких и российских культурологов /Под редакцией К. Аймермахера, Г. Бордюгова, И. Грабовского.

Б.И. Чехонин. Как богатеют, не воруя (по странам и континентам).

Synopsis operandi профессора Аймермахера /Составитель А. И. Ушаков.

С.Б. Веселовский. Подмосковье в древности. Три очерка.

Фёдору Крюкову, певцу Тихого Дона.

Вадим Смиренский. Разбор сюжетов.

2003

Развитие альтернативных структур в исторической науке. АИРО-XX: издательским программам и научным проектам 10 лет /Составители Г. А. Бордюгов, А. И. Ушаков.

Марк Юнге. Страх перед прошлым. Реабилитация Н.И. Бухарина от Хрущёва до Горбачёва. («АИРО – Первая публикация в России»).

И. А. Гордеева. «Забытые люди». История российского коммунарного движения. («АИРО – Первая монография»).

Исторические исследования в России-II. Семь лет спустя /Под редакцией Г. А. Бордюгова.

In Memoriam. Г.М. Адибеков, С.В. Константинов, Ю.В. Соколов /Составители Г. А. Бордюгов и А. И. Ушаков.

Мифы и мифология в современной России /Под редакцией К. Аймермахера, Ф. Бомсдорфа, Г. Бордюгова. Изд. 2-е, дополн.

Национальные истории в советском и постсоветских государствах /Под редакцией К. Аймермахера, Г. Бордюгова. Предисловие Ф. Бомсдорфа. Изд. 2-е, испр. и дополн.

Богатые и бедные в современной России. Аналитический доклад.

Валерий Брюсов. Мировое состязание. Политические комментарии. 1902–1924 /Составитель В. Э. Молодяков. («АИРО – Первая публикация в России»).

Россия и страны Балтии, Центральной и Восточной Европы, Южного Кавказа, Центральной Азии: старые и новые образы в современных учебниках истории. Научные доклады и сообщения /Под редакцией Ф. Бомсдорфа, Г. Бордюгова.

Мегаполисы и провинции в современной России: образы и реальность. Аналитический доклад.

Застольные речи Сталина. Документы и материалы /Сост., введение, коммент. В. А. Неvejeва.

2004

Д.А. Андреев, Г.А. Бордюгов. Пространство власти от Владимира Святого до Владимира Путина. Краткий курс, X–XXI вв.

Булавинский бунт (1707–1708). Эпюд из истории отношений Петра В. к Донским казакам. Неизвестная рукопись из Донского архива Федора Крюкова.

Из старых тетрадей. *С.Б. Веселовский.* Страницы из Дневника. 1917–1923. *В. С. Веселовский.* Встречи с И.А. Буниным в 1917 году. Итог революции и Гражданской войны.

Die Russischen Mittelschichten: Dynamik ihrer Entwicklung (1999–2003). Ein Analytischer Bericht.

Экономическая элита России в зеркале общественного мнения. Аналитический доклад.

Russlands «Oligarchen»: Die Russen und ihre Wirtschaftselite. Ein Analytischer Bericht.

Moskau und die Provinz: Wie groß sind die Gegensätze? Ein Analytischer Bericht.

Василий Молодяков. Бумажный парус. Стихотворения 1988–2000.

Ю. Сигов. Многоликая Малайзия.

А.А. Куреньшиев. Всероссийский крестьянский союз. 1905–1930 гг. Мифы и реальность. («АИРО – Монография»).

Россия: удачи минувшего века /Г. Бордюгов, В. Молодяков, Б. Соколов, а также: В. Есаков, Е. Левина, Л. Мазун, Э. Молодякова, А. Полунов, Л. Федянина, Г. Ульянова.

Россия и Япония: соседи в новом тысячелетии. Сборник статей.

Марк Юнге, Рольф Биннер. Как Террор стал «Большим». Секретный приказ № 00447 и технология его исполнения. («АИРО – Первая публикация в России»).

2005

Никита Дедков. Консервативный либерализм Василия Маклакова. («АИРО – Первая монография»).

Жанат Кундакбаева. «знаком милости Е.И.В. ...». Россия и народы Северного Прикаспия в XVIII веке. («АИРО – Монография»).

В.Д. Соловей. Русская история: новое прочтение. («АИРО – Монография»).

С.И. Валянский. Теория информации и образование. Об условиях выживания России. («АИРО – Монография»).

П.Б. Уваров. Дети хаоса: исторический феномен интеллигенции. («АИРО – Монография»).

1917: частные свидетельства о революции в письмах Луначарского и Мартова. («АИРО – Первая публикация» (совместно с Издательством РУДН)) /Под редакцией Г. А. Бордюгова и Е. А. Котеленец, сост. Н. С. Антонова и Л. А. Роговая, введ. Лотара Майера.

Б.Г. Тартаковский. Всё это было... Воспоминания об исчезающем поколении. («АИРО – Первая публикация»).

Б.Г. Тартаковский. Из дневников военных лет. («АИРО – Первая публикация»).

Кацура Таро, Гото Симпэй и Россия. Сборник документов. 1907–1929. («АИРО – Первая публикация»). Публ. В.Э. Молодякова /Под редакцией Г. А. Бордюгова.

Норман Неймарк. Пламя ненависти. Этнические чистки в истории Европы в XX веке. («АИРО – Первая публикация в России»).

Стивен Коэн. Можно ли было реформировать Советскую систему. («АИРО – Научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Вып. 16.)

Александр Зиновьев, Герман Кант, Бернхард Кьяри, Борис Соколов, Андрей Турков. Великая война: трудный путь к правде. («АИРО – Научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Вып. 17, совм. с журналом «Свободная мысль–XXI»).

Истребительная война на Востоке. Преступления вермахта. Сб. докладов. («АИРО – Научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Вып. 18, совм. с Центром «Запад–Восток», Кассельский университет).

Дмитрий Андреев, Геннадий Бордюгов. Пространство памяти: Великая Победа и власть. («АИРО – Научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Вып. 19).

Прошлое и будущее российско-японских отношений: по следам Кацура Таро, Гото Симпэй, Нитобо Инадзо. Материалы симпозиума (Москва, 4 октября 2004 г.) /Под ред. Г. Бордюгова и В. Молодякова.

Россия и тотальная война в XX столетии: взгляд из удаляющейся перспективы. Материалы Международного интернет-семинара.

Жанат Кундакбаева. Политика Российской империи в отношении народов Северного Прикаспия в XVIII веке: историография проблемы и источники изучения.

Владимир Самарин. Страсти по «Тихому Дону». Заметки на полях романа.

Борис Соколов. Моя книга о Владимире Сорокине.

60-летие Второй мировой и Великой Отечественной войн: победители и побеждённые в контексте политики, мифологии и памяти. Материалы к Международному Форуму (сентябрь, 2005). Совм. с Фондом Фридриха Науманна.

Ст.Б. Веселовский. Из истории Московского государства в XVII веке. Три статьи /Сост. А.Г. Макаров и С.Э. Макарова.

Рой Медведев. Социализм в России?

Япония 2004–2005. Ежегодник.

2006

Дмитрий Люкин. Вторая русская смута: крестьянское измерение. («АИРО – Первая монография»).

А.Г. Ложкин. Право победителей. Правовой отдел СВАГ: история создания и деятельности. 1945–1949. («АИРО – Первая монография»).

Ф.Г. Куначёва. Религиозные воззрения абазин (с древнейших времён до наших дней). («АИРО – Первая монография»).

В.Э. Молодяков. Эпоха борьбы. Сиратори Тосио (1887–1949) – дипломат, политик, мыслитель. («АИРО – Монография»).

Агентурная работа политической полиции Российской империи. Сборник документов. 1880–1917. Публ. Е.И. Щербаковой /Под ред. Г.А. Бордюгова. («АИРО – Первая публикация»).

Молодёжь и политика. Материалы семинара (сентябрь 2005) /Под редакцией Ф. Бомсдорфа и Г. Бордюгова. Библиотека либерального чтения. Вып. 17.

Назревшая дискуссия. Некоторые итоги обсуждения истории Второй мировой войны. Общественный Форум (Москва, 28 сентября 2005 г.). Стенограмма

- /Под ред. Ф. Бомсдорфа и Г. Бордюгова. Библиотека либерального чтения. Вып. 18.
- Э. Саблина. 150 лет Православия в Японии. История Японской Православной Церкви и её основатель Святитель Николай. («АИРО – Монография»).
- Советская политика в Австрии. 1945–1955 гг. Сборник документов /Под ред. и составление Геннадия Бордюгова, Вольфганга Мюллера, Нормана М. Неймарка, Арнольда Суппана. («АИРО – Первая публикация»).
- Малороссия. Новороссия. Крым. Исторический и этнографический очерк. Сост. А. Г. Макаров и С. А. Макарова.
- Советская Военная Администрация в Германии (СВАГ). Управление пропаганды (информации) и С. И. Тюльпанов. 1945–1949 гг. Сб. документов. /Под ред. Геннадия Бордюгова, Бернда Бонвеча и Нормана Неймарка. («АИРО – Первая публикация»). Изд. 2-е, дополн. и измен.
- Портрет современного японского общества.
- В. Э. Молодяков. Гото Симпэй и русско-японские отношения. («АИРО – Монография»).
- Н. А. Четырина. Сергиевский посад в конце XVIII – начале XIX вв. (Посад как тип городского поселения). («АИРО – монография»).
- П. Павленко. Либерально-демократическая партия в политической системе Японии. 1955–2001.
- Павел Гвоздев. Русские на марше: от химеры к тотальной мобилизации.
- Япония. Ежегодник. 2006.
- Сергей Валянский. Хронотроника и эволюция социальных систем. («АИРО – Научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Вып. 20).
- В тени «Тихого Дона». Фёдор Крюков – забытый русский писатель. («АИРО – Научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Вып. 21).

2007

- Я. В. Леонтьев. «Скифы» русской революции. Партия левых эсеров и её литературные попутчики. («АИРО – Монография»).
- Стивен Коэн. «Вопрос вопросов»: почему не стало Советского Союза?
- Ирина Каргина. Букет бессмертников. Константин Каргин и Михаил Шолохов: неизвестные страницы творческой биографии.
- С. Ф. Платонов. Смутное время. Очерк истории внутреннего кризиса и общественной борьбы в Московском государстве XVI и XVII веков.

- А. Г. Тепляков. «Непроницаемые недра»: ВЧК-ОГПУ в Сибири. 1918–1929 гг. («АИРО – Первая монография»).
- Р. А. Гоголев. «Ангельский доктор» русской истории. Философия истории К. Н. Леонтьева: опыт реконструкции. («АИРО – Первая монография»).
- И. А. Алексеева. История всемирного христианского молодёжного движения в России. («АИРО – Первая монография»).
- В. И. Колесов. Служил Советскому Союзу... Воспоминания. («АИРО – Первая публикация»).
- Фридрих Фирсов. Секретные коды истории Коминтерна. 1919–1943. («АИРО – Первая публикация в России»).
- С. И. Валянский. Язык мой – враг мой.
- Е. П. Розанова. Друг мой – враг мой, лексика моя.
- Владимир Дмитриевич Есаков. Биобиблиографический указатель. Сост. Г. А. Бордюгов, Е. С. Левина /Предисловие А. П. Ненарокова.
- Эльгена Васильевна Молодякова. Биобиблиографический указатель. Сост. Г. А. Бордюгов, А. Е. Куланов.
- Япония открытая миру. Коллективная монография.
- В. Г. Воловников. О необыкновенном годе необыкновенной эпохи (Неизвестная история выставки Пабло Пикассо в СССР в 1956 г.). («АИРО – научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Выпуск 22).
- В. Д. Соловей. Смысл, логика и форма русских революций. («АИРО – научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Выпуск 23).
- Россия без Советского Союза: что потеряли и приобрели, что впереди? Стенограмма Общественного Форума 19 декабря 2006 г. и материалы дискуссии. Под ред. Фалька Бомсдорфа, Геннадия Бордюгова и Алана Касаева. Библиотека либерального чтения. Выпуск 19.
- Александр Рабинович. Большевики у власти. Первый год советской эпохи в Петрограде. («АИРО – первая публикация в России»).
- Революционная Россия. 1917 год в письмах А. Луначарского и Ю. Мартова. Под ред. Г. А. Бордюгова и Е. А. Котеленец, сост. Н. С. Антонова и Л. А. Роговая, введ. Л. Майер. – М., 2007. («АИРО – первая публикация»).
- Владимир Путин. Рано подводить итоги / Под ред. Г. А. Бордюгова, А. Ч. Касаева (совместно с «АСТ»).
- Япония. Ежегодник. 2007.
- Николай Андреев. Первые стихи.
- Служение России. Торгово-промышленная палата РФ. 1917–2007. Научно-популярное иллюстр. издание-альбом / Под ред. Е. М. Примакова (совместно с ТПП РФ).

2008

Тосио Сиратори. Новое пробуждение Японии / Сост. и вст. ст. В. Э. Молодякова

Ф. Торнау. Воспоминания кавказского офицера / Сост. А. Г. Макаров, С. Э. Макарова, вст. ст. С. Э. Макарова

De Futuro, или история будущего. Сб. статей / Под ред. Д. Андреева и В. Прозорова.

Danke, профессор Аймермахер. 12 писем из России / Сост. Г. А. Бордюгов, Т. М. Горяева.

Харуки Вада – сенсей российской истории / Сост. Г. А. Бордюгов.

Стивен Коэн и Советский Союз / Россия. / Сост. Г. А. Бордюгов, Л. Н. Доброхотов.

Узник Лубянки. Тюремные рукописи Н.И. Бухарина / Предисл. С. Бабурина, Введение Ст. Коэна. Под ред. Г. Бордюгова («АИРО–Первая публикация»)

Леонид Козлов. В диалоге с памятью («АИРО–Первая публикация»)

Сергей Викторович Константинов

«В НЕВЕРНОМ ОЗАРЕНЬЕ СЛАВЫ...»:
реформаторы и жертвы

Подписано в печать с оригинал-макета 29.02.2008.
Формат 60x84 1/16. Бум. офс. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 4,8. Тираж 300 экз.

АНО НИЦ «АИРО–XXI»
107207, Москва, Чусовская ул., д. 11, к. 7.
Телефон: (095) 466-16-35. e-mail: andmak@airo-xxi.ru
<http://www.airo-xxi.ru>